

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

4

Выпуск (861)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

4

Issue (861)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 4(861) / 2025

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор

В. К. Белозёров

доктор политических наук, профессор

Ответственный редактор

М. В. Пупышева

кандидат политических наук

Ответственный секретарь

А. А. Азаренкова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Новикова И. Н.	доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Передня Д. Г.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Радиков И. В.	доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, профессор (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Филимонов О. В.	доктор социологических наук, профессор (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Ширинянц А. А.	доктор политических наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 4(861) / 2025

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
V. K. Belozyorov

Editor-in-charge
M. V. Pupysheva

Responsible Secretary
A. A. Azarenkova

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor

PhD (Political Sciences)

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Novikova Irina	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Saint Petersburg State University)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Perednya Dmitry	Doctor of Sociology (Dr. Habil), Associate Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Radikov Ivan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Saint Petersburg State University)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Filimonov Oleg	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Shirinyants Alexander	Doctor of Political Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сравнительное регионоведение как индикатор модификационных свойств современного мира БОБЫЛЕВ В. Ю.	9
Глобальное военное присутствие во внешней политике США: аспекты американской стратегической культуры КОЖУХОВА К. Е.	16
Критическое историко-политологическое исследование немецкой геополитики как пространственно-политической концептуальной парадигмы ЛАПИНС В.	25
«Черный континент» в глобальной игре ключевых акторов мировой политики ПЕТКОВА Е. В.	37
Структурные процессы в международных отношениях в середине 2020-х годов ШАКЛЕИНА Т. А.	45

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Московский коммунальный двор как социальное явление ГОРЛОВ В. Н.	54
О стратегических интересах США в постфранкистской Испании МИХАЙЛИН И. В.	61
Битва за Ленинград в интерпретации современных англоязычных историков СУЗДАЛЬЦЕВ И. А.	73
Германское консервативное Сопротивление нацизму: взгляд из Германии и России ХАВКИН Б. Л., БОЖИК К.Б.	81

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Характер отношения молодежи к дополнительному образованию: кейс на основе использования метода семантического дифференциала БЕССОНОВА М. О.	90
Воспоминания женщин, переживших Великую Отечественную войну, как способ сохранения исторической памяти (анализ на примере нарративного интервью крымчанок) КЛИНЦОВА М. Н.	100

Молодой преподаватель иностранного языка в российском вузе: его профессиональные компетенции и идентичность САЛИХОВА И. С.	107
Советский опыт наставничества и возможности его использования в современных условиях: социологический подход СТАНЕВИЧ А. Ю.	116
Социокультурные риски миграции: опыт и восприятие в принимающем сообществе (на примере Республики Адыгея) ЧИСТЯКОВА О. А.	129
Эволюция теорий управления социальными системами сквозь призму классических и современных подходов ПОПЛЕВКИН Н. П.	136

POLITICAL SCIENCES

Comparative Regional Studies as an Indicator of the Modification Properties of the Modern World BOBYLEV V. YU.	9
Global Military Presence in US Foreign Policy: Aspects of American Strategic Culture KOZHUKHOVA K. E.	16
Critical Historiographical-Political Science Policy Paper on German Geopolitics as a Spatial-Political Conceptual Paradigm LAPINS W.	25
The «Black Continent» in the Global Game of Key Actors PETKOVA E. V.	37
Structural Transformations in International Relations in the Mid-2020s SHAKLEINA T. A.	45

HISTORICAL SCIENCES

Moscow Communal Courtyard as a Social Phenomenon GORLOV V. N.	54
On US Strategic Interests in Post-Franco Spain MIKHAILIN I. V.	61
The Battle of Leningrad as Interpreted by Modern English-Speaking Historians SUZDALTSEV I. A.	73
German Conservative Anti-Nazi Resistance: German and Russian Glimpse KHAVKIN B. L., BOZHNIK K. B.	81

SOCIOLOGICAL SCIENCES

The Nature of Youth's Attitude to Additional Education: the Case Based on the Use of the Semantic Differential Method BESSONOVA M. O.	90
Memoirs of Women Who Survived the Great Patriotic War as a Way to Preserve Historical Memory (Analysis Using the Example of a Narrative Interview With Crimean Women) KLINTSOVA M. N.	100

CONTENTS

A Young Teacher of a Foreign Language at a Russian University: His Professional Competencies and Identity SALIKHOVA I. S.	107
The Soviet Experience of Mentoring and the Possibilities of its Use in Modern Conditions: the Sociological Approach STANEVICH A. YU.	116
Sociocultural Risks of Migration: Experience and Perception in the Host Community (using the Republic of Adygea as an Example) CHISTYAKOVA O. A.	129
Evolution of Theories of Social Systems Management Through the Prism of Classical and Modern Approaches POPLEVKIN N. P.	136

Сравнительное регионоведение как индикатор модификационных свойств современного мира

В. Ю. Бобылев

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tihon1999@gmail.com*

Аннотация. Современный мир столкнулся с проблемой: чем напористей глобализация, тем востребованней решение проблем всевозможной локальной специфики. Суть модификации мира заключается в том, что мировой политический процесс охватывает территории, веками формирующие собственный императив развития. Оформился процесс глобальной регионализации, который рассматривается как регионализация системы международных отношений (МО). Изменения актуализируют обращение к понятиям: «регион», «регионализация», «суверенитет», «квазигосударство», «акторы системы МО» и т. д.; регионоведение как наука. Регионоведение становится инструментом познания мира в условиях его трансформации. Формируется проблематика изучения сравнительного регионоведения – индикатора мирового транзита. Он, в свою очередь, определяет вектор вырисовывающейся структуры мира. Имеется в виду новое прочтение концепта «регион», попытка создать новое направление в изучении регионального уровня в контексте глобальных перемен. Цель исследования – выявить роль сравнительного регионоведения как средства оценки трансформационных процессов современности. В соответствии с поставленной целью были привлечены методы научного познания, такие как: изучение, синтез, анализ, систематизация исследовательских работ, отражающих различные аспекты международной политики. В соответствии с теоретической базой исследования были спрогнозированы и смоделированы направления развития современных политических процессов. Метод сравнительного анализа, действующий в рамках цивилизационного и системного подходов к познанию, представляется определяющим, значимым, а его разработка и применение открывает перспективы для более полного понимания содержания формирования системы МО. В результате исследования автор пришел к выводу, что механизм развития регионов оказывает устойчивое влияние на мир; сравнительное регионоведение позволяет определить направления и приоритеты в этом процессе. Полученные результаты подтверждают прогнозы о длительности современного переходного периода.

Ключевые слова: регион, регионализм, регионализация, трансформация, реглобализация, регионоведение, компаративистика, сравнительное регионоведение, методика, система международных отношений

Для цитирования: Бобылев В. Ю. Сравнительное регионоведение как индикатор модификационных свойств современного мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 9–15.

Original article

Comparative regional studies as an indicator of the modification properties of the modern world

Viktor Yu. Bobylev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tihon1999@gmail.com*

Abstract. The modern world is faced with a problem: the more aggressive globalization is, the more urgent it is to solve problems of various local specifics. The essence of the modification of the world is that it involves territories that have been forming their own development imperative for centuries.

The process of global regionalization has taken shape, which is considered as the regionalization of the system of international relations (hereinafter – MO). The changes actualize the appeal to the concepts: "region", "regionalization", "sovereignty", "quasi-state", "actors of the defense system", etc.; regional studies as a science. Regional studies is becoming a tool for understanding the world in terms of revealing its transformation. The problem of studying comparative regional studies, an indicator of global transit that determines the vector of the emerging structure of the world, is being formed. This refers to a new interpretation of the concept of "region", an attempt to create a new direction in the study of the regional level in the context of global changes. The purpose of the article is to identify the role of comparative regional studies as a method in assessing the transformational processes of our time. In accordance with this goal, such methods of scientific knowledge as the study, synthesis, analysis, and systematization of research papers reflecting aspects of international politics were used. Based on the theoretical experience gained, forecasting and modeling of the development of modern political processes are used. The method of comparative analysis, operating within the framework of civilizational and systemic approaches to cognition, seems to be decisive and significant, and its development and application opens up prospects for a more complete understanding of the content of the formation of the MO system. As a result of the research, the author came to the conclusion that the mechanism of regional development has a sustainable impact on the world; comparative regional studies allows us to determine the directions and priorities in this process. The results obtained confirm the predictions about the duration of the modern transition period and the identification of approaches to its understanding.

Keywords: region, regionalism, regionalization, transformation, reglobalization, regional studies, comparative studies, comparative regional studies, methodology, system of international relations

For citation: Bobylev, V.Yu. (2025). Comparative regional studies as an indicator of the modification properties of the modern world. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 9–15. (In Russ.)

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Трансформация мира в 1990-е годы и в первой четверти XXI века свидетельствует, что формирование новой системы МО обозначило проблемы самосохранения региональных основ развития. Политические процессы перемещаются в регионы, уверенные в том, что «признание модели развития сильнейшего – это капитуляция, потеря будущего» [Данилов, 2021, с. 17]. На первый план выходят вопросы идентичности территорий. Этим объясняется всплеск интереса к проблемам регионализма. В научной литературе встречается термин «глобальная регионализация» – регионализация системы МО. Региональный срез международных отношений открывает пласт материала, лишь отчасти затронутого политической теорией [Ефремова, 2017]. Регионализация приобретает новое качество, новые мотивации. Устойчивость территорий предопределяет многое в формировании нынешней мировой системы.

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУКА. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Внимание к проблемам географического разделения пространств, выделения исторически сформированных территорий привело во второй

половине XX века к появлению регионалистики. У. Айзард ввел термин «региональная наука» [Айзард, 1998]. Региональная наука превратилась в комплексную совокупность направлений и методологических подходов. Регионоведение – область междисциплинарного знания для систематического изучения социально-экономического, политического, культурного развития территориального образования [Иванова, 2008]. В регионоведении выделяют теоретическую часть (регионалистику), конструктивное регионоведение (проектирование систем) и познавательное регионоведение (изучение пространства). Предметная область междисциплинарна, формируется «на стыке» различных наук [Зиневич, Рузанкина, 2014]. Т. И. Касавин назвал такие системы «мульти-дисциплинарными» [Междисциплинарность в науках и философии, 2010], синтетическими, требующими комплексного изучения. С начала 2000-х годов вышли учебные пособия Ю. Г. Волкова, Ю. Н. Гладкого, А. Д. Воскресенского и др., выявившие сущность, структуру, задачи регионоведения, в которые входят: выбор инструментария оценки региональных явлений; изучение институтов развития; оценка эффективности региональных группировок; особенностей межрегиональных контактов. Решение этих задач позволит: выявлять проблемы взаимоотношения

центров и периферии; готовить рекомендации для властных органов; разрабатывать методику решения региональных конфликтов; отслеживать эффективность создания наднациональных структур; осмысливать интеграционные процессы; выявлять закономерности развития лимологии. Регионоведение ныне – это инструмент познания мира в условиях трансформационных перемен.

СРАВНЕНИЕ КАК ВЫЯВЛЕНИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Практика регионостроительства требует новых подходов. Современный мир характеризуется множеством форм интеграции, возникших в процессе эволюции регионализма. Сравнительный регионализм (СР) предполагает новое прочтение концепта «регион», стремление сформировать новое направление в изучении регионального развития в контексте глобальных процессов, свободного от «европейского универсализма» [Лагутина, Михайленко, 2020]. Новое понимание «региона» на основе сравнительного анализа является ключевым способом познания мира, индикатором отхода от стереотипного мировосприятия.

В научной литературе приемы компаративистики (сравнительного метода) представлены широко [Елистратов, 2004]. Согласно принятым определениям, сравнение – это логическая процедура, являющаяся базой всех познавательных действий. Метод сравнительного анализа представляется динамично развивающимся направлением. Во второй половине XX века проявилась тенденция к интеграции научного знания. В регионоведении определилась возможность кристаллизации различных специализаций. Сравнение явилось одной из них. Данному направлению уделяется внимание в исследованиях Е. В. Кремнева, О. В. Кузнецовой, Е. Б. Михайленко, зарубежных исследователей [Михайленко, 2016]. Определяется общие подходы в «сравнительном регионоведении».

Термин ввел Ф. Лаурсен, изучая мировые интеграционные процессы [Laurson, 2003]. Вышли работы Ф. Содербаума, Л. Ван Лангенхове по изучению региональной динамики [De Lombaerde, et al., 2009]. А. Варлейх-Лак и Л. Ван Лангенхове пришли к выводу о необходимости применения сравнительного анализа с использованием социальных наук [Warleigh-Lack, van Langenhove, 2010]. А. Ачария воспринял теорию «сравнительного регионализма» в широком смысле как опирающуюся на историческое наследие территорий, предполагающую отказ от европоцентричности [Acharya, 2012].

«Сравнительный регионализм» – исследование, включающие изучение типов регионального

строительства, теоретического осмысления формирования регионов, критерии эффективности регионализма, роли политических институтов. Его содержанием являются:

- внимание к специфике создания региона;
- изучение региональных структур;
- регионализация как основа решения практических задач;
- идейные основы построения региона;
- взаимосвязь между установкой на построение региона и процессом его формирования [Михайленко, 2016].

А. Чария понимает под СР формирующуюся теорию регионализма с учетом исторического наследия всех исследований [Acharya, 2012]. Автор обозначил основополагающую проблематику: поиск основообразующих теорий для дисциплины; уточнение предмета изучения СР; договоренности о критериях регионализма; включение оценки эффективности институтов власти.

СР позволяет определить:

- характеристики изучаемого объекта;
- тенденции и закономерности развития региона в контексте всемирно-исторического процесса;
- степень соответствия модели институционализации региона его сути;
- соответствие законов развития региона мировым процессам;
- научность интерпретаций региональных событий.

Цель сравнительного анализа в региональной перспективе заключается в том, чтобы приблизиться к понятию законов развития систем с учетом локальных контекстов и культурных традиций. Это позволяет говорить о рождении новой компаративной истории. Выявляемые индикаторы развития должны применяться как взаимодополняемые, учитываться в выстраивании архитектуры современного мира [Репина, 2014].

Сравнительное регионоведение отвечает на вопросы: как концептуализировать автономию региона; как определять роль регионов в глобализации; как регионы производят и передают идеи, заимствуют нормы; каков механизм формирования региона в качестве актора системы МО и т. д.

Необходимо помнить о недопустимости политизации науки, избегания клише евроцентризма и американоцентризма. Советология преследовала политические цели. Использование Запада в качестве модели развития задавало шкалу ценностей, критического осмысления пройденного. Сравнительный анализ процессов в региональном измерении имеет целью постижение региона как системы с учетом локальных контекстов [там же].

Пришло время для комплексного исследования регионализма. Данную задачу предстоит решить СР [Acharya, 2012].

МЕТОДЫ И ТЕОРИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Сравнительный анализ как метод научного исследования широко и эффективно используется в регионоведении при изучении сторон регионального состояния, сопоставлении показателей уровня межрегиональной динамики, влияния региональных процессов на мир. Являясь определяющим, он позволяет раскрыть сущность, траекторию и вектор арсенала методики дисциплины. Сравнительные региональные исследования (СРИ) содержат инструментарий, позволяющий выдвинуть на передний план достижения в области социальных наук; выявить переносные концепции и причинно-следственные связи с помощью межрегионального анализа, предоставить преимущества методам исследования, которые были разработаны для изучения развитых промышленных государств и адаптированы к их специфике [Сил, Ахрам, 2020]. Исследования отдельных случаев и «подробные описания» в традициях этнографического и социально-антропологического подходов, больше не сочетаются с масштабным только количественным анализом [Geertz, 1973]. Сравнительный метод – систематическое сравнение относительно небольшого числа явлений – претерпел качественные изменения, трансформировался в более объемный охват материала с необходимыми обобщениями [Ragin, 1987; Ragin, Rihoux, 2009]. Ныне происходит переоценка имеющихся региональных исследований для более глобальных выводов с применением большего количества методов и методик [Almond, 2002; Szanton 2002; Basedau, Köllner, 2007].

Наука по своим методам и теоретическим подходам глобализирована, она ускоряет получение знаний и их трансляцию в мир, влияет на конструирование мирового политического процесса. Как отмечает Х. Карлбэк, методология СР значительно продвинулась вперед. Можно сказать, что традиционная методология уходит в прошлое [Карлбэк, 2012], развивается арсенал новых подходов к выявлению выводов и гипотез.

Современная сравнительная региональная методология включает следующие подходы:

- качественный сравнительный анализ (QCA);
- теории рационального вектора;
- этнографический и социально-антропологический методы;
- бинарные сравнения;

- идеографический сравнительно-ориентированного изучения случая (единичный случай);
- региональные сравнительные исследования;
- кросснациональные сравнения;
- сравнительный анализ политического транзита;
- номотетический (поиск закономерностей развития);
- использование индивидуальной, дедуктивной методологии;
- понимание как концепции и методологии;
- синтез макро- и микроисторических подходов в анализе исторического пути развития регионов;
- метод совместного наблюдения (обоснованная теория);
- мультиметодный подход как способ объединения качественных исследований, ориентированных на конкретные области и т. д.

В процессе формирования методологии был заложен фундамент научного направления и учебной дисциплины.

В результате опыта решения практических задач с использованием специфических методик организации анализа региональной деятельности, применения смешанных методов для проведения качественных работ к состоянию и развитию регионов, их влияния на мир, – утверждается концепция сравнительного регионоведения. Ее отправными точками становятся: региональные явления, факторы, процессы; теоретико-методологическая основа исследований; приемы и техника обработки результатов с целью выявления «рациональных зерен», новых интеллектуальных технологий, определения «концепций будущего» и т. д.

Происходит оформление внутренней структуры дисциплины, определяется ее целостность на основе: расширения корпуса и исследовательского поля; согласования стандартов и ожиданий регионоведов с видением развития МО в иных науках; обмена выявляемыми знаниями, их трансляции в социум и мировой порядок. СР можно назвать индикатором, определителем свойств развития мира, средством прогнозирования, показателем дееспособности механизмов системы МО.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе глобальной регионализации устойчивость территорий предопределяет многое. Регион служит точкой отсчета в восприятии мироздания, строительным материалом формирования новой системы МО, часто беря на себя квазигосударственные функции. Регионализация – инструмент

противодействия негативным последствиям глобализации. Во второй половине XX столетия сформировалась тенденция интеграции научного знания. Регионоведение определило направления познания мира в условиях трансформационных перемен. В его рамках появилась возможность кристаллизации специализаций. На основе комплексного сравнения регионов родилось сравнительное регионоведение. СР выявляет потенциал устойчивости региона, его конкурентоспособность, его роль в макрорегиональном строительстве и международном процессе. СР демонстрирует широкий подход. Он заключается в стремлении найти и показать причинно-следственные связи явлений в разных регионах мира, вести исследования в нескольких сообществах. Сравнительный анализ региональных процессов приближает нас к понятию законов развития систем с учетом локальных контекстов и культурных традиций. Выявляемые индикаторы состояния территорий могут применяться как взаимодополняемые, предопределять положительный исход трансформационного периода при своевременном учете и реагировании на процессы в проблемных регионах земли. СР совершенствует методики сравнения в условиях реглобализации. Задача – в его применении, практическом использовании для предотвращения грядущих угроз, «здоровья» этносов и территорий, государств.

СР применительно неустойчивым процессам в современном мире реализуется в конкретный исторический момент политической волей руководства, умелым использованием научного потенциала. Модификационные процессы в мире после крушения Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, многогранность внешнеполитической практики позволяют определить

аспекты применения СР в макрорегиональном, территориальном уровне.

Известно, что факторы внешнеполитического давления оказывают решающую роль в воздействии на государства и регионы. Интенсивное внедрение интересов США в Латинскую Америку, превратило ее в ареал потрясений, частой смены политических режимов, чередования периодов противоположных ценностно-ориентированных правительств. Игнорирование подобного опыта молодыми государствами предвещает возникновение данной картины во многих регионах земли, в том числе, в Средней Азии, режимы которой, прикрываясь демагогией, внедряют англо-саксонские ценности, прикрываясь так называемым национальным строительством, выходом из зоны «российского влияния». Создание зон нестабильности вокруг РФ, выгодны США, Британии, ЕС, а механизм управления ими выработан десятилетиями. РФ необходимо упреждать негативные сценарии в лимитрофном поясе Евразии, думать о формировании здорового морально-политического, социально-экономического климата в субъектах федерации, не увлекаясь вопросами генерации национальной самодостаточности на местах.

СР, выявляя состояние исторического развития территорий в рамках одного государства, позволяет определить лимологию макрорегионов мира в перспективе. Практика регионостроительства интенсифицируется. Нельзя допустить ее непредсказуемости. Проблема устойчивости границ современных государств не снята с политической повестки дня. Она определяет сущность трансформационных процессов. Формирующаяся методология СР заложила основу научного направления познания современного мира, определяет направления и приоритеты в данном процессе. Вопрос в ее своевременном применении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данилов А. Н. Современный многополярный мир – мир всечеловеческий, многоцивилизационный // Социологический альманах. 2021. № 12. С. 15–19.
2. Ефремова К. Е. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 2. С. 58–72.
3. Айзард У. Методы межрегионального и регионального анализа // Региональное развитие и сотрудничество. 1998. № 1–2. С. 62–63.
4. Иванова М. В. Введение в регионоведение: учебное пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2008.
5. Зиневич О. В., Рузанкина Е. А. Регионоведение как комплекс исследовательских и учебных дисциплин в ракурсе междисциплинарности. УМС по зарубежному регионоведению // Сравнительная политика. 2014. № 3 (17). С. 159–167.
6. Междисциплинарность в науках и философии: коллективная монография / Касавин И. Т. [и др.] ; отв. ред. И. Т. Касавин. М.: Институт философии Российской академии наук, 2010.
7. Лагутина М. Л., Михайленко Е. Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник РУДН. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 261–278.

8. Елистратов В. С. Регионоведение: «ищите термин!» // Актуальные проблемы регионоведения: работы преподавателей факультета иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: МГУ, 2004. Вып. 1. С. 5–14.
9. Михайленко Е. Б. Альтернативный регионализм БРИКС // Диспаратеты международных интеграционных проектов: сборник научных трудов. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2016. Т. 11. № 3 (155). С. 194–206.
10. Laursen F. (Ed.). *Comparative regional integration: Theoretical perspectives*. Aldershot; Burlington, VT: Ashgate, 2003.
11. De Lombaerde P. et al. The Problem of Comparison in Comparative Regionalism / De P. Lombaerde, F. Söderbaum, Van L. Langenhove, F. Baert // *Jean Monnet / Robert Schuman Paper Series*. Vol. 9. No. 7. University of Miami, April 2009. P. 3–22.
12. Warleigh-Lack A., Van Langenhove L. Rethinking EU Studies: The Contribution of Comparative Regionalism // *Journal of European Integration*. 2010. Vol. 32. № 6. P. 541–562.
13. Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time Has Come? // *International Spectator*. 2012. Vol. 47. P. 3–15.
14. Репина Л. П. Макроисторическая перспектива сегодня: теоретические и терминологические поиски // *Преподаватель XXI век*. 2014. № 2. С. 243–258.
15. Сил Р., Ахрам А. И. Сравнительное регионоведение и исследование Глобального Юга // *Вестник РУДН Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20. № 2. С. 279–287.
16. Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973.
17. Ragin C. C. *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press, 1987.
18. Ragin C. C., Rihoux B. *Configurational comparative methods: Qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques*. London: Sage, 2009.
19. Almond G. A. Area studies and the objectivity of the social sciences // *Ventures in political science: Narratives and reflections*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002. P. 109–127.
20. Szanton D. L. (ed.). *The Politics of Knowledge: Area Studies and the Disciplines*. Berkeley: University of California Press, 2002.
21. Basedau M., Köllner P. Area studies, comparative area studies and the study of politics: Context, substance, and methodological challenges // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 2007. Vol. 1. № 1. P. 105–124.
22. Карлбэк Х. Это было конструирование региона // *Янтарный мост. Международный журнал. Аналитика и консалтинг*. 2012. № 1(5). URL: <http://abfund.org/> (дата обращения: 25.11.2025).

REFERENCES

1. Danilov, A. N. (2021). The modern multipolar world is an all-human, multi-civilization world. *Sotsiologicheskii al'manakh*, 12, 15–19. (In Russ.)
2. Efremova, K. E. (2017). From regionalism to transregionalism: theoretic understanding of a new reality. *Comparative politics*, 8(2), 58–72. (In Russ.)
3. Aizard, U. (1998). Methods of interregional and regional analysis // *Regional development and cooperation*, Moscow, 1–2, 62–63.
4. Ivanova, M. V. (2008). *Vvedenie v regionovedenie: uch. posobie = Introduction to regional studies: a study guide*. Tomsk, Iz-vo TPU. (In Russ.)
5. Zinevich, O. V., Ruzankina, E. A. (2014). Regional Studies as a Complex of Research and Educational Disciplines in the Light of Interdisciplinarity. *Comparative Politics*, 3(17), 159–167. (In Russ.)
6. Kasavin I. T., Antonovskii A. Yu., Arshinov V. I., et al. (2010). *Mezhdistsiplinarnost' v naukakh i filosofii = Interdisciplinarity in Science and Philosophy*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
7. Lagutina, M. L., Mikhaylenko, E. B. (2020). Contemporary area studies: Overcoming level-of-analysis eclecticism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20(2), 261–278. (In Russ.)
8. Elistratov, V. S. (2004). Regionovedenie: «ishchite termin!» = Regional studies: “Look for the term!”. *Aktual'nye problemy regionovedeniya. Raboty prepodavatelei fakul'teta inostrannykh yazykov MGU im. M. V. Lomonosova*, 1, 5–14.
9. Mikhailenko, E. B. (2016). *Al'ternativnyi regionalizm BRIKS = Alternative regionalism of BRICS. Disparitety mezhdunarodnykh integratsionnykh proektov: sbornik nauchnykh trudov* (pp. 196–198). (In Russ.)

10. Laursen, F. (Ed.). (2003). Comparative regional integration: Theoretical perspectives. Aldershot; Burlington, VT: Ashgate.
11. Monnet, J., Schuman R. (Eds.) (2009). The problem of comparison in comparative regionalism / De Lombaerde, P., Söderbaum, F., Van Langenhove, L., & Baert, F. Paper Series (Vol. 9). University of Miami, 7(1–22).
12. Warleigh-Lack, A., & Van Langenhove, L. (2010). Rethinking EU Studies: The Contribution of Comparative Regionalism. *Journal of European Integration*, 32(6), 541–562.
13. Acharya, A. (2012). Comparative Regionalism: A Field Whose Time Has Come? *International Spectator*, 47, 3–15.
14. Repina, L. P. (2014). Macro-historical perspective today: In search of theory and terminology. *Prepodavatel' XXI vek*, (2), 243–258. (In Russ.).
15. Sil, R. Ahran, A. I. (2020). Comparative Area Studies and the Study of the Global South. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 279–287.
16. Geertz, C. (1973). *The interpretation of cultures: Selected essays*. New York: Basic Books.
17. Ragin, C. C. (1987). *The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies*. Berkeley: University of California Press.
18. Ragin, C. C., Rihoux, B. (2009). *Configurational comparative methods: Qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques*. London: Sage.
19. Almond, G. A. (2002). Area studies and the objectivity of the social sciences. *Ventures in political science: Narratives and reflections* (pp. 109–127). Boulder: Lynne Rienner Publishers.
20. Szanton, D. L. (Ed.). (2002). *The politics of knowledge: Area studies and the disciplines*. Berkeley: University of California Press.
21. Basedau, M., & Köllner, P. (2007). Area studies, comparative area studies and the study of politics: Context, substance, and methodological challenges. *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*, 1(1), 105–124.
22. Karlbek, Kh. (2012). “Eto bylo konstruirovaniye regiona” = “It was the construction of a region”. *Yantarnyi most. Mezhdunarodnyi zhurnal. Analitika i konsalting*, 1(5). <http://abfund.org/> (дата обращения: 25.11.2025). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бобылев Виктор Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры зарубежного регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bobylev Viktor Yuryevich

PhD (History), Associate Professor
Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	26.05.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	07.10.2025	
принята к публикации	27.11.2025	

Глобальное военное присутствие во внешней политике США: аспекты американской стратегической культуры

К. Е. Кожухова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kira.kozhuhova@mail.ru

Аннотация. Американская стратегическая культура характеризуется уникальным набором ценностей, убеждений и принципов, которые отличают ее от прочих национальных стратегических культур. К ним относятся: пуританская трудовая этика, концепция американской исключительности, дух фронта, продвижение демократических ценностей, идея глобального лидерства и акцент на военно-технологическом превосходстве. Эти компоненты способствовали эволюции американского стратегического мировоззрения, несмотря на особенности партийной системы США, влияние политического дискурса и глобальных событий, таких как две мировые войны, холодная война и распад Советского Союза. Деструктивность американской стратегической культуры обусловлена продвижением либерального мирового порядка, основанного на действиях международно-политических институтов, которые придерживаются правил игры, инициированных Соединенными Штатами Америки. Данные правила учитывают интересы лишь американцев и их сателлитов и не предусматривают равноправное существование остальных государств в системе международных отношений ввиду активной американской идеи о собственной исключительности и богоизбранности. Цель данной статьи – исследовать, как американская стратегическая культура повлияла на современную внешнюю политику США в отношении реализации направления сетевых блоковых союзов. Для достижения данной цели были использованы методы анализа документов для раскрытия доктринальных оснований внешней политики США, системный подход и институциональный анализ для изучения сетевых блоковых систем с участием США в современном мире. По итогам исследования было выявлено, что разрушительный характер сетевого подхода ведения внешней политики США является результатом использования стратегии непрямых действий и особенностей американской стратегической культуры, примером чего могут служить военные альянсы в Атлантическом и Тихом океанах.

Ключевые слова: американская стратегическая культура, внешняя политика, США, международные отношения, НАТО, AUKUS

Для цитирования: Кожухова К.Е. Глобальное военное присутствие во внешней политике США: аспекты американской стратегической культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 16–24.

Original article

Global military presence in US foreign policy: aspects of American strategic culture

Kira E. Kozhukhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kira.kozhuhova@mail.ru

Abstract. American strategic culture is characterized by a unique set of values, beliefs, and principles that distinguish it from other national strategic cultures. These include: a puritanical work ethic, the concept of American exceptionalism, the spirit of the frontier, the promotion of democratic values, the idea of global leadership, and an emphasis on military and technological superiority. These

elements contributed to the continuity and evolution of the American strategic worldview, despite the peculiarities of the US party system, the influence of political discourse and global events such as the two World wars, the Cold War and the collapse of the Soviet Union. The destructiveness of the American strategic culture is conditioned by the promotion of a liberal world order based on the actions of international political institutions that adhere to the rules of the game initiated by the United States of America. These rules consider the interests of only Americans and their satellites and do not provide for the equal existence of other states in the system of international relations due to the active American idea of their own exclusivity and God-chosen. The purpose of this article is to explore how American strategic culture has influenced modern US foreign policy in relation to the implementation of the direction of network block alliances. To achieve this goal, document analysis methods were used to uncover the doctrinal foundations of US foreign policy, a systematic approach, and institutional analysis to study network block systems involving the United States in the modern world. The study revealed that the destructive nature of the US network approach is the result of the use of indirect strategies in US foreign policy, as exemplified by military alliances in the Atlantic and Pacific Oceans, as these alliances are seen as a continuation of traditional US foreign policy practices.

Keywords: American strategic culture; foreign policy; USA; international relations; NATO; AUKUS

For citation: Kozhukhova, K.E. (2025). Global military presence in US foreign policy: aspects of American strategic culture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 16–24. (In Russ.)

АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ США

Американская стратегическая культура формировалась с начала основания Соединенных Штатов Америки в 1776 году, являясь одной из самых молодых стратегических культур, но тем не менее весьма весомой и конкурентоспособной по отношению к более древним представительным национальным стратегическим культурам, например, китайской. Американская стратегическая культура является частью англосаксонской, перенимая «наследственную» форму от британской колониальной стратегической культуры. Именно национальная стратегическая культура США определяет современный курс американской внешней политики и существования страны в целом.

Американская стратегическая культура как политический феномен активно изучается в Российской Федерации и за рубежом, в том числе американским научным сообществом. Среди наиболее знаковых работ по данной тематике стоит выделить труды Дж. М. Т. Оуэнса [Owens, 1986], К. Лорда [Lord, 1985], Д. П. Адамски [Adamsky, 2008], О. П. Иванова [Иванов, 2007], М. И. Рыхтика [Рыхтик, 2003]. Особую актуальность представляет собой труд К. М. Картчнера, Б. Д. Боуэна и Дж. Л. Джонсона «Справочник Рутледжа по стратегической культуре» [Kartchner, Bowen, Johnson, 2023].

Касаясь означенного понятия после изучения литературы по исследуемому вопросу, отметим, что *американская стратегическая культура* может

быть определена автором как особый внешнеполитический взгляд американского народа на решение проблем национальной безопасности. Таким образом, понятие американской стратегической культуры включает в себя значительный спектр общественных явлений. К их числу относятся восприятие угрозы, убеждение о природе силы восприятие угрозы, убеждения о природе силы для реагирования на возникающую острую ситуацию, детерминирующий поведение страны на международной арене, которое имеет выраженный протекционистский характер в отношении внешне- и внутреннеполитических ценностей и интересов.

Основными характеристиками американской стратегической культуры, с позиции автора, являются: глобальное влияние, исключительность и мессианская роль в мировом политическом процессе, доминирование и проецирование своего политико-идеологического мировоззрения с целью обеспечения благополучия страны; подход к миру с позиции уверенности и силы, военно-технологическое первенство.

Для понимания современной практики американской внешнеполитической деятельности и места стратегической культуры в ней стоит обратиться к краткому историческому экскурсу. После перехода международной системы отношений к Ялтинской системе США выдвинулись в мировые лидеры. Как отмечает полковник Народно-освободительной армии Китая, научный сотрудник Национального университета обороны НОАК Доу Гоцин, «США превратились из маргинала в центр

мировой сцены»¹. При этом процесс обретения США мировой гегемонии после Первой мировой войны – это не просто вопрос превращения слабых американских вооруженных сил в сильных в военном и техническом отношении, но и использование Соединенными Штатами своей национальной мощи (накопленной в ходе внутренней колонизации в формате подвижного фронта) для достижения победы в войнах, обретения военно-технологического превосходства и формирования международного порядка на фоне драматических изменений на мировой арене.

После Второй мировой войны и по настоящее время американская внешняя политика характеризуется следующими признаками:

- устойчивая, но гибкая национальная большая стратегия, которая позволила извлечь из военно-технологического и экономического превосходства Штатов определенную выгоду: непрекращающиеся конфликты в Евразии и Африке позволяют США, защищенным двумя океанами, получать прибыль из региональных и глобальных конфликтов и вмешиваться в них по своему усмотрению, о чем писал в своей монографии А. А. Суценцов на примере внешней политики США в 2000-х годах [Суценцов, 2013], а также А. А. Громыко, рассматривая текущий украинский кризис²;
- использование войн и кризисов для формирования выгодной позиции в международном порядке. Так, причина, по которой США удерживают мировое лидерство, но при этом имеют малые потери и хорошие бенефиции в войнах за последнее столетие, связана с идеей американской «заботы» о мировых делах, что комментирует и известный российский исследователь Д. В. Тренин [Тренин, 2025];
- рост экономики и научно-технического развития США шли в параллель с рядом мировых войн и региональных конфликтов, в которых Америка не принимала непосредственного участия как одна из сторон, что давало большое стратегическое преимущество, поскольку не было нужды полностью переводить национальную экономику на военные рельсы, однако существовала возможность сбывать дорогостоящее

вооружение. В качестве примера можно привести войны во Вьетнаме, Корее, израильско-палестинский, а также югославский конфликты³;

- внутренняя мотивация к военной трансформации и адаптации: обновление и усложнение вооружения, привлечение частных военных компаний для существования неподотчетного мировому сообществу военного контингента обусловлены особой американской философией войны (стратегией непрямого действия Б. Лиддел Гарта), что в условиях мировой конкуренции позволяет создавать определенные преимущества для США, как отмечал еще Д. Райдер [Райдер, 2010]. В настоящее время американский политический истеблишмент констатирует, что Штаты постепенно утрачивают военное превосходство, так как другие государства начинают превосходить их по оснащению технологиями⁴. И всё же преимущественно данный сюжет артикулируется вместе с вопросами активизации союзнических обязательств в американских военных альянсах⁵.

Как комментирует политолог Х. М. Саббир Хоссейн, американская большая стратегия исторически опиралась на три основополагающих столпа: многосторонность, экономическое лидерство и военное доминирование. Эти элементы позволили США сохранить относительное превосходство, сформировать и реализовывать американоцентричные международные нормы, а также решать вопросы безопасности и устойчивого экономического роста⁶, что соотносится с концепциями мессианства и исключительности в американской стратегической культуре.

Нельзя не согласиться с тем, что многовековая торность лежит в основе большой американской

³В Китае подсчитали количество войн, к которым причастны США // Парламентская газета, 2021. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-kitae-podschitali-kolichestvo-voyn-k-kotorym-prichastny-ssha.html> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴Бывший вице-президент Дэн Куэйл: США теряют военное превосходство в мире // Российская газета, 2024. URL: <https://rg.ru/2024/10/22/byvshij-vice-prezident-den-kuejls-ssha-teraiut-voennoe-prevoshodstvo-v-mire.html> (дата обращения: 19.09.2025).

⁵В США признали, что не в состоянии конкурировать с РФ и КНР и не смогут победить // Российская газета, 2024. URL: <https://rg.ru/2024/07/30/v-ssha-priznali-chto-ne-v-sostoianii-konkurirovat-s-rf-i-kr-i-ne-smogut-pobedit.html> (дата обращения: 19.09.2025).

⁶Sabbir Hossain H.M. The Future of American Grand Strategy in the Trump Era // Modern Diplomacy, 2024. URL: <https://modern diplomacy.eu/2024/11/24/the-future-of-american-grand-strategy-in-the-trump-era/> (дата обращения: 19.09.2025).

¹Dou Guoqing. A Century of US Global Strategy // China Us Focus, 2024. URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/a-century-of-us-global-strategy> (дата обращения: 19.09.2025).

²Громыко А. Карибский кризис 2.0? Ядерный фактор в прокси-войнах // РСМД, 2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/karibskiy-krizis-2-0-yadernyy-faktor-v-proksivoynakh/?sphrase_id=97652945 (дата обращения: 19.09.2025).

стратегии. Возглавляя такие альянсы, как НАТО и поддерживая такие институты, как Организация Объединенных Наций, США усиливают свое влияние и продвигают американские демократические ценности в глобальном масштабе. Как справедливо отметили в этой связи В. А. Климов и С. К. Ознобищев, исследуя интеграцию систем ПРО и ПВО в работу Североатлантического альянса, НАТО способствовала укреплению доверия среди союзников и «друзей» Штатов, управлению конфликтами в русле непрямых действий, противодействию транснациональным угрозам и институционализации коллективных усилий. Тем самым Штатам удавалось обеспечивать для себя региональную стабильность (как, например, в Скандинавии или в Афганистане) и поддерживать особый международный порядок, основанный на американских правилах [Климов, Ознобищев, 2023]. Немаловажно и союзничество Соединенных Штатов со странами, не входящими в НАТО. Это отмечает в своей диссертации О. А. Баженова [Баженова, 2022], что подтверждает выбор сетевой блоковой системы как центра внешнеполитической деятельности Америки.

Получается, что американское стратегическое позиционирование, расходы на оборону, технологическое и когнитивное превосходство лежат в основе способности и одновременно потребности США противостоять угрозам и поддерживать баланс сил в мире.

СЕТЕВОЕ БЛОКОВОЕ ГЛОБАЛЬНОЕ ПРИСУТСТВИЕ КАК ОСНОВА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА США

Доктринальные документы Соединенных Штатов Америки, относящиеся к внешней политике и политике обороны и безопасности, могут быть объединены сквозной темой комплексного сдерживания того или иного оппонента США в современной системе международных отношений. В настоящее время, как гласит Стратегия национальной обороны США 2022 года, Россия является для Америки «вызовом», Китай – «стратегическим конкурентом»¹. По словам старшего научного сотрудника Центра международной политики Университета Мейсона Дж. Розпедовски, риторика «образа врага» призывает к усилению правительства США в попытках построения партнерских отношений с союзниками-единомышленниками. При этом милитаризм внешней политики США также способствует сохранению исторических страхов и враждебности

¹National Defense Strategy, 2022. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

и даже грозит распространить их на новые театры потенциальной вооруженной конфронтации – на Тайвань, Антарктику и в открытый космос², что будет описано ниже на примере Арктики. Таким образом, исходя из понимания американской национальной безопасности любая угроза в отношении интересов Соединенных Штатов должна быть купирована силовой мерой, что отвечает сущности американской стратегической культуры.

Исходя из этого современная американская внешняя политика с учетом влияния национальной стратегической культуры подразделяется на два вектора: военное противостояние Российской Федерации (Евроатлантика) и технологическое сдерживание Китайской Народной Республики (Тихий океан)³. При условии, что открытая конфронтация осуждается современным мировым сообществом, в практику американской внешней политики активно привлекаются военные объединения и альянсы. В общем смысле конфронтация с Россией происходит с участием НАТО, а с Китаем – через систему альянсов в Тихом океане, что отражает мэхэнианский «морской» столп американской стратегической культуры. Остановимся подробнее на анализе данных векторов американской внешней политики.

Анализ научной политологической литературы показал, что Североатлантический альянс является геополитическим конструктом коллективного Запада. Отечественный политолог И. Л. Прохоренко отмечает, что данный конструкт является основой ценностного и организационного единства Запада. Усиление Запада приводит к увеличению совокупного влияния государств-членов и их партнеров и, как следствие, симбиоза и гибридизации, в том числе и в рамках перекрестного по членству с НАТО Европейского Союза [Прохоренко, 2024]. Основным доктринальным и целеполагательным документом в деятельности НАТО в настоящее время является Стратегическая концепция 2022 года. Риторика документа позволяет увидеть сквозную идею англосаксонского мышления в необходимости поддержания демократии в масштабе всей планеты. Центральным звеном концепции является декларация помощи Украине в обретении «независимости», которая определяет и ключевую цель альянса: «обеспечение нашей коллективной обороны, основанной на подходе кругового обзора («360 градусов»)»⁴.

²Is US Foreign Policy a Prisoner of History? // Modern Diplomacy, 2024. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2024/07/15/is-u-s-foreign-policy-a-prisoner-of-history/> (дата обращения: 19.09.2025).

³Стратегическая концепция НАТО // НАТО, 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

⁴Там же.

Основными векторами работы НАТО являются реакция на российские действия на Украине, нестабильность в Африке и Ближнем Востоке, что обуславливает вмешательство альянса в конфликтные ситуации, происходящие в данных регионах. Касательно КНР документ содержит информацию о технологическом противоборстве, киберугрозах, исходящих от Китая, и даже попытках Поднебесной расколоть НАТО, что, однако, не дает оснований для применения твердой силы альянсом. По словам О. А. Тимаковой, «приоритет отдается повышению устойчивости государств-членов НАТО к действиям Китая, которые подрывают согласованность сообществ, экономик и демократических институтов *именно* (курсив мой. – К. К.) на пространстве Евро-Атлантики» [Тимакова, 2024, с. 23], куда Китай не входит. При этом альянс активен в сдерживании КНР посредством привлечения помощи партнеров НАТО в регионе АТР как, например, Австралии и Новой Зеландии [Коренев, 2024]. Тем не менее технологическая развитость Китая тревожна для стран альянса, в том числе и в контексте когнитивной войны, так как «китайская армия уделяет внимание разработке и практическому применению в условиях боевых действий бионических деталей, робототехники, экзоскелетов, а также изучает возможности генетического редактирования человека с целью получить бойца с определенными характеристиками» [Гончаренко, Асафов, 2025, с. 40]. В этой связи страны НАТО развивают смертоносные военные системы вооружений с использованием искусственного интеллекта [Шарикив, 2024], что в настоящее время реализуется в контексте противостояния с Россией через применение БПЛА в ходе украинского кризиса¹.

Продолжая данный сюжет, подчеркнем, что стратегическое партнерство России и Китая (которое проводится и в рамках военной сферы) заявлено как «попытки подорвать основанный на правилах международный порядок противоречат нашим (имеется в виду НАТО. – К. К.) ценностям и интересам»², т. е. англосаксонская идея мирового порядка идет вразрез с конструктивным глобальным главенством России и Китая ввиду особенностей этих великих держав.

Кроме того, для проведения успешной политики сдерживания двух стран, особенно Российской Федерации, документ призывает к устойчивому

политическому и военному взаимодействию членом альянса, а в случае Европейского Союза привносится немаловажный акцент: «Для развития стратегического партнерства между НАТО и ЕС необходимо всестороннее участие не входящих в ЕС стран НАТО в оборонных усилиях ЕС»³. Таким образом, российская угроза приводит к необходимости для США создать единую посредническую сеть (куда входит и Партнерство ради мира для нечленов НАТО), в которую вовлечены и не обладающие большой военной силой и территорией государства, такие как, например, Румыния, Финляндия и прибалтийские страны. Участие малых государств в «оборонных усилиях» против России является ключевым, так как малые государства делают ставку на коллективную оборону и в ответ позволяют размещать на своей территории системы ПРО и ПВО, а также размещать войска для их дальнейшей переброски [Левандовский, 2024, с. 92].

Получается, что в контексте предполагаемой агрессии России интерес НАТО намеренно присутствует на российских границах в нынешней геополитической ситуации. Продвигаясь на Восток и приближаясь к границам Российской Федерации, НАТО, несомненно, создает угрозу национальной безопасности России. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о деструктивной направленности деятельности НАТО под эгидой Соединенных Штатов, так как искусственное создание угроз и рисков по периметру территории Российской Федерации расшатывает стабильность всего мирового порядка.

Подобные обстоятельства тщательно исследуются в рамках кризиса на Украине. Как комментирует украинский вопрос и роль НАТО в данном конфликтном узле А. И. Подберезкин, «феномен современной войны на Украине заключается в том, что помимо главных союзников США удалось привлечь в коалицию, ориентированную на длительный срок противостояния с Россией, значительное число других субъектов» [Подберезкин, 2024, с. 31]. Ученый акцентирует внимание на непосредственной выгоде Соединенных Штатов в данном вопросе: «для США, например, смысл заключается в том, чтобы заставить своих союзников-конкурентов максимально поучаствовать в войне, ослабив их позиции в мире, что объективно укрепляет роль США в новом миропорядке, то у многих союзников такой цели быть не может» [там же]. Роль союзничества в рамках НАТО по своей сущности носит сопутствующий характер. В частности Турция, как отмечает отечественный тюрколог М. А. Колесникова, «поддерживая развитие “особых” отношений евроатлантической структуры со странами

¹Уничтожил технику НАТО на 300 млн долларов. Почему дрон "Князь вандал новгородский" не могут сбить // Российская газета, 2025. URL: <https://rg.ru/2025/02/13/pochemu-dron-na-optovolokne-kniaz-vandal-novgorodskij-ne-mogut-sbit.html> (дата обращения: 19.09.2025).

²Стратегическая концепция НАТО // НАТО, 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

³Там же.

Центральной Азии и Кавказа, посольства Турции взяли на себя роль «контактного пункта НАТО» в столицах Азербайджана, Туркмении и Киргизии» [Колесникова, 2024, с. 183]. Принимая роль аванпоста на подступах к России, Турция пользуется НАТО как внешнеполитическим активом для усиления своих региональных амбиций, что вызывает определенную тревожность после переворота в Сирии.

Аналогичным прецедентом дестабилизации мировой системы является деятельность Североатлантического альянса в Арктике. Политически симптоматична милитаризация данного региона. Она осуществляется посредством вступления в НАТО Швеции в 2023 году и Финляндии – в 2024 годах. Согласно выводам российских исследователей Э. З. Галимуллина, Ю. И. Матвеевко и М. Г. Майорова, «вступление Финляндии и Швеции в НАТО порождает уникальную ситуацию в сфере безопасности, когда *семь из восьми* арктических государств (Россия¹, США, Канада, Исландия, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия) принадлежат к единому военно-политическому блоку» [Галимуллин, Матвеевко, Майоров, 2025, с. 43], что меняет геополитический ландшафт в регионе и, как следствие, порождает ряд вызовов национальной безопасности России и дестабилизацию мирового порядка.

Подобные попытки дестабилизации международной обстановки обусловлены стремлением вывести США в единоличные мировые лидеры. Как считают дубайские исследователи Дж. Б. Серхал и А. Алхаджа, это обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, Бразилия, Турция и страны Персидского залива становятся ключевыми средними державами, удерживая свое влияние, как региональное, так и глобальное. Данные государства посредством стратегических, военных и экономических шагов перестраивают международные нормы, ослабляют доминирование Запада и создают более сложный, многополярный глобальный ландшафт, неприемлемый для мессианских Соединенных Штатов.

Во-вторых, такие великие державы как Китай, Россия и Индия также бросают вызов устоявшемуся американоцентричному порядку, причем их внешнеполитическая деятельность требует от Штатов более комплексного реагирования и трудозатрат. В-третьих, США также сталкиваются с меняющимся ландшафтом глобальной безопасности, поскольку конфликты на Украине, в секторе Газа и Судане выявляют ограничения в американском глобальном влиянии².

¹Россия приостановила работу в Арктическом совете. – прим. К. К.

²Navigating the New Global Order: US Foreign Policy in a Multipolar Era // Trends Research and Advisory, 2024. URL: https://trendsresearch.org/insight/navigating-the-new-global-order-u-s-foreign-policy-in-a-multipolar-era/?srsltid=AfmBOops15kfjXN05rDTyOhfvJpc2VBQNq_Zvp_KUiolrivrjFEbEg- (дата обращения: 19.09.2025).

В свою очередь китайский сюжет во внешней политике США представляет собой особую аналитическую задачу. Поскольку Китайская Народная Республика наращивает свою морскую политику [Навдаева, 2024], то это обстоятельство становится для США новым геополитическим вызовом, особенно в контексте мэхэнианской парадигмы. В 2020 году Совет по национальной безопасности США опубликовал документ «Стратегический подход Соединенных Штатов к Китайской Народной Республике», где в прямой постановке декларируется подрыв национальных интересов США с китайской стороны. Целями-противовесами Соединенных Штатов являются, во-первых, *повышение устойчивости институтов, альянсов и партнерств*, чтобы противостоять вызовам, которые представляет КНР; во-вторых, принуждение Пекина прекратить действия, наносящие ущерб жизненно важным национальным интересам США, а также союзников и партнеров по НАТО³.

Активизация китайского морского влияния и технологическая дуэль КНР и США привела к переосмыслению тихоокеанского региона как политического концепта, что, в свою очередь, ознаменовало отход от стандартной, например, для Российской Федерации терминологии «азиатско-тихоокеанский регион» (АТР) и переход к западному «индо-тихоокеанскому региону» (ИТР)⁴. Военный потенциал США как *индотихоокеанской державы* в Тихом океане декларируется в Индотихоокеанской стратегии 2022 года⁵. Его суть можно свести к деятельности сети военных партнерств и альянсов: в Индотихоокеанской стратегии США перечислено пять региональных двусторонних договорных альянсов с зависимыми в отношении Штатов Австралией, Японией, Республикой Корея, Филиппинами и Таиландом⁶. Также в рамках региона существуют QUAD, АНЗЮС, Межамериканский договор

³United States Strategic Approach to the People's Republic of China. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/US-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴Мэннинг Р. Индотихоокеанская стратегия США // Россия в глобальной политике, 2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/indotihookoekanskaya-strategiya-ssha/> (дата обращения: 19.09.2025).

⁵INDOPACIFIC STRATEGY OF THE UNITED STATES. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/US-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

⁶Подробнее см.: Обновленная Индо-Тихоокеанская стратегия // IPDEFENSEFORUM, 2024. URL: <https://ipdefenseforum.com/ru/2024/05/%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%BE-%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BE%D0%BA%D0%B5%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0/> (дата обращения: 19.09.2025).

о взаимопомощи и AUKUS, а также международные разведывательные проекты, например, Five Eyes.

Ранее реакция ключевых региональных игроков, включая Соединенные Штаты, Австралию, Японию и Индию, на растущее влияние Китая в южной части Тихого океана привела к созданию в 2007 году и Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD) [Хлопов, 2024]. Этот диалог, первоначально являвшийся дипломатической инициативой, с тех пор расширил свои рамки, охватив более широкую географическую область и включив значительное число стран. «Малабар», совместные военно-морские учения Индии и Соединенных Штатов, которые проводятся с 1992 года и с тех пор, как Япония присоединилась к диалогу в 2014 году, были одной из главных инициатив «четверки» [Губин, 2023]. В настоящее время данный союз является противовесом АСЕАН, что говорит о постепенной региональной дестабилизации ввиду центрального и приоритетного положения АСЕАН как лидирующей организации в данной части мира¹. Аналогично провокационно Вашингтон пытался заручиться поддержкой других прозападных стран в рамках Форума Тихоокеанских островов, целью которого заявлены в том числе политическое лидерство и регионализм².

Кроме того, осознавая потенциальные последствия китайской инициативы «Один пояс, один путь» не только для морской логистики, но и для создания китайских военных объектов и инфраструктуры наблюдения в участвующих странах Южной части Тихого океана, США пригласили «морские демократии» Соединенное Королевство и Австралию принять участие в создании AUKUS. В рамках данной инициативы Соединенные Штаты взяли

на себя обязательство укрепить обороноспособность Австралии, предоставив австралийским ВМС технологии создания атомных подводных лодок, основанные на британских разработках, что является подрывом ДНЯО и дестабилизацией мирового ядерного баланса [Сведенцов, 2024]. Как пишет В. С. Васильев: «углубленное военно-техническое сотрудничество трех стран фактически состоит из двух достаточно самостоятельных программ – по развитию атомного подводного флота и возможностей искусственного интеллекта в сфере безопасности и обороны» [Васильев, 2022]. Немаловажно, что инициатива несет в себе колоссальные инвестиции в Австралию со стороны Великобритании и США и в принципе является убыточным для гражданского сектора экономики, однако попытка создать очередной «непотопляемый авианосец» уже в Тихом океане для англосаксонской тройки гораздо значимее достижения быстрых экономических эффектов. В конечном итоге создание AUKUS вслед за QUAD еще больше отдалило симпатии стран Юго-восточной Азии от коллективного Запада ввиду милитаризации южной части Тихого океана [Гарин, 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, американская внешняя политика ввиду особенностей стратегической культуры стремится к созданию проамериканской системы международных отношений. Во главе данной системы находятся именно США согласно их мессианским установкам и идеи Богоизбранного народа, а соперники и угрозы будут сдерживаться путем применения силовых методов и непрямых действий. Для более успешного и повсеместного контроля за союзниками и соперниками Соединенные Штаты путем больших экономических и «идейных» вливаний поддерживают работу нескольких военных альянсов. Деятельность данных объединений позволяет США вмешиваться в события, происходящие в удаленных от него регионах мира, в зависимости от их заинтересованности.

¹Quad Initiative: Has It Been Successful in Maintaining Its Relevance? // Geopolitics, 2024. URL: <https://thegeopolitics.com/quad-initiative-has-it-been-successful-in-maintaining-its-relevance/> (дата обращения: 19.09.2025).

²2050 Strategy for the Blue Pacific Continent // forumsec, 2022. URL: <https://forumsec.org/sites/default/files/2023-11/PIFS-2050-Strategy-Blue-Pacific-Continent-WEB-5Aug2022-1.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Owens M. T. American Strategic Culture and Civil-Military Relations: The Case of JCS Reform // Naval War College Review, 1986. Vol. 39. No. 2, Article 6.
2. Lord C. American strategic culture // Comparative Strategy, 1985. No 5(3). P. 269–293.
3. Adamsky D.P. American Strategic Culture // American Strategic Culture and the US Revolution in Military Affairs, Norwegian Institute for Defence Studies, 2008. P. 33–48.
4. Иванов О. П. Американская стратегическая культура // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2007. № 1 (204). С. 87–97.
5. Рыхтик М. И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003. № 1. С. 203–219.

6. Kartchner K. M., Bowen B. D., Johnson J. L. *Routledge Handbook of Strategic Culture* (1st ed.). Routledge, 2023.
7. Сушенцов А. А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов. М.: Изд-во МГИМО(У), 2013.
8. Тренин Д. В. Ревизионист, а не революционер // *Россия в глобальной политике*. 2025. Т. 23. № 3. С. 35–51.
9. Райдер Д. Американская философия и внешняя политика // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки: Научный журнал*. 2010. № 5. С. 3–24.
10. Климов В., Ознобищев С. Противоракетная оборона США: от защиты национальной территории к обороне НАТО // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 12. С. 5–15.
11. Баженова О. А. Статус «основного союзника вне НАТО» как инструмент внешнеполитической стратегии США дис. ... канд. полит наук. М., 2022.
12. Прохоренко И. Л. Политика партнерства НАТО: от военного альянса к сообществу безопасности и обратно // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2024. Т. 16. № 1. С. 141–162.
13. Тимакова О. А. Китай как «системный вызов» стратегическим интересам НАТО // *Проблемы постсоветского пространства*. 2024. Т. 11. № 1. С. 20–32.
14. Корнев Е. С. Генезис антироссийской и антикитайской повестки дня в отношениях НАТО с Австралией и Новой Зеландией // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2024. Т. 1. № 1 (62). С. 25–35.
15. Гончаренко А. Р. Асафов А. Н. Концепция когнитивной войны: подготовка НАТО к конфликтам будущего // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2025. № 1. С. 31–45.
16. Шариков П. А. Регулирование смертоносных автономных систем вооружений: трансатлантический диалог по безопасности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 12. С. 38–48.
17. Левандовский Н. В. Роль США в трансформации внешней политики европейских стран НАТО // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2024. № 4 (42). С. 86–111.
18. Подберезкин А. И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // *Обозреватель*. 2024. № 3 (404). С. 28–45.
19. Колесникова М. А. Отношения Турции и НАТО на современном этапе // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2024. Т. 24. № 7. С. 182–185.
20. Галимуллин Э. З., Матвеев Ю. И., Майоров М. Г. НАТО в Арктике: эволюция политики Североатлантического Альянса в регионе и новые вызовы безопасности // *PolitBook*. 2025. № 1. С. 41–59.
21. Навдаева М. Е. Военная сила как инструмент реализации интересов Китая на море // *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2024. Т. 26. № 2. С. 92–106.
22. Хлопов О. А. Четырехсторонний диалог по обеспечению безопасности (QUAD) в Индо-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы // *Управленческое консультирование*. 2024. № 3 (183). С. 20–32.
23. Губин А. В. Влияние малосторонних форматов в сфере безопасности на международные отношения в Восточной Азии // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 4 (67). С. 136–146.
24. Сведенцов В. Л. Значение AUKUS для Австралии в контексте геополитического соперничества США и КНР // *Проблемы национальной стратегии*. 2024. № 6(87). С. 196–223.
25. Васильев В. С. Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния // *Актуальные проблемы Европы*. 2022. № 4 (116). С. 234–257.
26. Гарин А. А. Значение AUKUS для южной части Тихого океана: последствия для внешней политики и безопасности Австралии // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. Т. 1. № 1 (54). С. 223–233.

REFERENCES

1. Owens, M. T. (1986). *American Strategic Culture and Civil-Military Relations: The Case of JCS Reform*. *Naval War College Review*, 39, 2, 6.
2. Lord, C. (1985). American strategic culture. *Comparative Strategy*, 5(3), 269–293.
3. Adamsky, D. P. (2008). American Strategic Culture. *American Strategic Culture and the US Revolution in Military Affairs*, Norwegian Institute for Defence Studies, 33–48.
4. Ivanov, O. P. (2007). Amerikanskaja strategicheskaja kul'tura = American Strategic Culture. *Observer*, 1(204), 87–97. (In Russ.)
5. Ryhtik, M. I. (2003). Strategicheskaja kul'tura i novaja koncepcija nacional'noj bezopasnosti SSHA = Strategic culture and the new concept of national security of the USA. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: International Relations, Political Science, Regional Studies*, 1, 203–219. (In Russ.)
6. Kartchner, K. M., Bowen, B. D., Johnson, J. L. (2023). *Routledge Handbook of Strategic Culture*. Routledge.
7. Sushentsov, A. A. (2013). *Oчерki politiki SSHA v regional'nykh konfliktakh 2000-kh godov = Essays on US Policy in Regional Conflicts of the 2000s*. Moscow: MGIMO-University Press. (In Russ.)
8. Trenin, D. V. (2025). Revisionist, not a Revolutionary. *Russia in Global Politics*, 23(3), 35–51. (In Russ.)
9. Ryder, D. (2010). American Philosophy and Foreign Policy. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences*, 5, 3–24. (In Russ.)
10. Klimov, V., & Oznobishchev, S. (2023). US Missile Defense: From National Territory Defense to NATO Defense. *World Economy and International Relations*, 67(12), 5–15. (In Russ.)

11. Bazhenova, O. A. (2022). The Status of «Major Non-NATO Ally» as a Tool of US Foreign Policy Strategy. PhD. Moscow. (In Russ.)
12. Prokhorenko, I. L. (2024). NATO Partnership Policy: From Military Alliance to Security Community and Back. Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics, 16(1), 141–162. (In Russ.)
13. Timakova, O. A. (2024). China as a «Systemic Challenge» to NATO's Strategic Interests. Problems of the Post-Soviet Space, 11(1), 20–32. (In Russ.)
14. Korenev, E. S. (2024). Genezis antirossijskoj i antikitajskoj povestki dnja v otnoshenijah NATO s Avstraliej i Novoj Zelandiej = Genesis of the Anti-Russian and Anti-Chinese Agenda in NATO Relations with Australia and New Zealand. Southeast Asia: Current Development, 1(62), 25–35. (In Russ.)
15. Goncharenko, A. R., Asafov, A. N. (2025). Concept of Cognitive War: NATO Preparation for Future Conflicts. Bulletin of Tula State University. Humanities, 1, 31–45. (In Russ.)
16. Sharikov, P. A. (2024). International Regulation of Lethal Autonomous Weapon Security Dialogue. World Economy and International Relations, 68(12), 38–48. (In Russ.)
17. Levandovskij, N. V. (2024). The role of the USA in the transformation of foreign policy of European NATO countries. Vestnik Diplomaticeskoi akademii MID Rossii. Rossija i mir, 4(42), 86–111. (In Russ.)
18. Podberezkin, A. I. (2024). The modern strategy of United States and NATO in Ukraine. Observer, 3(404), 28–45. (In Russ.)
19. Kolesnikova, M. A. (2024). Contemporary turkey-NATO relations. Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavjanskogo universiteta, 24(7), 182–185. (In Russ.)
20. Galimullin, E. Z., Matveenko, Ju. I., & Majorov, M. G. (2025). NATO in the Arctic: evolution of the North Atlantic Alliance policy in the region and new security challenges. PolitBook, 1, 41–59. (In Russ.)
21. Navdaeva, M. E. (2024). Military force as a tool for realizing China's interests at sea. Aziatsko-tihookeanskij region: jekonomika, politika, pravo, 26(2), 92–106. (In Russ.)
22. Hlopov, O. A. (2024). Quadilateral Security Dialogue (QUAD) in the Indo-Pacific region: challenges and prospects. Upravlencheskoe konsultirovanie, 3(183), 20–32. (In Russ.)
23. Gubin, A. V. (2023). Influence of multilateral security formats on international relations in East Asia. Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija, 4(67), 136–146. (In Russ.)
24. Svedencov, V. L. (2024). The significance of AUKUS for Australia in the context of US-China geopolitical rivalry. Problemy nacional'noj strategii, 6(87), 196–223. (In Russ.)
25. Vasil'ev, V. S. (2022). Anglo-Saxon tablets of the growing global civilizational confrontation. Aktual'nye problemy Evropy, 4(116), 234–257. (In Russ.)
26. Garin, A. A. (2022). The significance of AUKUS for the South Pacific: implications for Australia's foreign policy and security. Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija, 1(1), 223–233. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожухова Кира Евгеньевна

кандидат политических наук, доцент
 доцент кафедры политологии
 Института международных отношений и социально-политических наук
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozhukhova Kira Evgen'evna

PhD (Political Sciences), Associate Professor
 Associate Professor of the Department of Political Science
 Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.09.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.10.2025	
принята к публикации	27.11.2025	

Критическое историко-политологическое исследование немецкой геополитики как пространственно-политической концептуальной парадигмы

В. Лапинс

*Институт международной политики WeltTrends, Потсдам, Германия
Wulf.Lapins@gmx.de*

Аннотация. Жизненное пространство (Lebensraum) представляло собой центральную идеологическую конструкцию и геополитический императив действий властных элит «Третьего рейха». Сам термин, однако, был введен не ими. На самом деле, он был введен в научный оборот еще на рубеже XX века немецким географом и зоологом Фридрихом Ратцелем (1844–1904). Его многочисленные труды по политической географии, рассматривавшиеся в международном контексте взаимосвязь пространства, государства и народа – предоставили нацистским идеологам удобный источник тезисов для разработки их собственных псевдонаучных и радикальных теоретических построений. Тем не менее дискуссионным остается вопрос о том, можно ли в связи с этим считать Ратцеля предшественником их экспансионистской политики жизненного пространства («Lebensraum policy»). По этой причине после 1945 года геополитические исследования были восприняты негативно и впоследствии были отвергнуты немецким научным обществом. Однако в условиях геополитических преобразований после 1989 года «пространство» вновь было переосмыслено. В частности, в рамках социальных и гуманитарных наук география перестала рассматриваться как главный ориентир внешней политики. Вместо этого политически насыщенное географическое пространство – геополитика – понималось как политическое, социальное и культурное конструирование через дискурс. Геоэкономика, начиная с 1989 года, не вытеснила геополитическую мысль и практику, а, напротив, снабдила ее дополнительными ресурсами и инструментами.

Ключевые слова: геополитика, Ратцель, Хаусхофер, жизненное пространство, политическая географии, пространственный переворот, геоэкономика

Благодарности: автор выражает искреннюю благодарность рецензентам

Для цитирования: Лапинс В. Критическое историко-политологическое исследование немецкой геополитики как пространственно-политической концептуальной парадигмы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4(861). С. 25–36.

Original article

Critical Historiographical-Political Science Policy Paper on German Geopolitics as a Spatial-Political Conceptual Paradigm

Wulf Lapins

*WeltTrends Institute for International Relations, Potsdam, Germany
Wulf.Lapins@gmx.de*

Abstract. Living space “Lebensraum” constituted a central ideological construct and a geopolitical imperative of action for the power elites of the ‘Third Reich’. The term itself, however, did not originate with them. Rather, it had already been coined at the turn of the 20th century by the German geographer and zoologist Friedrich Ratzel (1844–1904). His numerous political-geographical writings, concerned

internationally with space, state and people, offered Nazi ideologues a convenient reservoir of theses for the development of their own pseudo-scientific and radical theoretical edifices. Nevertheless, it remains debatable whether Ratzel can thereby be considered a precursor to their expansionist, geopolitical Lebensraum policy. For this reason, after 1945, geopolitical research was stigmatized and subsequently rejected within German academia. In the wake of the geopolitical reconfigurations after 1989, however, 'space' was once again rediscovered. Particularly within the cultural and social sciences, geography ceased to be regarded as the dominant compass of foreign policy. Instead, politically charged geographical space – geopolitics – was understood as being politically, socially, and culturally constructed through discourse. Geo-economics, since 1989, has not supplanted geopolitical thought and practice but has rather provided it with additional resources and instruments.

Keywords: geopolitics, Ratzel, Haushofer, living space, political geography, spatial turn, geoeconomics

Acknowledgments: The author expresses his sincere thanks to the peer reviewers

For citation: Lapins, W. (2025). Critical Historiographical-Political Science Policy Paper on German Geopolitics as a Spatial-Political Conceptual Paradigm. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 4(861), 25–36. (In Russ.)

OBJECTIVE OF THE CONTRIBUTION

The opening section of this analysis provides a concise historical overview of the development of spatial-political concepts commonly understood as geopolitics in Germany, which until 1945 was a central locus for such theoretical innovations in Europe. It critically engages with a widely held thesis in segments of German historiography and political science [Schulz, 2010, pp. 52–57], which positions the geographer and zoologist Friedrich Ratzel (1844–1904) as an ideological forerunner and intellectual architect of the Nazi concept of Lebensraum, through his early 20th century formulation of Political Geography.

Yet any historical reception must account for the specific context in which ideas emerge, and one cannot easily escape the biases of present-oriented interpretation. Against this backdrop, the author contends that Ratzel's geodeterministic theory of the state was only partially compatible with the ideological-geopolitical frameworks later adopted by the National Socialists. They appropriated his theories selectively and rhetorically, overlaying them with biological racism to radicalize geopolitics. As the Political scientist and geographer Detlef Herold notes: "*Die Geopolitik paßte sich immer mehr „den Bedingungen politischen Wollens“ an und verlor zunehmend die Mitarbeit der wissenschaftlichen Geographie*"¹. Furthermore, the conceptual apparatus of Lebensraum within Ratzel's Political Geography was, in practical terms, of only marginal relevance for the imperial,

large-scale territorial expansion undertaken by the Nazi regime in the subsequent decades.

In the second, shorter chapter, this contribution briefly deconstructs several established geopolitical assumptions and narrative-driven geopolitical discourses. It argues that political conceptions of space along with their associated structures of interest and power, which influence and, in some cases, govern international politics are neither natural nor objectively given, but socially constructed, shaping political and social realities. Geo-economics has not emerged as an alternative framework to geopolitics; rather, the two are deeply intertwined.

METHODOLOGY

This contribution is guided, as far as possible, by the concept of historical understanding developed by the historian Johann Gustav J. Droysen. According to Droysen, "*das Wesen der Geschichte... forschend zu verstehen, ist die Interpretation*" [Droysen 1977, p. 22]. He outlines a six-step process:

- 1) source research,
- 2) source criticism (authenticity),
- 3) ragmatic interpretation (supplementing sources with additional knowledge),
- 4) conditions of interpretation (considering the interests of others),
- 5) psychological interpretation (examining the motives behind what is said or intended) and
- 6) interpretation of ideas (assessing the function of events in their historical significance).

PART 1: THEMATIC INTRODUCTION

Human thought unfolds within a four-dimensional space-time continuum. However, this is not uniquely characteristic of Homo sapiens. Research in cognitive

¹Herold, D. (1973). Politische Geographie und Geopolitik. Ihre historisch-politisch bedingte Entwicklung. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/archiv/529239/politische-geographie-und-geopolitik-ihre-historisch-politisch-bedingte-entwicklung-und-neue-forschungsansaeetze-am-beispiel-der-vergrosstaedterung/> (date of access: 25.11.2025).

ethology shows that even animals with relatively simple brains or those that move primarily in a linear fashion possess at least rudimentary spatial orientation abilities. Similarly, the perception of time is a universal biological pattern. Highly developed species, such as elephants, dolphins, and rhesus monkeys, have long-term memory, can perceive time intervals, and remember locations or encounters. All living organisms, both fauna and flora, influence spatial ecosystems. Yet only humans are capable of apocalyptic spatial destruction.

The influence of nature on human living space and humanity's dependence on geographic space, runs throughout human history. The interplay between natural space or the spatial environment and political life, political action and power relations is already reflected in ancient records. For centuries, humans have sought both to measure and map the Earth's surface as a geographic space and to investigate and understand the origin, structure, and development of the universe. In this endeavor, classical geography and cosmology (astronomy) were conceptually fused under the term cosmography. An early medieval, anonymously authored cosmographic representation of the known world around 700 CE originates from Byzantine Ravenna¹. A synthesis of geography and history is provided by the Nuremberg Chronicle (Schedel's World Chronicle) of 1493².

RATZEL AND KJELLÉN AS PIONEERS OF GEOPOLITICS AND POLITICAL GEOGRAPHY

In the 18th century, political geography in Europe was understood primarily as the statistical study of countries or states. It functioned as an auxiliary discipline serving the interests of mercantilism. In the nineteenth century, however, the field became increasingly fragmented. Albrecht Haushofer, son of Karl Haushofer, also a geographer and who was executed by the Gestapo in 1944 for his involvement in the July 20th Resistance – provides a clarifying account in a final work shortly before his death regarding developments in the mid-19th century: “So entstand jener leere Raum, in dem Friedrich Ratzel die neuere Politische Geographie begründet hat”³. In the

preface to the first edition of his internationally acclaimed work in 1897 “*Politische Geographie, oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges*”⁴ Ratzel lays out his theoretical advancement toward a Political Geography as “*der vergleichenden Erforschung der Beziehungen zwischen dem Staat und dem Boden*”, motivated by what he saw as the neglect of geographical perspectives within the discipline of political science / public administration: “*Diese Wissenschaft hat sich aber bisher streng ferngehalten von aller räumlichen Betrachtung, Messung, Zählung und Vergleichung der Staaten und Staatenteile; und das ist es ja gerade, was der politischen Geographie erst ihr Leben gibt. Für manche Staatswissenschaftler und Soziologen steht der Staat gerade so in der Luft wie für viele Historiker, und der Boden des Staates ist ihnen nur wie ein größere Art von Grundbesitz*”⁵.

In 1901 Ratzel elaborated on this in his book “*Der Lebensraum*” where he presented the relationship between the human spatial environment / land and political organization / state as a form of human-geographical interactions: “*Der viel mißbrauchte und noch mehr mißverständene Ausdruck Kampf ums Dasein meint eigentlich zunächst Kampf um Raum. Denn Raum ist die allererste Lebensbedingung und am Raum mißt sich das Maß anderer Lebensbedingungen, vor allem der Nahrung. Im Kampf ums Dasein ist dem Raum eine ähnliche Bedeutung zugewiesen wie in jenen entscheidenden Höhepunkten der Völkerkämpfe, die wir Schlachten nennen. Es handelt sich in beiden um die Gewinnung von Raum in vordringenden und zurückweichenden Bewegungen*”⁶.

During Ratzel's lifetime, war was still regarded as a legitimate instrument of politics for advancing national interests. Even the Covenant of the League of Nations of 1919 did not yet stipulate an absolute prohibition of war. It was only with the conclusion of the Briand–Kellogg Pact in 1928 that the foundation was laid for the legal proscription of war under international law. Against this backdrop, Ratzel's position reflected a conceptual 'mainstream' stance within contemporary Europe. “*So wie der Kampf ums Dasein im Grunde immer um Raum geführt wird, sind auch die Kämpfe der Völker vielfach nur Kämpfe Raum, deren Siegespreis daher in allen Kriegen der neueren Geschichte ein Raumgewinn ist oder sein wollte*”⁷.

The debate among academic disciplines over the significance of space unfolded at the turn of the

¹Miller, K. (1898). (2025, July 28). Weltkarte des Ravennaten Miller. Cosmographie, Wikimedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Ravenna_Cosmography?uselang=de#/media/File:Weltkarte_des_Ravennaten_Miller_1898_02.jpg (date of access: 25.11.2025).

²Wikisource. (2025, July 28). Schedelsche Weltchronik. https://de.wikisource.org/w/index.php?title=Schedel%E2%80%99sche_Weltchronik&uselang=de (date of access: 25.11.2025).

³Haushofer, A. Allgemeine Politische Geographie und Geopolitik. https://archive.org/stream/Albrecht-HaushoferAllgemeinePolitischeGeographieUndGeopolitikErsterAllgemeinePolitischeGeographieUndGeopolitik_djvu.txt (date of access: 25.11.2025).

⁴Ratzel, F. (1903). Politische Geographie. https://archive.org/details/bub_gb_6mkNAAAIAAJ/page/n21/mode/2up (date of access: 25.11.2025).

⁵Ibid, p. IV.

⁶Ratzel, F. (1901). Der Lebensraum. https://archive.org/details/bub_gb_xyY-AQAAMAAJ/page/n57/mode/2up?view=theater (date of access: 25.11.2025).

⁷Ratzel, F. Politische Geographie. (1903). S. 381.

twentieth century, within the brief historical period from 1882 to 1912, when the dominant European great powers having concluded their expansionist rivalry in Africa also partitioned North Africa, with Egypt falling under British control and Morocco under French rule¹. The collapse of socio-economic and political structures in the aftermath of the First World War, together with the implications of Article 231 of the 1919 Treaty of Versailles by which Germany was forced to acknowledge responsibility for the war and accept reparations and territorial concessions, created fertile ground in Germany for the search for alternative state, regional and international orders. All of this provided the impetus for the further development of Ratzel's Political Geography: "Geographen ursprünglich naturwissenschaftlicher Schule (...) wandten sich politisch-geographischen Fragestellungen zu; die politische Selbstbehauptung des deutschen Volkes forderte zweckbestimmte Arbeit der Wissenschaft in der Auseinandersetzung um Grenzen und Lebensraum"².

In other words, Political Geography, operating under the label of Geopolitics, increasingly crystallized as a revisionist ideology directed against the political and territorial consequences of the 'Versailles system.'

In the context of his 1899 research analysis 'Studies on the Political Borders of Sweden', based on historical documents concerning the delimitation of the land border with Norway and the river boundary between Sweden and the Grand Duchy of Finland within the Russian Empire, the Swedish political scientist Rudolf Kjellén (1864–1922) declared that his work could not be assigned to any single discipline, since Sweden's borders necessarily concerned the fields of geography, history, international law, statistics, and politics. Methodologically, he will therefore "umfassende Beschreibung der drei Hauptgrenzen erstellen, um sie danach aus einem unter 'anthropogeographischen' – oder, wie ich es in diesem Fall lieber nennen würde, geopolitischen – Gesichtspunkt zu bewerten"³.

Thus, the concept of geopolitics was conceptually introduced into the scientific arena not by a geographer, but by a constitutional lawyer.

Kjellén's thinking about the nature of the state as a geo-organism or bio-organism was inconsistent. In his 1917 publication "Der Staat als Lebensform", the geographical dimension is presented in a contradictory manner: "Die Geopolitik ist die Lehre über den Staat als geographischer Organismus oder Erscheinung im Raum: also der Staat als Land, Territorium Gebiet, oder am ausgeprägtesten als Reich"⁴. In the fourth edition, however, he revises his statement in the 1905 publication, "Die Großmächte der Gegenwart"⁵ which clearly links it to biology: "So sagte ich 1905 in einer Arbeit über die Großmächte, 'kann man nicht umhin, in den Großmächten selbst auch biologische Tatsachen wieder zu erkennen. Aus eigener Lebenskraft und durch die Gunst der Konjunkturen, in ständigem Wettbewerb miteinander, also im Kampf ums Dasein und durch eine natürliche Auswahl stehen auch sie auf der Erdoberfläche da. Wir sehen sie hier geboren werden und aufwachsen, wir haben sie auch wie andere Organismen welken und sterben sehen"⁶.

Kjellén's geographical category of Geopolitics was by no means a coincidental term, for its intellectual connection to the concept of Political Geography is evident. His political-geographical thought was deeply influenced by that of Friedrich Ratzel, who, two years before Kjellén, had addressed the interrelation of geographical space with state politics and its processes and structures of power in his aforementioned book "Politische Geographie" oder "die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges". Within the French academic disciplines, Ratzel's work was received in divergent ways.

The French sociologist Émile Durkheim criticized *Political Geography* in the journal he founded and edited, *L'Année Sociologique*, as "a very vague and poorly delineated field of research" [Durkheim, 1897/98, p. 523]. This critique was possibly connected both to Ratzel's reproach regarding sociology's geographical deficiencies and to the fact that *Political Geography* established itself as a competing new field of inquiry. By contrast, Ratzel's French colleague in geography, Vidal de la Blache associated with the school of *géographie humaine* and its emphasis on the correlation between spatial milieu and political forms of life offered a collegial and tolerant assessment, describing it as "a conception of political geography

¹Writing in an accusatory tone in 1941, the influential jurist of constitutional and international law in the Third Reich, Carl Schmitt (1888–1985), stated in "Völkerrechtliche Großraumordnung: „Die besiegte europäische Macht, Deutschland, wurde der Kolonien beraubt. (...) Die Ausschließung Deutschlands vom außereuropäischen Kolonialbesitz war die eigentliche Diffamierung und Disqualifizierung Deutschlands als europäischer Macht". <https://dokumen.pub/qdownload/vlkerrechtliche-groraumordnung-mit-interventionsverbot-fr-raumfremde-mchte-ein-beitrag-zum-reichsbegriff-im-vlkerrecht-3nbsped-9783428471102-9783428071104-9783428586509.html> (date of access: 25.11.2025).

²Haushofer, A. (1951) Allgemeine Politische Geographie und Geopolitik, 17.

³Kjellén, R. (1899). Studier Öfver Sveriges Politiska Gränser / Studien über die politischen Grenzen Schwedens, 283.

⁴Kjellén, R. (1917). Der Staat als Lebensform. URL: <https://identityhunters.org/wp-content/uploads/2017/07/rudolf-kjellen-der-staat-als-lebensform.pdf> (date of access: 25.11.2025).

⁵Kjellén, R. (1905). Die Großmächte der Gegenwart. <https://archive.org/details/diegrossmachtet00kjel/page/n3/mode/2up?view=theater> (date of access: 25.11.2025).

⁶Kjellén, R. (1924). Der Staat als Lebensform. <https://archive.org/details/kjellen-rudolf-der-staat-als-lebensform-1924-sandmeier-trans./page/36/mode/2up> (date of access: 25.11.2025).

that essentially corresponds to the present state of scientific knowledge” [Vidal de la Blache, 1898, p. 111].

Ratzel's Political Geography represented a development within political science and state theory of his earlier work *Anthropogeographie*¹ (1882). In that book, he had examined the influence of natural spatial conditions on human settlement patterns, modes of economic production, demography, migration, and related phenomena, as well as their interrelations within historical contexts, thereby establishing Anthropogeography as a scientific subdiscipline of geography. As a trained zoologist, Ratzel frequently employed terminology drawn from that field in his treatise on Political Geography. For this reason, contemporary receptions often accuse him of having “biologized” the concept of the state. A case in point is the dissertation written by Rebin Fard in 2018: *“Schaukeln” oder “Schwanken”? Eine Neubewertung der Geopolitischen Codierungen in der deutschen Außenpolitik nach der deutschen Wiedervereinigung*”.

There it is stated that Ratzel conceives of the “state as a biological organism”². Like numerous scholarly colleagues before and after him, however, Fard abbreviates the disputed passage in his citation in such a way that, through the resulting correlation of state and organism, a biologicistic connotation is inevitably suggested. “*So wird denn der Staat zu einem Organismus, in dem ein bestimmter Teil der Erdoberfläche so mit eingeht, daß sich die Eigenschaften des Staates aus denen des Volkes und denen des Bodens zusammensetzen*”³.

For Ratzel, however, it is the political organization of territory, namely, the structure of territorial power, that renders the state an organism, or, in more modern terms, a societal organizational structure. As the original text states: “*So entsteht die politische Organisierung des Bodens, durch die der Staat zu einem Organismus wird, in den ein bestimmter Teil der Erdoberfläche so mit eingeht, als sich die Eigenschaften des Staates aus denen des Volkes und des Bodens zusammensetzen*”⁴. In another passage, he explicitly underscores the incommensurability of the state with a biological organism: “*Der Vergleich des Staates mit hochentwickelten Organismen ist unfruchtbar... die Hauptursache [liegt] in der Beschränkung der Betrachtung auf die Analogien zwischen einem Aggregate vom Menschen und dem Bau eines organischen*

Wesens. Gerade in den Strukturverhältnissen... liegt der auffallendste Unterschied zwischen dem Staat der Menschen und einem organischen Wesen”⁵.

NATIONAL SOCIALIST ADAPTABILITY

The following section cites a characteristic passage from Ratzel's 1901 publication “*Der Lebensraum*” – notably predating National Socialism as well as exemplary statements by later leading National Socialist geographers and jurists, such as Karl Haushofer (1869–1946), Carl Schmitt (1888–1985) and Günther Küchenhoff (1907–1983). These illustrate how his general theory of the relationship between *Lebensraum* and people, when detached from its historical context, could decades later be appropriated and rendered serviceable to National Socialist postulates – in the sense of a foreign-policy-oriented, action-guiding propaedeutic, specifically with regard to *Lebensraum* and the German people.

It should be noted: The colonial war of conquest (October 3, 1935 – May 9, 1936) undertaken by the Italian Fascist regime against the Ethiopian Empire, carried out through a pincer movement launched from the colonies of Eritrea and Italian Somaliland, was legitimized by Rome under the claim of acquiring new *spazio vitale / Lebensraum* [Rodogno, 2006; Mattioli, Bernhard, 2013]. This constituted the first armed conflict to be “justified” on such grounds and, simultaneously, the first war between two sovereign states that were both members of the recently established League of Nations.

Regardless of his German-nationalist stance, reflected in 1903 in the co-founding of the *Allgemeiner Deutscher Verband*, Ratzel did not possess any pre-National Socialist ideology. Similarly, Clausewitz's war-theoretical insights and postulates do not identify him as a potential warmonger with blueprints for the wars that followed his time.

Friedrich Ratzel: “*Ein Volk bleibt nicht durch Generationen auf demselben Boden sitzen, es muss sich ausbreiten, weil es wächst (...). Wächst ein Volk ungestört, so fließt es langsam in der ganzen Peripherie in seine Umgebung über. Wächst es unter inneren Stürmen und Reibungen, so werden Theile nach Außen gedrängt, und andere ziehen sich von selbst in entlegene Gebiete zurück. In beiden Fällen wächst der Raum mit der Zeit, die nöthig ist, in dem Volke den Übergang zu einer neuen Abart oder Rasse zu bewirken. Wir weisen also Hypothesen des Ursprungs größerer Rassen oder Völkergruppen aus*

¹Ratzel, F. (1882). *Anthropogeographie*. https://archive.org/details/bub_gb_BfwFve1-8EC/page/n7/mode/2up (дата обращения: 25.11.2025).

²Fard, R. (2018). “Schaukeln” oder “Schwanke”? Eine Neubewertung der Geopolitischen Codierungen in der deutschen Außenpolitik nach der deutschen Wiedervereinigung. <https://ediss.sub.uni-hamburg.de/bitstream/ediss/8348/1/Dissertation.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

³Ibid.

⁴Ratzel, F. (1901). *Politische Geographie*, 5.

⁵Ibid., p. 13.

engen Gebieten als unwahrscheinlich von vornherein zurück”¹.

Karl Haushofer: “*Ein Volk, dem sein Lebensraum von weltweiten Betätigungsfeldern in vier Erdteilen und auf allen Weltmeeren (...) herabgedrückt ist auf ein verstümmeltes Reich in Mitteleuropa, in zwei Teile aufgespalten, auf einen ohnmächtigen Kleinstaat und zwei bevormundete Gaue, kann diese herben Worte von F. Ratzel nur entweder wie einer Totenglocke Klang oder wie ein Sporn zu höchster Raumbewältigungsleistung empfinden*” [Haushofer, 1935, p. 454].

The geopolitical scholar² [Jacobsen, 1979] was positively disposed toward Hitler’s power-diplomatic revisionist policies but only up to the Munich Agreement of 1938. He, however, rejected Hitler’s planned path to war from 1939 onward. Consistently, after 1938 he avoided any commendation of National Socialist foreign policy in his *Zeitschrift für Geopolitik*. In 1946, looking back, he wrote in a tone of resignation: “*Vom Herbst 1938 ab vollzog sich der Leidensweg der deutschen Geopolitik (...) unter dem Druck der Alleinherrschaft einer Partei bis zu Missbrauch und Missverstehen durch staatliche Stellen (...). Geopolitik als geographisches Gewissen des Staates (...) hätte z.B.1938 geboten, sich dankbar mit dem in München Erreichten zu begnügen*” [Haushofer, 1946, p. 26].

As a negation of all the principles of German geopolitics, he condemned in 1941 the preparations for war against the Soviet Union: “*Dass man Eurasien nicht, einkreisen’ kann, wenn sich seine zwei größten, zusammen raumstärksten Völker nicht, wie etwa im Krimkrieg oder 1914, gegeneinander ausspielen lassen, (...) das ist ein zweites Axiom europäischer Politik von der Geopolitik her*” [Haushofer, 1941, p. 33].

Haushofer’s geopolitical vision consisted of a Eurasian coalition of Germany, the USSR and Japan against the Anglo-US coalition. The Eurasian controversy between Haushofer and his colleague Erich Obst has been thoroughly researched by the US historian Jörg Michael Dostal³.

Before Carl Schmitt, in 1941, advocated for the creation of a spatially autonomous international law as a framework for a Großraumordnung, his colleague Manfred Langhans-Ratzeburg had

already introduced the term “geojurisprudence” into the discussion [Langhans-Ratzeburg, 1928, p. 77].

Carl Schmitt: “*Wir denken heute planetarisch und in Großräumen. Wir erkennen die Unabwendbarkeit kommender Raumplanungen (...) In dieser Lage besteht die Aufgabe der deutschen Völkerrechtswissenschaft darin (...), den Begriff einer konkreten Großraumordnung zu finden (...) Das kann für uns nur der völkerrechtliche Begriff des Reiches sein als einer von bestimmten weltanschaulichen Ideen und Prinzipien beherrschten Großraumordnung, die Interventionen raumfremder Mächte ausschließt und deren Garant und Hüter ein Volk ist, das sich dieser Aufgabe gewachsen zeigt*”⁴.

For his legal colleague Küchenhoff, this implied an ethnonational law within the Großraum concept: “*Das Führungsvolk bestimmt nun den Raum, auf dem seine Führung gelten soll, als sachliches Substrat seiner selbst und der von ihm geführten Völker*”⁵.

Years before his seizure of power in 1933, the dictator Adolf Hitler dogmatically postulated the expansion of Lebensraum as an expansionist, colonial conquest of territory in “Mein Kampf” (1924–1926). In this political-programmatic book he did not use the term geopolitics at all, but generally spoke only of Lebensraum, racial struggle (Rassenkampf), a “people without space” (Volk ohne Raum), or spatial order (Raumordnung). Whether Hitler read Ratzel’s works, such as *Der Lebensraum* or *Politische Geographie*, during his thirteen-month moderate imprisonment in Landsberg (1923–1924) is unknown. There is also no evidence that he adopted any geopolitical concepts from Haushofer, who discussed geopolitics with him multiple times in Landsberg prison via his former assistant, Rudolf Hess. This rejection likely stems from the fact that National Socialist ideology strictly opposed determinism and materialism as constitutive elements of geopolitics. Hitler’s conception of spatial expansion and the accumulation of power was continental in orientation. The other, maritime-oriented German geopolitical school, with its renewed focus on colonial acquisition, was marginalized in National Socialist thought. In his campaigns against Poland and the USSR, racial considerations, framed as a supposed historical mandate, dominated over spatial strategy in his “Lebensraum”–fantasies.

¹Ratzel, F. *Der Lebensraum*, 69–70.

²Ebeling, F. *Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft 1919–1945*. <https://dokumen.pub/qdownload/geopolitik-karl-haushofer-und-seine-raumwissenschaft-19191945-reprint-2018nbsp-ed-9783050069678-9783050024691.html> (date of access: 25.11.2025). See also: Jacobsen, H. A. *Karl Haushofer, Leben und Werk* 2 Bd.

³Dostal, J. (2016). *Die Eurasien-Debatte der Zeitschrift für Geopolitik (1924–1932)*. <https://d-nb.info/119219828X/34> (date of access: 25.11.2025).

⁴Schmitt, C. (1941). *Völkerrechtliche Großraumordnung*.

⁵Küchenhoff, G. (1944). *Großraumgedanke und völkische Idee im Recht*. https://www.zaoerv.de/12_1944/12_1944_1_a_34_82.pdf (date of access: 25.11.2025).

THE INTERNATIONALLY RENOWNED US GEOSTRATEGISTS AND GEOPOLITICS SCHOLARS MAHAN, MACKINDER AND SPYKMAN¹

Even before Kjellén and Ratzel addressed the problematics of political geography and geopolitics in scholarly publications, the US Admiral and geostrategist Alfred Thayer Mahan (1840–1914) had already examined the effective interplay of power and strategy on a global scale in two publications (1890² and 1900³), emphasizing that historically, world powers had always been naval powers. The term geopolitics was still unknown to him; Kjellén had only coined it in 1899.

A few years later, the British geographer and political economist Halford Mackinder (1861–1947) developed the geopolitical-strategic pivot area / Heartland theory [Mackinder 1904, pp. 421–437]. His analytical category was not explicitly geopolitics but political geography. In doing so, he challenged Mahan's dogmatic historical assertion of naval power dominance: land powers, too, could overcome naval powers through the conquest of strategic bases. At the center of his conceptual "World Island", comprising Africa, Europe and Asia, he located the Heartland, which corresponded precisely to the then-Zarist Russian Empire. Owing to effectively developed transport infrastructure combined with advanced economic and industrial development, a state could by controlling the Heartland and exercising political dominance over the Rimland as a buffer between the Heartland and maritime powers, ultimately achieve control over the World Island: "*The oversetting of the balance of power in favour of the pivot state, resulting in its expansion over the marginal lands of Euro-Asia, would permit of the use of the vast continental resources for fleet-building, and the empire of the world would then be in sight. This might happen if Germany were to ally herself with Russia*"⁴.

¹The fundamental concepts of the three geopoliticians: Theories of Geopolitics. <https://dokumen.pub/qdownload/theories-of-geopolitics.html> (date of access: 25.11.2025).

²Geostrategy focuses on geofactors such as territory, positional relationships, and military capabilities to advance one's own objectives. Geostrategy is defined as "the systematic realization of strategic and security-political goals, taking into account geopolitically determined regional and global conditions": Wolfgang Baumann, Geopolitik- ein zeitgemäßer Beitrag zum gesamtstaatlichen Führungsverfahren? https://www.bmlv.gv.at/pdf_pool/publikationen/09_vu1_01_gbf.pdf (date of access: 25.11.2025).

³Mahan, A. (1890). The influence of sea power upon history. <https://dn790003.ca.archive.org/0/items/seanpowerinf00maha/seanpowerinf00maha.pdf> (date of access: 25.11.2025).

⁴Mackinder, H. J. (1904). The Geographical Pivot of History. https://disp.web.uniroma1.it/sites/default/files/Mackinder_Geographical+Pivot+of+History.pdf (date of access: 25.11.2025).

In his 1919 publication "Democratic Ideals and Reality", he introduced his now-famous three-tiered 'three-tiered ladder': "*Who rules Eastern Europe commands the Heartland. Who rules the Heartland commands the World Island. Who rules the World Island commands the world*"⁵.

Haushofer incorporated Mackinder's Heartland theory into his work: "*Haushofers Idee eines Kontinentalblocks, bestehen aus Deutschland, Italien, der Sowjetunion und Japan, sah die pivot area im Zentrum eines Machtblocks, der unter deutscher Führung zum Gegengewicht zur britischen Großmacht werden sollte*"⁶. The Dutch-American political scientist Nicholas J. Spykman (1893–1943) in two geostrategic publications in 1942 and 1944⁷, advocated a robust US foreign policy aimed at containing Russian power in Europe. The term he used in his publications is geopolitics. As a co-founder of the political science Realist school, he is regarded as one of the intellectual precursors of John Foster Dulles' later US containment policy during the Cold War. Unlike Mackinder, he was unconcerned with the prospect of the Russian Heartland achieving infrastructural unity in the foreseeable future as a potential power rival to the US naval forces. On the global stage, the primary concern was not the attempted dominance of the Heartland by maritime powers, but rather who controlled the Rimland – comprising quasi-amphibious states with their populations, industries, and resources – that the centers of power lie, serving as a master key to global influence through their control of access to both the Heartland and the maritime powers.

He therefore modified Mackinder's three-tiered geostrategic theory into: "*Who controls the Rimland rules Eurasia; who rules Eurasia controls the destinies of the world*"⁸.

In the East-West conflict the Soviet Union followed Mackinder by industrializing its

pdf (date of access: 25.11.2025).

⁵Mackinder, H. J. (1919) Democratic Ideals and Realit. URL: <https://archive.org/details/democraticideals00mackiala/page/194/mode/2up?view=theater> (date of access: 25.11.2025).

⁶Themenportal Europäische Geschichte. (2025, August 26). Drei Karten globaler Raumordnung auf Grundlage der Heartland-Theorie (1904 – 1934 –/ 1944). URL: <https://www.europa.clio-online.de/quelle/id/q63-78139> (date of access: 25.11.2025).

⁷Spykman, N. J. (1942). America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.5673/page/n5/mode/2up?view=theater> (date of access: 25.11.2025).

See also: Spykman, N. J. (1944). The Geography of the Peace. <https://de.scribd.com/document/855429528/The-Geography-of-the-https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.5673/page/n5/mode/2up?view=theater> (date of access: 25.11.2025).

⁸Spykman, N. J. (1944). The Geography of the Peace, 43.

Heartland and exercising military control over the geographically adjacent Rimland / Eastern Europe. The United States, by contrast, pursued a Mackinder-Spykman synthesis, seeking to contain the Heartland militarily through its Western European NATO Rimland.

As with all scientific theories, geopolitical theory has evolved over time. Today, geopolitics is largely understood as an interdisciplinary field drawing on geography, history, sociology and political science, which examines how essential factors such as geographic location, topography, resources and climate influence political processes, power relations and, ultimately, the strategic decisions of states.

Among the most prominent contemporary US geopoliticians are former Secretary of State Henry Kissinger (1923–2023) [Kissinger, 2003; Kissinger, 2014] and former US President Jimmy Carter's National Security Advisor, Zbigniew Brzezinski (1928–2017) [Brzezinski, 1997]. At the center of Kissinger's geopolitical reflections and considerations is the pursuit of a power-based balance-of-interests approach as a principle of world order. For him, it is not geographical space per se that constitutes a geopolitical driving force sui generis, but the territorial state. Brzezinski's understanding of geopolitics, by contrast, aligns with the intellectual tradition of Halford Mackinder. From the disciplines of history and political science, the British historian Paul Kennedy, who teaches at Yale, serves as a representative example [Kennedy, 1987]. For Kennedy, geopolitics encompasses not only the interaction of territory and power, but in an expanded sense also factors such as industrial capacity, financial systems, demography, technological innovation, migration, and climate.

His younger colleague, Alfred W. McCoy, whose research focuses on Southeast Asia, assessed the highly charged geopolitical conflict in 2022 between the United States and China as the culminating phase of the historical struggle for control of Eurasia / the Heartland between maritime and continental powers¹.

PART 2: POWER DISTRIBUTION, SECURITY AND GEOPOLITICS AS CENTRAL CATEGORIES OF STRUCTURAL NEO-REALISM

Kenneth Waltz is the founder of the political science theory of neorealism². The central assumption of

neorealists is that the international order is characterized by anarchy: "States continue to coexist in an anarchic order. Self-help is the principle of action in such an order, and the most important way in which states must help themselves is by providing for their own security"³. Within the framework of a means-end-rationality, states pursue the enforcement of their own interests as their highest principle / rational units.

Power distribution – especially in the form of military resources – and security are central categories of structural neorealism.

Geopolitics has a mediating effect on the distribution of power in the international state system. Because the geographical conditions influence the security situation and options for action. The following factors are important in this regard: A state's strategic location and position of power are influenced by whether it is an island power or a continental power? Whether there are buffer zones between it and other states. How vulnerable is the state geographically? How is access to resources and trade routes secured?

SPACE AS A SOCIAL CONSTRUCT

With the collapse of the Soviet Union and the emergence of new states, political geography also changed for Germany, Eastern Europe, and Central Asia. Central Europe briefly became a conceptual political reference [Baumann, 2000]. A new spatial thinking also returned to Germany. Naturally, until then, all political action had been linked to space in some way. Cultural, social, or family policies, for example, carry an abstractly connoted relationship to spaces of interaction and care, whereas foreign, regional, or trade policy decisions refer to geographic spaces of exchange, competition, and innovation.

The spatial turn after 1945 initiated a second paradigm shift in the social and cultural sciences. According to proponents of the spatial turn [Döring, Thielmann, 2008; Günzel, 2009]⁴ space is no longer seen as a determinant to which all else is subordinated.

The new understanding of space is based on an implicit spatial conception according to which "*dass der (physische) Raum erst in der sozialen und kulturellen Praxis, im menschlichen Denken, Sprechen*

¹McCoy, A. W. (2025, August 29). Russland, China und der Feind, Le Monde Diplomatique. <https://monde-diplomatique.de/artikel/15844140> (date of access: 25.11.2025).

²Waltz. Theory of International Politics. https://dl1.cuni.cz/pluginfile.php/486328/mod_resource/content/0/Kenneth%20N.%20Waltz%20

Theory%20of%20International%20Politics%20Addison-Wesley%20series%20in%20political%20science%20%20%20%201979.pdf (date of access: 25.11.2025).

³Waltz. The Origins of War in Neorealist Theory. <https://users.metu.edu.tr/utuba/Waltz.pdf> p. 624 (date of access: 25.11.2025).

⁴Kibel, J., Meier, N., Steets, S., Weidenhaus, G. (2025, September 2). Figuring Out Spaces. <https://www.transcript-verlag.de/media/pdf/a3/c0/69/oa9783839475041.pdf>. (date of access 25.11.2025).

*und Handeln, geformt wird*¹. In this perspective, spaces are socially constructed and emerge through active processes. They acquire meaning only within the political context of actions, power relations, symbols, and so forth, thereby shaping societal processes. Accordingly, territorial boundaries, for example, are not merely markings on maps but are the outcomes of political negotiation or prevailing power structures. However, social constructivism as a theory was developed by the two US-sociologists Peter L. Berger and Thomas Luckmann as early as 1966². As a continuation of basic social constructivist assumptions, political constructivism developed as a political theory in the late 1980s. The US political scientist Nicholas Onuf developed important approaches to political constructivism as a political theory [Onuf, 1989]. The German-US political scientist Alexander Wendt established it as a “grand theory” in 1999³.

The spatial turn critiques classical geopolitics for its worldview of space as a given strategic interest and a determinant of foreign policy imperatives. By treating political action as geographically conditioned, interests, as drivers of policy, are reduced to perceived, competing spatial images.

Political discourses, however, develop within contexts and controversies shaped by specific socio-political, economic, historical, and ideational constellations. The interpretive frameworks anchored in these contexts are constructs that incorporate historical experiences, perceptions, interests, norms and values, fundamental beliefs or positions, and cultural identities, thereby shaping cognitive maps or mental models. Space, distance, territory, and resources, as determinants of geopolitics, do not possess strategic objectivity *eo ipso*. They acquire meaning only through political attribution and linkage to interests, and through their declaration and justification, they also gain ideological substance.

¹Langthaler, E. (2025, September 3) Orte in Beziehung. <https://www.ruralhistory.at/de/publikationen/rhwp/RHWP16.pdf>. (date of access 25.11.2025).

²Berger, P., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. <https://amstudgm.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/04/social-construction-of-reality.pdf> (date of access: 25.11.2025).

³Wendt, A., Social Theorie of International Politics. <https://www.guillaumenaicise.com/wp-content/uploads/2013/10/Wendt-Social-Theory-of-International-Politics.pdf> (date of access: 25.11.2025).

In summary, and by way of example, the statement of the Berlin-based Eastern European historian and prominent advocate of the spatial turn, Karl Schlögel: “*Mittlerweile ist die Geopolitik zum allround Erklärungsmodell geworden, so als leitete sich alles Geschehen allein aus Raumverhältnissen ab. Aber die Geographie, die an die Stelle der Systeme trat, kann das Agieren von Gesellschaften, Staaten, Diktatoren nicht wirklich erklären, und es ist längst Zeit, die Erforschung der Komplexität von Gesellschaftssystemen wieder in ihre Rechte einzusetzen. Kurz: Wenn man die inneren Dynamiken von Staatswesen erklären will, aus denen sich auch die internationalen Beziehungen ableiten, dann braucht es wieder mehr Soziologie und Ökonomie, mehr Systemanalyse und Mentalitätsgeschichte statt des leer gewordenen Verweises auf die Geographie*” [Schlögel, 2022].

GEO-ECONOMICS

The grammar of self-understanding in “old school” geopolitics is territorially oriented, typically involving influence or hegemonic power projection implemented ‘*manu militari*’. However, following the end of the East-West conflict, economics has gained a driving and propulsive force in interest-driven politics, due to the growing economic orientation of international relations and globalization. Does this, however, also signify a paradigm shift from geopolitics to geo-economics? This question has been the subject of a controversial debate for years [Bergsten, 1992; Blyth, 2002].

Notably, geo-economics does not signify soft power through integrative economic and trade cooperation. Rather, geo-economics denotes the use of supply chain controls, embargoes, tariffs, sanctions and credit-financed infrastructure projects, that is the deployment of economic means under a geopolitical guise to advance political and strategic objectives. In this understanding, the influential conservative US political scientist Robert Kagan argued as early as 2008 that economic power is an instrument, “*nicht um den geopolitischen Kampf aufzugeben, sondern um ihn erfolgreicher führen zu können*” [Kagan, 2008]. Geopolitics and geo-economics must therefore be understood as interdependent rather than alternative frameworks.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lacoste Y. (Hg.): Dictionnaire de géopolitique. Paris: Flammarion, 1993.
2. Schulz Hans-D. Kulturklimatologie und Geopolitik / Günzel, Stephan (Hg.) Raum. Ein interdisziplinäres Handbuch. Stuttgart ; Weimar. 2010.
3. Droysen J. Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte. Darmstadt, 1977.

4. Haushofer A. Allgemeine Politische Geographie und Geopolitik. Heidelberg, 1951.
5. Ratzel F. Politische Geographie. 2nd edition. Leipzig ; München: Oldenbourg, 1897.
6. Ratzel F. Der Lebensraum: Eine biogeographische Studie. Tübingen: Verl. der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1901.
7. Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung. Deutsche Rechtsverlag. Berlin: Duncker & Humblot, 1941.
8. Kjellén, R. Studier Öfver Sveriges Politiska Gränser / Studien über die politischen Grenzen Schwedens. Madision: Ymer, 1899.
9. Kjellén, R. Der Staat als Lebensform. Leipzig: S. Hirzel, 1917.
10. Kjellén R. Die Großmächte der Gegenwart. Leipzig: B.G. Teubner, 1916.
11. Durkheim É. Rezension, L'Année Sociologique. 1897. Nr. 2.
12. Vidal dela Blache P. La Géographie Politique, Annales des Géographie. 1889. Nr. 7.
13. Mattioli, A., Bernhard, P. (Hg.). Fascist Italy and Nazi Germany: Comparisons and Contrasts. Cambridge University Press, 2013.
14. Rodogno, D. Fascism's European Empire. Italian Occupation during the Second World War. Cambridge University Press, 2006.
15. Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttgart: Verlag von J. Engelhorn's, 1882.
16. Fard R. "Schaukeln" oder "Schwanken"? Eine Neubewertung der Geopolitischen Codierungen in der deutschen Außenpolitik nach der deutschen Wiedervereinigung [Doctoral dissertation. Hamburg], 2018.
17. Haushofer K. Weiter Raum wirkt lebenserhaltend // ZfG. 1935. Nr. 2.
18. Jacobsen Hans-A. Karl Haushofer, Leben und Werk 2 Bände. Boldt: Boppard, 1979.
19. Haushofer K. Apologie der deutschen Geopolitik // Edmund A. Walsh, Wahre anstatt falscher Geopolitik für Deutschland. Frankfurt/M.: G. Schulte-Bulmke, 1946.
20. Haushofer K. Der Kontinentalblock. Mitteleuropa-Eurasien-Japan. Kriegsschriften der Reichsstudienführung. München: Zentralverlag der NSDAP, Eher Nachfolger, 1941.
21. Dostal J. Die Eurasien-Debatte der Zeitschrift für Geopolitik (1924–1932) // Zeitschrift der Koreanisch-Deutschen Gesellschaft für Sozialwissenschaften, 2016. Vol. 26. № 4. P. 29–72.
22. Touscoz, J. Atlas géostratégique – crises, tensin et convergences. Paris, 1988.
23. Foucault, M. Von anderen Räumen / Jörg Dünne, Stephan Günzel (Hgs.) Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. Suhrkamp: Frankfurt/Main, 2006.
24. Langhans-Ratzeburg M. Begriff und Aufgaben der geographischen Rechtswissenschaft (Geojurisprudenz) // Zeitschrift für Geopolitik. Beiheft II, 1928.
25. Küchenhoff G. Großraumgedanke und völkische Idee im Recht // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 1944. 12(1). P. 34–82.
26. Mahan A. The influence of sea power upon history. Boston: Little, Brown and Company, 1890.
27. Mahan A. The Problem of Asia and its Effects upon International Politics. Boston: Little, Brown and Company, 1900.
28. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. № 4. P. 421–437.
29. Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality. London: Constable and Company, Ltd., 1919.
30. Spykman N. J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and co., 1942.
31. Spykman N. J. The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and co., 1944.
32. Kissinger H. Die Herausforderung Amerikas. Köln, 2003.
33. Kissinger H. Weltordnung. Über die Grundlagen globaler Politik. München, 2014.
34. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives // Basic Books. New York, 1997.
35. Kennedy P. The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500–2000. New York: Random House, 1987.
36. Baumann W. Die österreichische Mitteleuropaidee als Raumidee im Rahmen der EU. Diplomarbeit. Universität Wien, 2000.
37. Döring J., Thielmann T. (Hgs.) Spatial Turn. Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften. Bielefeld, 2008.
38. Günzel S. (Hg.) Topologie. Zur Raumbeschreibung in den Kultur- und Medienwissenschaften. Bielefeld, 2009.
39. Onuf, N. World of our Making, London ; New York, 1989.
40. Schlögel K. Die Ukraine als Kairos // Osteuropa. 2022. 1–3. P. 15–16.
41. Bergsten C. Fred, The Primacy of Economics // Foreign Policy. 1992. No. 87. P. 3–24.
42. Blyth M. Great Transformation. New York: Cambridge University Press, 2002.

REFERENCES

1. Lacoste, Y. (1993). (Hg.): Dictionnaire de géopolitique. Paris: Flammarion.
2. Schulz, H.-D. (2010). Kulturklimatologie und Geopolitik, in: Günzel, Stephan (Hg.) Raum. Ein interdisziplinäres Handbuch, Stuttgart / Weimar: J. B. Metzler.
3. Droysen, J. (1977). Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 22.
4. Haushofer, A. (1951) Allgemeine Politische Geographie und Geopolitik. Heidelberg, 17.
5. Ratzel, F. (1897). Politische Geographie. Leipzig, München: Oldenbourg. 2nd ed.
6. Ratzel, F. (1901). Der Lebensraum: Eine biogeographische Studie. Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung.
7. Schmitt, C. (1941). Völkerrechtliche Großraumordnung. Deutsche Rechtsverlag. Berlin: Duncker & Humblot.
8. Kjellén, R. (1899). Studier Ofver Sveriges Politiska Gränser. Madison: Ymer, 283–331.
9. Kjellén, R. (1917). Der Staat als Lebensform. Leipzig: S. Hirzel.
10. Kjellén, R. (1916). Die Großmächte der Gegenwart. Leipzig: B.G. Teubner.
11. Durkheim, É. (1897). Rezension, L'Année Sociologique, 2, 189.
12. Vidal de la Blache, P. (1889). La Géographie Politique. Annales des Géographie, 4(7).
13. Mattioli, A., Bernhard, P. (Hg.). Fascist Italy and Nazi Germany: Comparisons and Contrasts. Cambridge University Press, 2013.
14. Rodogno, D. Fascism's European Empire. Italian Occupation during the Second World War. Cambridge University Press, 2006.
15. Ratzel, F. (1882). Anthropogeographie. Stuttgart: Verlag von J. Engelhorn's.
16. Fard, R. (2018) „Schaukeln“ oder „Schwanken“? Eine Neubewertung der Geopolitischen Codierungen in der deutschen Außenpolitik nach der deutschen Wiedervereinigung [Doctoral dissertation, Hamburg].
17. Haushofer, K. (1935). Weiter Raum wirkt lebenserhaltend. ZfG, 2.
18. Jacobsen, H.-A. (1979). Karl Haushofer, Leben und Werk: in 2 vols. Boldt: Boppard.
19. Haushofer, K. (1946). Apologie der deutschen Geopolitik. In: Edmund A. Walsh, Wahre anstatt falscher Geopolitik für Deutschland. Frankfurt/M.: G. Schulte-Bulmke.
20. Haushofer, K. (1941). Der Kontinentalblock. Mitteleuropa-Eurasien-Japan. Kriegsschriften der Reichsstudienführung. München: Zentralverlag der NSDAP, Eher Nachfolger.
21. Dostal, J. (2016). Die Eurasien-Debatte der Zeitschrift für Geopolitik (1924–1932), Zeitschrift der Koreanisch-Deutschen Gesellschaft für Sozialwissenschaften, 26(4), 29–72.
22. Touscoz, J. (1988) Atlas géostratégique – crises, tensions et convergences, Paris.
23. Foucault, M. Von anderen Räumen, in: Jörg Dünne / Stephan Günzel (Hg.) (2006), Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. Suhrkamp: Frankfurt / Main.
24. Langhans-Ratzburg, M. (1928). Begriff und Aufgaben der geographischen Rechtswissenschaft (Geojurisprudenz). Zeitschrift für Geopolitik, Beiheft II. 77 ff.
25. Küchenhoff, G. (1944). Großraumgedanke und völkische Idee im Recht. Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht, 12(1), 34–82.
26. Mahan, A. (1890). The influence of sea power upon history. Boston: Little, Brown and Company.
27. Mahan, A. (1900). The Problem of Asia and its Effects upon International Politics. Boston: Little, Brown and Company.
28. Mackinder, H. J. (1904). The Geographical Pivot of History. The Geographical Journal, 23(4), 421–437.
29. Mackinder, H. J. (1919). Democratic Ideals and Reality. London: Constable and Company, Ltd.
30. Spykman, N.J. (1942). America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and co.
31. Spykman, N.J. (1944). The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and co.
32. Kissinger, H. (2003). Die Herausforderung Amerikas, Köln: Ullstein.
33. Kissinger, H. (2014). Weltordnung. Über die Grundlagen globaler Politik, München: Bertelsmann Verlag.
34. Brzezinski, Z. (1997). The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books.
35. Kennedy, P. (1987). The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500–2000. New York: Random House.
36. Baumann, W. (2000). Die österreichische Mitteleuropaidee als Raumidee im Rahmen der EU. [Diplomarbeit, Universität Wien].

37. Döring, J., Thielmann, Tr. (2008). (Hg.) Spatial Turn. Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften, Bielefeld: Transcript.
38. Günzel, S. (2009). (Hg.) Topologie. Zur Raumbeschreibung in den Kultur- und Medienwissenschaften, Bielefeld: Transcript.
39. Onuf, N. World of our Making, London ; New York, 1989.
40. Schlögel, K. (2022) Die Ukraine als Kairos. Osteuropa, 1–3, 15–16.
41. Bergsten, C. Fred (1992). The Primacy of Economics. Foreign Policy, 87, 3–24.
42. Blyth, M. (2002), Great Transformation. New York: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лапинс Вульф

доктор политических наук, профессор
старший научный сотрудник
Института международных отношений WeltTrends, Потсдам, Германия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lapins Wulf

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor
Senior Research Fellow of the WeltTrends
Institute for International Relations in Potsdam, Germany

Статья поступила в редакцию	20.09.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	19.10.2025	
принята к публикации	27.11.2025	

«Черный континент» в глобальной игре ключевых акторов мировой политики

Е. В. Петкова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mrsfreeman1892@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется феномен Африки как ключевого узла пересечения интересов ведущих мировых держав в условиях формирования многополярного миропорядка. Автор рассматривает континент не только как источник богатых природных ресурсов и растущих рынков, но и как арену ожесточенной борьбы за политическое и экономическое влияние. Цель статьи заключается в том, чтобы показать Африку как одно из ключевых направлений глобальной политики ключевых акторов международных отношений и раскрыть, каким образом ведущие мировые державы – США, Китай и Франция – отстаивают свои интересы на континенте. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы исследования: сравнительный анализ, контент-анализ, анализ документов. Выявлены особенности подходов, точки пересечения интересов и противоречия в деятельности в Африканском регионе рассматриваемых акторов мировой политики. Автор приходит к ряду выводов, отражающих специфику современного положения Африки в системе международных отношений. Прежде всего, подчеркивается, что континент перестал быть исключительно ресурсной периферией: он превращается в поднимающийся регион и центр притяжения, где сталкиваются интересы мировых держав. В исследовании также отмечается, что стратегии мировых акторов различаются по применяемым инструментам и преследуемым целям.

Ключевые слова: внешняя политика, Франция, Китай, США, Африка, геополитика

Для цитирования: Петкова Е. В. «Черный континент» в глобальной игре ключевых акторов мировой политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 37–44.

Original article

The “Black Continent” In The Global Game Of Key Actors

Elena V. Petkova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mrsfreeman1892@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the analysis of Africa as a key intersection of the interests of the leading world powers in the context of the formation of a multipolar world order. The author considers the continent not only as a source of rich natural resources and growing markets, but also as an arena of fierce struggle for political and economic influence. The purpose of the article is to show Africa as one of the key areas of global politics and to reveal how the leading world powers – the United States, China, and France – implement their strategies on the continent. To achieve this goal, the following research methods were used: comparative analysis, content analysis, and geopolitical analysis. The peculiarities of approaches, points of intersection of interests and contradictions in the activities of the considered actors of world politics are revealed. At the same time, the emphasis is placed on the fact that Africa today is not an object of influence, but an active participant in international processes, on whose position the balance of power in the emerging reality depends. The author

comes to a number of significant conclusions reflecting the specifics of Africa's current position in the current system of international relations. First of all, it is emphasized that the continent has ceased to be exclusively a resource-based periphery: it is turning into an independent center of gravity, where the interests of world powers collide. The paper also notes that the strategies of global actors differ in terms of the tools used and the goals pursued.

Keywords: foreign policy, France, China, USA, Africa, geopolitics

For citation: Petkova E. V. (2025). The "black continent" in the global game of key actors. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 4(861), 37–44. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия Африка превратилась в один из ключевых регионов мировой политики, где пересекаются интересы глобальных и региональных акторов. На континенте сосредоточены богатые природные ресурсы, быстро растущее население и значительный экономический потенциал, что делает его привлекательным объектом для конкуренции крупнейших держав, подходящим пространством для инвестиций и сбыта. Сегодня Африка выступает ареной соперничества США, Китая, Европейского союза и отдельных государств, среди которых особое место занимает Франция, исторически связанная с регионом.

В означенных геополитических условиях континент становится своеобразным «полем столкновения интересов» в формирующейся многополярной системе международных отношений. Глобальные игроки стремятся закрепить свои позиции, используя широкий инструментарий – от военно-политического присутствия до инвестиционных проектов, культурной дипломатии и гуманитарных инициатив. При этом африканские государства не выступают пассивными объектами внешнего давления: они активно маневрируют между партнерами, стремясь максимизировать выгоды и сохранить политическую автономию.

АМЕРИКАНСКИЙ ГЕГЕМОНИЗМ: СЛУЧАЙ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

Интересы США в Африке определены в ряде официальных документов, среди которых особое место занимают стратегии национальной безопасности, стратегии национальной обороны, дипломатические заявления и коммюнике. В то же время внешнеполитическая деятельность США в Африке дополняется регулярными докладами и отчетами Государственного департамента¹, ко-

торые охватывают анализ политической, экономической и социальной ситуации на континенте. Указанные документы содержат не только оценку обстановки, но и рекомендации для разработки и реализации целенаправленной политики США с целью адаптации к динамичным изменениям в Африке.

Значимую роль в этой аналитической деятельности играют разведывательные службы, предоставляющие актуальные данные и прогнозы, направленные на формирование стратегических решений американского правительства. Важным институциональным инструментом реализации интересов США в Африке являются двусторонние и многосторонние соглашения, договоренности, заключаемые с отдельными странами и региональными организациями, служащие инструментом укрепления связей, расширения экономического сотрудничества и углубления политического взаимодействия [Алимов, Нестерова, 2017]. Авторы отмечают, что подписание таких соглашений демонстрирует решимость США не только поддерживать, но и закрепить свое присутствие на континенте.

Позиция США по отношению к Африке определяется многоуровневой системой их приоритетов на международной арене, в рамках которой политические, экономические и военные интересы тесно переплетаются, что зафиксировано в Стратегии национальной безопасности. В документе определено, что продвижение национальных интересов Америки будет частично зависеть от более тесного сотрудничества не только с африканскими странами, но и с региональными организациями, такими как Африканский союз, субнациональные правительства, гражданское общество, частный сектор и диаспоры. В тексте стратегии говорится о намерении углубить диалоги и встречи с африканскими партнерами, расширяя участие старших американских должностных лиц в многосторонних форматах и двусторонних переговорах.

Этот подход воплощен на практике: на саммите лидеров США и Африки, прошедшем 13–15 декабря

¹Department Reports and Publications / URL: <https://www.state.gov/department-reports/> (дата обращения: 26.02.2025).

2022 года в Вашингтоне¹, главы африканских государств и представителей Африканского союза вместе с президентом США Дж. Байденом обсудили вопросы здравоохранения, продовольственной безопасности и миротворческой повестки, а также инвестиций. В частности, в документе не отрицается и применение давления в отношении стран Африки, для продвижения американских идей и ценностей.

Основополагающим детерминантом стратегий США, определяющих интерес Штатов к «Черному континенту», является наличие доступа к обширным природным богатствам Африки: нефти, газу, ценным минералам. Американские компании активно вовлечены в разработку этих ресурсов, что ориентирует на выстраивание экономических связей с африканскими государствами. Например, нефтегазовая компания **Chevron** ведет разведку и добычу нефти в **Нигерии** в партнерстве с местным национальным нефтяным концерном **NNPC**, включая участие в газоперерабатывающем заводе Escravos GTL, где Chevron контролирует около 75 % доли производства². В Анголе Chevron также активно работает в рамках проекта в нефтяных секторах, включая заповедные офшорные районы. Поэтому в целях минимизации рисков особое внимание требуется поддержанию стабильности в регионах-нефтеэкспортерах.

В контексте обеспечения американской национальной безопасности США активно взаимодействуют с партнерами на континенте по проблеме возникновения террористических угроз в Камеруне, Демократической Республике Конго, Эфиопии, Мозамбике, Нигерии, Сомали, в государствах региона Сахеля и иных африканских странах. Правительство США декларирует свою готовность инвестировать в местное и международное миростроительство и поддержание мира для предотвращения возникновения новых конфликтов. В условиях растущей активности экстремистских организаций, таких как «Исламское государство»³, сотрудничество африканских стран и Соединенных Штатов охватывает разведку, подготовку военных кадров, в том числе в рамках учений African Lion 2024, объединившая около 7000 военнослужащих из более чем 20 стран, включающая тактические операции на суше, в воздухе и на море. Например, в 2024 году

была проведена серия воздушных ударов в Сомали⁴, скоординированных с правительством страны, направленных против группировок «Аш-Шабаб» и ИГИЛ⁵. Данные примеры показывают, что антитеррористическое сотрудничество не только укрепляет безопасность африканских стран, но и защищает и продвигает национальные интересы США.

Обращаясь к экономическим амбициям Вашингтона, следует обратить внимание на принятый в 2000 году, а затем продленный в 2015 году на 10 лет «Закон об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки»⁶, в котором определены основные интересы США включающие масштабные инвестиции, охватывающие различные области от сельского хозяйства до энергетики и инфраструктурного развития. Следует обратить внимание на актуальные экономические показатели: общий товарооборот между США и Африкой в 2024 году составляет 71,6 млрд долл. США, что на 6,6 % больше, нежели в 2023 году, данные по американскому экспорту также показывают прирост на 11,9 % по сравнению с предыдущими периодами и составляет 32,1 млрд долл. США⁷, что является позитивной интенцией в отношениях между сторонами. Помимо этого, в мае 2025 года Демократическая Республика Конго (ДРК) и США было обсуждено соглашение об инвестициях в добычу критически важных минералов, таких как вольфрам, тантал и олово⁸, направленное на снижение уровня зависимости ДРК от Китая.

В совокупности интересы США в Африке представляют собой сложную паутину взаимодействий, требующих гибкого многостороннего подхода. Их реализация основана как на учете экономических возможностей, так и на проявлении осторожности в условиях сложных и противоречивых процессов на региональном и глобальном уровнях. Выстраивание Соединенными Штатами сотрудничества с африканскими странами нацелено на обеспечение доступа к дефицитным ресурсам и способно укрепить их позиции в регионе, что предоставляет им существенное преимущество в условиях обостряющегося соперничества с глобальными игроками.

¹2022 US-Africa Leaders Summit Overview. URL: <https://2021-2025.state.gov/2022-u-s-africa-leaders-summit-overview/#:~:text=The%20December%2013%2D15%2C%202022,billion%20in%20Africa%20through%202025>. (дата обращения 18.06.2025)

²Nigerian journalist misleads millions on X, accusing US of colonial behavior in Sahel. URL: <https://www.voanews.com/a/fact-check-nigerian-journalist-misleads-millions-on-x-accusing-us-of-colonial-behavior-in-the-sahel-/7613512.html> (дата обращения 18.06.2025).

³Организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

⁴Exercise African Lion. URL: <https://www.africom.mil/what-we-do/exercises/african-lion> (дата обращения 18.06.2025).

⁵Запрещенные на территории Российской Федерации организации.

⁶African Growth and Opportunity Act (AGOA) 2000. URL: <https://www.state.gov/african-growth-and-opportunity-act-agoa/> (дата обращения 18.06.2025).

⁷United States Trade Representative: Africa. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/africa/> (дата обращения 18.06.2025)

⁸Congo eyes US minerals deal by end of June, FT reports. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/congo-eyes-us-minerals-deal-by-end-june-ft-reports-2025-05-25/> (дата обращения 18.06.2025)

КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА И АФРИКАНСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КНР

В условиях ожесточенной борьбы за природные и иные ресурсы, рынки и политическое влияние Китай активно участвует в соперничестве за влияние в африканских странах, реализуя собственную аутентичную стратегию [Кожухова, 2023]. Рассматривая Африку как стратегически важный регион с богатыми природными ресурсами, Китай создает благоприятные условия для экономического взаимодействия и укрепления торговых связей. Регулярно проводятся саммиты «Форума китайско-африканского сотрудничества» (FOCAC), на которых обсуждаются вопросы дальнейшего сотрудничества между Китаем и Африкой¹. На последнем саммите в 2024 году КНР объявила об оказании финансовой поддержки африканским странам, включая кредиты, инвестиции и проекты в области чистой энергетики и инфраструктуры в размере 51 млрд долл. США, таким образом зависимость Африки от Китая в экономическом плане становилась всё более глобальной и труднопреодолимой².

Ключевой особенностью китайской политики в Африке является официальная декларация принципа невмешательства во внутренние дела африканских государств (например, в опубликованной в мае 2025 года Белой книге, посвященной национальной безопасности КНР)³, основанного на равноправном, взаимовыгодном сотрудничестве, уважении суверенитета и независимости каждой страны. Данное обстоятельство, согласно традициям внешней политики с «китайской спецификой», способствует укреплению доверия и углублению сотрудничества между сторонами, учитывая тот факт, что в Белой книге КНР 2021 года, Африка была названа «партнером равных»⁴ [Saidou, 2023]. Однако на практике эти принципы часто уступают место прагматичным, а порой и жестким интересам КНР, особенно тогда, когда речь идет о ресурсах. Несмотря на официальные заявления о равноправии, в докладе Государственного совета КНР 2021 года приоритетное внимание уделялось

инфраструктурным и промышленным проектам, что подтверждает ресурсный характер интереса Китая⁵. Быстрый экономический рост Китая спровоцировал «ресурсный голод», который всё больше определяет политическую логику взаимодействия с Африкой [Сазонов, Фэн, 2023]. Переход к низкоуглеродной энергетике требует значительных объемов стратегически важных ресурсов – кобальта, меди и других ключевых минералов. В ДРК, обладающей самыми крупными запасами этих ресурсов, китайские компании контролируют около 72 % активных месторождений, включая такие крупнейшие шахты, как Tenke Fungurume и Kisanfu.

Согласно данным исследователей, китайские компании облегчили экспорт сырья из Африки, обменяв ресурсы на инфраструктуру: инвестиции и стратегические соглашения, например, Sicominex, включают развитие инфраструктуры (дороги, больницы, университеты) в обмен на права на добычу полезных ископаемых⁶. СМОС, ставший крупнейшим добытчиком кобальта после покупки месторождения Tenke Fungurume, сыграл ведущую роль в укреплении китайского контроля над этим сектором в ДРК.

Таким образом, несмотря на декларацию о невмешательстве, фактическая стратегия Китая заключается в активном экономическом присутствии: контроль над добычей и переработкой ресурсов в ДРК, обмен инфраструктурой на горнодобывающие права и экспорт сырья в Китай, где он доминирует в переработке (более 75 % мировых объемов кобальта). Всё это создает материальную основу влияния КНР в регионе и дает ему стратегическое преимущество в глобальных цепочках технологий.

Китай также активно участвует в масштабных проектах по развитию инфраструктуры на африканском континенте, включающих строительство автомобильных дорог, железных дорог, портов и энергетических объектов, добычи полезных ископаемых, что способствует экономическому росту африканских стран и укреплению позиции Китая в регионе [Coraglia, 2023].

Кроме того, Китай проявляет интерес к созданию военных баз на африканском континенте, что позволит китайской стороне усилить военное присутствие в регионе и обеспечить защиту своих

¹Саммит Китай – Африка станет крупнейшим событием в КНР за последние годы. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21750979> (дата обращения 15.09.2025).

²Why Xi has rolled out the red carpet for Africa's leaders. URL: <https://www.thetimes.com/world/africa/article/why-xi-has-rolled-out-red-carpet-african-leaders-9pkkgjr3j?> (дата обращения 15.09.2025).

³Белая книга. Национальная безопасность Китая в новую эпоху. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202505/t20250512_894771.html (дата обращения 15.09.2025).

⁴Китай и Африка в новую эру: партнерство равных. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2021n_2242/202207/t20220704_130718.html (дата обращения 15.09.2025).

⁵Белая книга о международном сотрудничестве Китая в области развития в новую эпоху (полный текст). URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2021n_2242/202207/t20220704_130669.html (дата обращения 15.09.2025).

⁶Chinese Mining in the DRC: From Sicominex to Global Cobalt Monopoly. URL: <https://icsin.org/blogs/2021/08/27/chinese-mining-in-the-drc-from-sicominex-to-global-cobalt-monopoly/> (дата обращения 15.09.2025).

экономических интересов. Военные базы, расположенные в стратегически важных местах, например в Джибути [Cabestan, 2022] станут гарантией безопасности для китайских граждан и компаний, работающих в Африке, а также составляют конкуренцию для США, внешнеполитическая деятельность которой также охватывает экономический и военный секторы.

Укрепление китайско-африканских связей проводится также посредством образовательных и культурных обменов, продвижения новых технологий в области медицины и здравоохранения, что в последствии способствует формированию позитивного образа КНР. Несмотря на то, что подобное взаимодействие обладает очевидными преимуществами, позиция Китая вызывает опасения и критику среди ряда аналитиков по причине того, что страна может оказывать чрезмерное воздействие на африканские государства, ограничивая их суверенитет. Существует вероятность того, что африканские страны станут финансово зависимыми от Китая, поскольку предлагаемые проекты и инициативы часто финансируются в виде кредитов, что может повлечь за собой возникновение более серьезных экономических проблем в будущем.

Активна и китайская «мягкая сила» в Африке. По последним данным в 2024 году число африканских студентов, обучающихся в Китае, по различным оценкам составляло порядка 63 тыс. человек, часть из них учится по стипендиальным программам, предоставленным китайским правительством, что делает КНР всё более привлекательным направлением обучения для молодых африканцев¹. Среди африканских руководителей и элитных кадров имеется немало тех, кто получил образование в Китае или участвовал в совместных академических и культурных программах и теперь занимают важные административные, политические или бизнес-позиции.

Китайские власти придают большое значение образовательным и культурным инициативам не просто как «альтруистическому» сотрудничеству, а как стратегическому инструменту, с помощью которого устанавливается лояльность и поддержка со стороны африканских государств на международной арене. Исследования показывают, что страны, получающие больше китайской помощи и образовательных грантов, чаще поддерживают Китай на голосованиях в ООН и в других международных форумах по темам, касающимся внешней

политики Китая². Африканские государства часто выступают на Генеральной Ассамблее и в Совете по правам человека с поддержкой позиций КНР по вопросам, вызвавшим критику Запада.

Однако при всех преимуществах такого подхода сохраняется и критическое восприятие китайско-африканского «симбиоза» [Дейч, 2018]. Аналитики предупреждают, что африканские страны могут стать финансово уязвимыми в связи с ростом долговой нагрузки, поскольку многие образовательные, инфраструктурные и культурные проекты реализуются за счет кредитов или финансирования, предусматривающих обязательства, которые в долгосрочной перспективе могут ограничить экономический суверенитет стран [Dang, 2023]. Также вызывает обеспокоенность, что столь крупное культурное и образовательное присутствие со стороны Китая играет роль не просто помощи, но и средства стратегического влияния.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИТИКА В АФРИКЕ: СТАРЫЕ УРОКИ, НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Франция, исторически воспринимавшая Африку как зону своего влияния, опиралась на наследие колониального прошлого и стремилась сохранить и укрепить свои позиции на континенте. Несмотря на некоторые провальные действия Пятой Республики в Африке, не прекращаются попытки Франции навязать свое присутствие.

В Национальном стратегическом обзоре 2022 года Африка была обозначена как одно из приоритетных направлений внешней политики³. В документе подчеркивалась необходимость поддержания стабильности на южных подступах к Европе, защиты критических цепочек поставок и укрепления позиций Франции как гаранта безопасности в зонах, наиболее уязвимых для террористических угроз и региональной нестабильности. Именно Африка рассматривалась как пространство, где Пятая Республика способна реализовывать свои функции «державы-опоры» европейской автономии и одновременно сохранять стратегическое присутствие за пределами Евросоюза.

Однако политические события 2022–2023 годов, включая перевороты в Мали, Буркина-Фасо и Нигере, а также последовавшее за ними изгнание французских военных континентов и закрытие операций типа Бархан, наглядно показали пределы эффективности прежней французской модели

¹Waruru M. Numbers of African students in China expected to grow as ties increase. URL: <https://thepienews.com/numbers-of-african-students-in-china-expected-to-grow-as-ties-increase/> (дата обращения 15.09.2025).

²Mapping China's influence at the United Nations. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11558-024-09571-2?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 15.09.2025).

³Revue nationale stratégique 2022. URL: <https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/Revue%20nationale%20strat%C3%A9gique%20-%20Fran%C3%A7ais.pdf> (дата обращения 25.07.2025).

крупномасштабного военного присутствия. Эти процессы сопровождались ростом антипартийных настроений и расширением активности внешних игроков, прежде всего, России и Китая, которые предложили африканским странам иные варианты сотрудничества в сфере безопасности и развития. На практике это означало утрату Францией традиционных каналов влияния и вынудило ее пересматривать стратегический инструментарий.

В актуализированном Национальном стратегическом обзоре 2025 года эта трансформация получила официальное закрепление. В документе прямо зафиксировано усиление геополитической конкуренции на континенте. Внимание акцентируется на том, что соперники Франции используют нестабильность и недовольство местных обществ для продвижения собственных интересов. По сравнению с изданием 2022 года акценты смещаются: Франция больше не позиционирует себя как исключительно военную опору в регионе, а стремится предлагать «гибкое и уважительное партнерство», которое сочетает ограниченное военное присутствие «по запросу» африканских государств с расширенными программами обучения, логистической поддержки и участием в многосторонних проектах под эгидой региональных организаций. При этом подчеркивается необходимость координации с европейскими союзниками и перехода от односторонних действий к общеевропейским инициативам.

Таким образом, сопоставление двух стратегических документов демонстрирует сдвиг французской политики в Африке от прежней концепции долгосрочного военного доминирования к более осторожной и многоплановой модели. Если в 2022 году Пятая Республика еще исходила из возможности сохранять ключевую роль «силы стабилизации» на континенте, то в 2025 году она официально признает необходимость адаптации к многополярной конкуренции и делает ставку на партнерство, ориентированное на потребности африканских стран. Данные изменения указывают на постепенный отход Франции от постколониальной парадигмы к прагматичному курсу, в котором военные инструменты сочетаются с гражданскими и экономическими рычагами воздействия на социум, а успех во многом зависит от способности конкурировать с другими внешними игроками за доверие и сотрудничество африканских государств.

Противостояние между Францией и другими игроками за влияние в Африке проявлялось в разных формах: от дипломатических переговоров до военных конфликтов. Например, в некоторых странах Африки происходили вооруженные столкновения, вызванные вмешательством иностранных держав. В то же время Франция продолжала

попытки поддерживать свои военные базы в ряде государств, что вызывало недовольство у местных правительств и населения. В январском обращении 2025 года президент Э. Макрон признал, что потенциал Африки значителен, как и возможности, которые стали очевидны в последние десятилетия. Немаловажно, что глава Франции поставил вопрос о пересмотре самой стратегии взаимодействия, особенно с франкофонными постколониальными государствами. Подобные заявления позволяют понять, что Пятая Республика крайне обеспокоена потерей не только влияния, но и стратегического партнерства со странами Африки в области безопасности и экономики¹.

Соперничество Франции с другими глобальными игроками имеет разные формы и специфику. США традиционно делают акцент на военном присутствии и работе через многосторонние институты, такие как Африканское командование (AFRICOM), а также на продвижении своих стандартов управления и демократических ценностей. Китай, напротив, усиливает свое влияние преимущественно через инфраструктурные проекты и инвестиции, предлагая африканским странам значительные кредиты и соглашения в рамках инициативы «Пояс и путь», что влечет долговую зависимость, но одновременно создает материальную базу для долгосрочного партнерства. Россия, в свою очередь, акцентирует внимание на военно-техническом сотрудничестве, подготовке кадров и поставках оружия, оказывая политическую поддержку и тем самым, укрепляя свои позиции.

Франция же, как показал Национальный стратегический обзор 2025 года, вынуждена корректировать прежний подход. Если ранее упор делался на долговременное военное присутствие и крупномасштабные операции, то теперь Пятая Республика заявляет о переходе к «гибким и уважительным партнерствам», в которых акцент делается на концентрации местных сил, региональном сотрудничестве и совместных проектах с европейскими союзниками. Такой сдвиг свидетельствует о признании ограниченности традиционных постколониальных инструментов и о поиске новых форм взаимодействия, позволяющих сохранить хотя бы часть утраченного влияния.

Одновременно усиливается конкурентное давление со стороны Китая и США. Китайские компании, как отмечалось выше постепенно вытесняют европейских акторов, в частности Францию из

¹Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur les défis et priorités de la politique étrangère de la France, à Paris le 6 janvier 2025 // Vie publique. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/296746-emmanuel-macron-06012025-politique-etrangere> (дата обращения 15.07.2025)

горнодобывающих и инфраструктурных проектов, особенно в Восточной и Центральной Африке. Существенным фактором стало открытие китайской военно-морской базы в Джибути в 2017 году, расположенной в непосредственной близости от французской базы, что принципиально изменило баланс сил на Красном море. США, в свою очередь, расширяют операции AFRICOM и укрепляют позиции в сфере безопасности, в том числе в Нигере, Кении и Сомали. Современные исследователи рассматривают данную политико-экономическую практику как форму расширения соперничества за политическое и экономическое влияние на континенте [Charbonneau, 2021]

В итоге борьба Франции и других держав за доминирование в Африке стала одним из ключевых факторов, формирующих политическую и экономическую ситуацию на континенте в последние годы [Гринин, Гринин, Коротаев, 2024]. На современном этапе это противостояние продолжает оказывать значительное влияние на отношения Африки с остальным миром, формируя новую реальность, в которой африканские страны стремятся к большей самостоятельности, а внешние игроки, в том числе Франция, после пересмотра своей стратегии, пытаются адаптировать свои подходы и найти баланс между своими национальными интересами и уважением к африканскому суверенитету.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение сделаем вывод, что Африка в настоящее время – территория, где формируются

новые правила мировой конкуренции. США, Китай и Франция применяют различные модели интеграции на африканском континенте: Америка сочетает военное присутствие с институциональными и ценностными инструментами; КНР акцентирует внимание на инфраструктурных и ресурсных проектах, предлагая кредиты и инвестиции; Франция, столкнувшись с ограниченностью постколониальных практик, была вынуждена скорректировать подход и перейти к модели «гибких и уважительных партнерств».

Сопоставлении официальных стратегических документов с практическими действиями Франции и других держав Африки позволило выявить трансформацию французской политики: от концепции долгосрочного военного доминирования к более адаптивной и партнерской модели, ориентированной на совместные проекты и координацию с европейскими союзниками. Такая эволюция отражает не только утрату Францией прежнего влияния, но и адаптацию к новым реалиям многополярного мира, где успех внешнего актора определяется способностью учитывать интересы африканских государств и конкурировать за их доверие.

Таким образом, Африка становится пространством, где глобальные игроки вынуждены выстраивать баланс между собственными стратегическими интересами и уважением к суверенитету партнеров. Именно этот баланс определяет перспективы дальнейшего развития международных отношений на континенте и делает его ключевым фактором формирования справедливого и устойчивого мирового порядка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алимов А. А., Нестерова И. Е. Интересы США в современных африканских государствах // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. № 2 (43). С. 29–33.
2. Кожухова К. Е. Репрезентация внешнеполитического образа страны в доктринальных документах Китайской Народной Республики (на примере Белых книг) // Власть. 2023. Т. 31. № 4. С. 185–196.
3. Saidou, A. K. L'Afrique face au dilemme des deux «Chine»: analyse constructiviste de la politique étrangère à partir des cas du Niger et du Burkina Faso // Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique. 2023. Т. 56. № 3. С. 620–635.
4. Сазонов С. Л., Фэн Л. Китайско-африканское сотрудничество в области развития энергетики в рамках реализации инициативы «Пояс и путь» // Китай: общество и культура. 2023. Т. 2. № 1. С. 29–40.
5. Coraglia, B. Russie / Chine en Afrique // Diplomatie. 2023. № 123. С. 21–25.
6. Cabestan, J. P. La Chine en Afrique: une nouvelle hégémonie // Questions internationales. 2022. Т. 116. № 6. С. 75–82.
7. Дейч Т. Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 119–141.
8. Dang, H. G. M., Engamba, F. L. Coopération culturelle et tourisme à l'aune de «la Ceinture et la Route» entre la Chine-Afrique // Revue d'Études Sino-Africaines (RÉSA). 2023. Т. 2. № 1. С. 81–93.
9. Гринин, А. Л., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее // История и современность. 2024. № 3. С. 87–112.

10. Charbonneau B. Counter-insurgency governance in the Sahel // International Affairs. 2021. Vol. 97. № 6. P.1805–1823.

REFERENCES

1. Alimov, A. A., & Nesterova, I. E. (2017). Interesy SSHA v sovremennyh afrikanskih gosudarstvah = US Interests in Modern African States. Society. Environment. Development (Terra Humana). Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana), 2(43), 29–33. (In Russ.)
2. Kozhukhova, K. E. (2023). The representation of the country's foreign policy image in the doctrinal documents of the People's Republic of China (using the example of the White Books). Vlast, 31(4), 185–196. (In Russ.)
3. Saidou, A. K. (2023). L'Afrique face au dilemme des deux «Chine»: analyse constructiviste de la politique étrangère à partir des cas du Niger et du Burkina Faso. Canadian Journal of Political Science. Revue canadienne de science politique, 56(3), 620–635.
4. Sazonov S.L., Feng L. (2023) China-Africa Energy Development Cooperation under the Belt and Road Initiative. China: society and culture, 2(1), 29–40. (In Russ.)
5. Coraglia, B. (2023). Russie/Chine en Afrique. Diplomatie, 123, 21–25. (In French)
6. Cabestan, J. P. (2022). La Chine en Afrique: une nouvelle hégémonie. Questions internationales, 116(6), 75–82. (In French)
7. Deitsch, T. L. (2018). China in Africa: "neocolonialism" or "win-win" strategy? Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 11(5), 119–141. (In Russ.)
8. Dang, H. G. M., & Engamba, F. L. (2023). Coopération culturelle et tourisme à l'aune de «la Ceinture et la Route» entre la Chine-Afrique. Revue d'Études Sino-Africaines (RÉSA), 2(1), 81–93. (In French)
9. Grinin, A. L., Grinin, L. E., & Korotayev, A. V. (2024). The African aspect of the struggle for a new world order. Africa's rise and increased competition for it. Istoriya i sovremennost', 3, 87–112. (In Russ)
10. Charbonneau, B. (2021). Counter-insurgency governance in the Sahel. International Affairs, 97(6), 1805–1823.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петкова Елена Васильевна

преподаватель кафедры политологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petkova Elena Vasilevna

Lecturer at Department of Political Science

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.09.2025
25.10.2025
27.11.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Структурные процессы в международных отношениях в середине 2020-х годов

Т. А. Шаклеина

*Московский государственный институт международных отношений
МИД России (Университет), Москва, Россия
Shakleina-tania@yandex.ru*

Аннотация. Прошедший 31 августа – 1 сентября 2025 года в Китае саммит ШОС ознаменовался в том числе тем, что идея формирования Евразийского глобального центра в мировом порядке XXI в. обрела конкретные очертания и стала реальной стратегической целью для стран-участниц, прежде всего для России и Китая. Гипотеза автора состоит в том, что в середине 2020-х гг. становится все более очевидным тот факт, что Соединенные Штаты утрачивают статус полноценной сверхдержавы. Правящая американская элита сохраняет приверженность идеологии глобального доминирования и превосходства, что привело к ужесточению политики США, для того чтобы остановить процесс упадка и ослабления, в том числе, приумножить богатство и благосостояние Америки. В американском обществе существуют серьезные проблемы политического и социально-экономического характера, решение которых затягивается и встает необходимость переключить внимание американцев на внешние угрозы. С избранием Д. Трампа начался новый виток эскалации в борьбе США за либеральный порядок и либеральные ценности, и эта борьба становится все более непримиримой и безответственной. Формирование альтернативного западному центра глобального регулирования является ключевой задачей для остального мира, прежде всего, для России и Китая. Важно объединить усилия по консолидации Евразийского глобального центра, сплотив все страны, заинтересованные в формировании порядка, который обеспечит мирное развитие и благоприятные условия для стран разного уровня.

Ключевые слова: Россия, США, Китай, мировой порядок, великодержавная конкуренция, Евразийский глобальный центр, политика США

Для цитирования: Шаклеина Т. А. Структурные процессы в международных отношениях в середине 2020-х годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 45–53.

Original article

Structural Transformations in International Relations in the Mid-2020s

Tatiana A. Shakleina

*Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Shakleina-tania@yandex.ru*

Abstract. SCO Summit that took place in China on 31 August – 1 September 2025 was really a remarkable event for future SCO development, and for the formation of the new world order. The idea of the global Eurasian center was introduced as a strategic goal for SCO country-members, and first of all for China and Russia. The hypothesis is the following: in 2020s it was becoming evident that the United States could not be considered an indisputable full superpower. However American ruling elite keeps adherence to hegemonic ideology based on the ideas of global domination and superiority (chosen nation ideology). As a result, US strategy has become arrogant aimed to stop this process of decline and to multiply its wealth. There are a lot of urgent problems in the American

society but their solution is hardly possible in the near future. Traditionally American government tries to switch public attention to international and foreign policy problems. America has started a new phase of its struggle for liberal world order, and its policy has been becoming more and more irresponsible and uncompromised. Formation of the Eurasian global center alternative to Western center of power should be viewed as a key task for Russia and China. It is important to unite efforts for consolidation of the Eurasian center attracting all the countries who support the conception of peaceful world development and establishment of world order that will give equal opportunities and favorable conditions for all countries..

Keywords: Russia, US / America, China, world order, great power competition, Eurasia global center, foreign policy of the United States

For citation: Shakleina, T.A. (2025). Structural Transformations in International Relations in the mid-2020s. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 45–53. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о том, в каком мировом порядке живет мировое сообщество после завершения периода биполярного порядка, остается дискуссионным и открытым для разных интерпретаций. Соединенные Штаты жестко привержены концепции о существующем либеральном мировом порядке, который они стремятся закрепить институционально и идейно и за который открыли непримиримую борьбу с так называемыми «ревизионистами», Россией и Китаем. Они, а также многие страны разного уровня продвигают проект полицентричного (многополярного) мирового порядка и принимают определенные шаги к формированию его основ.

Дилемма современного этапа мирового развития состоит в том, что США и их союзники (Запад) действуют сплоченно в рамках единой миротворяющей идеологии и общей воинственно-непримиримой стратегии, что придает им силы в противодействии оппонентам. Россия и Китай, хотя и возглавляют так называемый «остальной мир», не выработали общей линии по вопросу о мировом порядке, до конца не осознали важность единства в этом вопросе, что не способствует сплочению других стран вокруг них, приносит некоторую неопределенность и нестабильность в ряды сторонников многополярности.

АДМИНИСТРАЦИЯ ТРАМПА: ИЛЛЮЗИЯ НЕПРОДУМАННЫХ МЕТАНИЙ

«Страсти по Трампу», начавшиеся в ходе выборов 2016 года и не прекращавшиеся в течение его первого срока в Белом доме, продолжают и во время второго срока, хотя характер критики его действий приобрел более глубокий и серьезный характер [Вольф, 2018]. У всех, кто хорошо знаком с американской внешнеполитической стратегией, такая

непримиримая позиция значительной части правящей элиты вызывает удивление, поскольку Трамп решительно, открыто и довольно грубо делает то, что начинали делать все президенты до него, хотя и не столь смело. Американские политики и политологи не хотят вспоминать стратегические документы администраций, принятые после 1991 года. Уже в Стратегиях национальной безопасности администрации Клинтона 1995–1997 годов было всё написано о том, что такое Соединенные Штаты в новых международных условиях и как они могут и должны действовать [Шаклеина, 2002]. Клинтон и его команда еще проявляли некоторую нерешительность слишком непримиримо и агрессивно демонстрировать глобальные амбиции США, хотя разрушили Югославию, бомбили Белград и инициировали расширение НАТО. Администрация Дж. Буша-мл. пошла дальше и действовала более откровенно, выйдя из Договора по ПРО 1972 года. Это был шаг по разрушению институциональной базы в сфере безопасности. Террористические акты сентября 2001 года и начатая США борьба с терроризмом отвлекли внимание от их стратегии, но для процесса формирования мирового порядка и отношений с Россией именно развал институтов имел первостепенное значение. Задолго до этого немало политиков и экспертов говорили о том, что договоренности времен холодной войны должны быть аннулированы, так как были подписаны с СССР и только сковывают действия США. За этим первым шагом последовали другие, и особенно отличился в разрушении существовавших институтов в сфере безопасности именно Трамп [Адвоинин, Ананьева, Белинский, 2020].

При администрации Дж. Буша-мл. появился доклад «Неверный путь России. Что США могут и должны делать»¹.

¹Russia's Wrong Direction. What the United States Can and Should Do. N.Y.: Council on Foreign Relations Press, 2006.

Президент В. В. Путин произнес речь в Мюнхене в 2007 году¹. Дальнейшие события развивались поступательно и планомерно в соответствии с основными идеями и целями США по превращению мировой системы в моноцентричную, полностью контролируемую Америкой. Администрации Обамы и Байдена продолжали разрушать то, что не укладывалось в рамки продвигаемого либерального мирового порядка. А разве Трамп делал что-то другое? Он разрушил всё то, что до него не успели разрушить его предшественники и пошел дальше, фактически начав масштабную войну во всех сферах международных отношений. Как отмечалось в ряде работ американских и российских авторов, США прибегли к проверенному методу исправления и решения как своих внутренних проблем, так и проблем, связанных с международной деятельностью [Laune, 2006; Friedman, 2010]. Администрация Трампа продолжила и подняла на более высокую ступень политику дестабилизации, разрушения и запугивания разных участников мирового процесса, хотя главный удар начали наносить по России и Китаю. С другими игроками можно было действовать не так масштабно, так как ни у кого не хватило смелости и возможностей противостоять напору агрессивной Америки.

В этой связи хотелось бы еще раз вспомнить о концептуальных дискуссиях относительно того, что такое мировые (великие) державы в XXI веке. Эта тема в полном объеме не обсуждается американскими политологами, так как предполагается, что Америка и европейские державы сохранили свой статус и положение, что именно им по-прежнему принадлежит право решать судьбу мира. Группу семи, которую в 2000-е годы Ж. Бжезинский назвал «анахронизмом XX века», в 2010-е годы ее европейские члены, стремясь вернуть угасающее влияние, стали вновь продвигать на позицию одного из основных управляющих институтов. Хотя США не были заинтересованы в реанимировании «семерки», они поддержали (пусть и довольно вяло) усилия европейских союзников, так как Группа двадцати не оправдала их надежд на полное доминирование и контроль ее членов.

Но если у Соединенных Штатов были основания для претензий на масштабную роль в мировой политике, то Великобритания, Франция, Германия и Япония таких возможностей не сохранили, а Канада и Италия остаются странами среднего (второго) уровня. Попытки Франции и Великобритании имитировать великодержавность лишь

добавили разрушительных нюансов к политике США по вмешательству в дела других государств и привели к крайней степени милитаризации политики ЕС, в том числе к увеличению числа и спектра провокационных информационных и разведывательных кампаний, масштабному погружению и участию в военном конфликте в центре Европы. Ведущие европейские страны стали инициаторами и вдохновителями политики непримиримой конкуренции с Россией и частично с Китаем, что было в русле американской политики противостояния двум ведущим державам, получившей новый импульс при администрациях Байдена и Трампа². Фактически европейские крупные страны действовали как игроки второго уровня.

Иными словами, старые державы, утратившие статус великих, приравнивают великодержавность к демонстрации агрессивных устремлений и планов по переделу мира и перераспределению влияния на глобальном уровне, на что у них реальных возможностей и потенциала нет. Таких возможностей у них уже не было в XX веке, не появились они и в новом веке. Кардинально изменилась международная среда и расклад сил между разными игроками. А главное, мы живем в период качественно нового периода мирового технологического развития, достигшего столь высокого уровня и масштабов, прежде всего, в военной и космической областях, что старые атрибуты великих держав XIX–XX веков, их желание перекроить мир путем военных конфликтов и войн неприемлемы и опасны. Скорее это демонстрация бессилия, что компенсируется агрессией, ложью, манипулированием.

Современная великая держава должна быть иной, стремиться к стабильности, объединять другие страны не силой и разрушением, лишением любых возможностей самостоятельного развития, а реальным решением существующих проблем. Как показывают события 2020-х годов, США, которые объявляли себя всемогущими, последней надеждой человечества, благожелательным гегемоном и глобальным лидером, не в состоянии стабилизировать мир, решить глобальные, региональные и страновые проблемы. Разрушение и уничтожение – это не решение проблемы. Как писал ранее С. Хантингтон, Америка не может решить ни одной глобальной проблемы в одиночку и должна выступать вместе с другими ведущими державами, прежде всего,

¹Мюнхенская речь Путина. 10 февраля 2007 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 10.11.2025).

²National Security Strategy. October 2022. The White House. Washington, D.C. / Biden-Harris Administration's National Security Strategy.pdf (whitehouse.gov); FACT SHEET: The Biden-Harris Administration's National Security Strategy | The White House National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

с Россией и Китаем [Huntington, 1999; Huntington, 2004]. Об этом же писал Э. Я. Баталов, указывая, что Америка должна осознать, что она лишь одна из ведущих держав, иначе ей грозит ослабление и конфликт с остальным миром [Баталов, 2005].

Произошло ли такое осознание у США и европейских ведущих держав? В сознании и взглядах элит не заметно никаких изменений, растет лишь мнимое убеждение и иллюзии относительно вседозволенности и неограниченных возможностей в решении судьбы отдельных стран и мира в целом. Попытки вернуть мир к войнам как главному регулятору международных отношений, неприемлемы. Предлагаем по-иному характеризовать великую державу современного этапа мирового развития.

Современная «великая держава» – это государство

- сохраняющее очень высокую (или абсолютную) степень независимости в проведении внутренней и внешней политики, не только обеспечивающей национальные интересы, но и оказывающей существенное (в разной степени, вплоть до решающего) влияние на мировую и региональную политику и политику отдельных стран;
- активно участвующее в формировании или трансформации основ мирового порядка, осуществляя активную мирорегулирующую деятельность, способное быстро восстанавливать высокий статус после крупных трансформаций, кризисов, катастроф;
- имеющее исторический опыт, традиции и культуру участия в мировой политике в качестве решающего и / или очень активного игрока,
- обладающее культурой мыслить глобально, хотеть и быть способным действовать глобально, то есть демонстрировать волю к проведению политики, имеющей глобальное значение;
- демонстрирующее волю и способность использовать свой большой потенциал для обеспечения стабильного и прогрессивного мирового развития;
- обладающее всеми или значительной частью традиционных параметров «великой державы» (территория, население, природные ресурсы, военный потенциал, экономический потенциал, интеллектуальный и культурный потенциал, научно-технический, иногда отдельно выделяется информационный потенциал);
- обладающее способностью и потенциалом по реализации структурных проектов глобального и макрорегионального уровня,

в том числе, в сфере своих интересов (формирование региональных подсистем нового типа);

- обладающее способностью и потенциалом восстанавливать великодержавный статус после серьезных исторических потрясений [Шаклеина, 2022, с. 20].

Именно прогрессивный характер деятельности современной великой державы очень важен, так как в XXI веке существенно повысились все риски глобального, регионального и странового развития. В мире накоплен несоразмерный с потребностями обеспечения международной безопасности объем оружия массового поражения (ОМП). Речь идет не только о ядерном, но о других видах вооружений, например, бактериологическом, химическом и информационном оружии, которые могут нанести непоправимый ущерб глобального масштаба [Введение в прикладной анализ международных отношений, 2025]¹. Существуют колоссальные проблемы в сфере экологии, окружающей среде наносится большой ущерб вооруженными конфликтами, непродуманной политикой стран разного уровня, в том числе жесткой и жестокой конкурентной борьбой за природные ресурсы. Здоровье планеты является важнейшей проблемой и вызовом XXI века. Именно ведущие мировые державы, самые мощные по своим ресурсам и самые креативные в своих действиях, могут и должны обеспечивать решение проблемы выживаемости и стабильного развития мира. Встает вопрос, можем ли мы называть и считать великими державами нового века все традиционные державы и новые державы, претендующие на этот статус.

До начала 2020-х годов можно было говорить, что в соответствии с новыми требованиями современного этапа мирового развития выделяются три державы: США, Китай, Россия. США все-таки формально сохраняли статус сверхдержавы, хотя у них не было уже разительного преимущества в сфере экономики и безопасности, было заметно снижение возможностей по глобальному регулированию. А если поставить США в рамки предложенного определения, то Америку нельзя характеризовать как державу, демонстрирующую волю и способность использовать свой большой потенциал для обеспечения стабильного и прогрессивного мирового развития. Хотя президент Трамп заявляет постоянно о том, что Америка имеет право делать всё, что хочет и считает необходимым для интересов США, выполняет дарованную ей

¹Проблема новых типов современных войн и новых видов вооружений разрабатывается в течение ряда лет, см. например [Муравых, Никитенко, 2021].

миссию и остается избранной нацией, правомерность этих идейных постулатов сильно померкла и критически воспринимается разными странами по мере углубляющейся и расширяющейся разбалансировки мира.

На наш взгляд, можно признать, что Соединенные Штаты не являются всемогущей державой, полноценной сверхдержавой и не до конца соответствуют характеристикам и требованиям современной великой державы. Трудно это принять, ибо все привыкли считать Америку особенной страной с мощнейшим потенциалом. Она действительно сохраняет мощный потенциал в экономике, в финансовой и технологической сферах, является крупнейшей военной державой, имеет больше всего военных баз в мире, старается проецировать свою мощь и влияние во всех уголках мира, вмешивается в дела государств весьма агрессивно [Введение в прикладной анализ ..., 2025; Vascevic, 2010]. Однако такие действия очень часто показатель не только и не столько силы, сколько упадка и слабости. США прибегли к войне везде и всюду как к последнему средству для решения проблем, стоящих перед страной внутри и в международных отношениях [Friedman, Mandelbaum, 2011; Mandelbaum, 2010]. Идея «плоского мира» не подтвердилась, так же как не реализовалась концепция насильственной демократизации мира. Мир оказался намного богаче, разнообразнее и сложнее, чем концептуальные изыскания американских политологов и политиков. Признавать этого в Америке не хотят, поэтому с таким упорством отстаивают идею либерального мирового порядка в формате однополярности / моноцентричности с использованием всего набора инструментов и методов. Мир посредством военной силы вряд ли можно привести к миру и стабильности, или добиться гармонизации международных отношений [Кислицын, 2020].

В такой непростой ситуации перед Россией и Китаем, а также их сторонниками стоит непростая задача удержать мир от глобального конфликта и сформировать глобальный центр, обеспечивающий конструктивное развитие международных отношений и решение насущных проблем разного уровня. Он необходим и для того, чтобы нейтрализовать или заблокировать западный тренд на высокую степень милитаризации международных отношений, доведения конкуренции между странами разного уровня до крайне конфликтного уровня с перспективой перерастания в глобальный конфликт, в результате которого США и их союзники надеются на долгосрочную перспективу закрепить и подпитать гегемонию Америки. Утратившие статус великих держав страны надеются

таким путем обеспечить для себя привилегированное положение, так как самостоятельно они не могут этого сделать, поэтому встроились в фарватер американской политики и фактически являются частью Трансатлантической региональной подсистемы нового типа с центром США¹.

Американоцентричный коллективный центр стремится быть единственным глобальным управляющим центром в либеральном мировом порядке, поэтому так агрессивно прибегает ко всем методам ослабления и дестабилизации остального мира.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ГЛОБАЛЬНОГО ЦЕНТРА КАК ПЕРСПЕКТИВА

Идея евразийского центра давно витает в воздухе, но особенно четко она начала звучать в середине и конце 2010-х годов, когда стали набирать силу процессы евразийской интеграции, укрепляться евразийские институты, начал расширяться интерес к деятельности России и КНР как двух объединяющих держав, наметилось определенное сближение России и Китая в вопросах формирования нового порядка, в том числе евразийского глобального управляющего центра [Шаклеина, 2019; Шаклеина, 2002].

Ярким подтверждением начала нового важного этапа в формировании основ нового порядка стали масштабные мероприятия, проходившие в августе-сентябре этого года в КНР:

- Форум ШОС, имеющий глобальное значение, достижение масштабных договоренностей в энергетической сфере (Сила Сибири–2);
- важные двусторонние встречи лидеров стран-членов, наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС;
- демонстрация общей приверженности идее мира и уважения истории и исторической памяти.

¹Автор вводит понятие региональной подсистемы нового типа, понимаемой как совокупность государственных акторов, объединяемых: географическим фактором (как близостью на материке, так и просторами океана); стремлением к общей деятельности на основе общих интересов и общих признаваемых институтов (организаций и норм) в сфере экономики и торговли, в сфере безопасности, иногда в политической сфере, в том числе, в сфере мирорегулирования (на предмет превращения подсистемы в монолитный и сильный коллективный центр влияния в мировой политике); близостью исторического опыта и культур (хотя этот фактор не всегда является обязательным, и в будущем может еще более утратить свое значение); наличием ядра, которым может быть как одно наиболее сильное (по параметрам ведущей державы) и креативное государство, так и система общепризнанных институтов (хотя наличие объединяющей державы-центра все-таки очень важно); участием в качестве коллективного (даже глобального) центра с общей политикой по формированию основ мирового порядка [Шаклеина, 2024, с. 40–41].

Можно констатировать, что о себе заявил настоящий глобальный коллективный центр, у которого есть лидеры – Россия и Китай (ядро) – и другие державы и государства, приверженные идее более справедливого мирового порядка, в котором будут уважаться интересы всех участников. Можно обозначить этот мировой центр как *Евразийский коллективный центр мирового развития*, деятельность которого будет оказывать влияние на всё происходящее в мире процессы.

Данная идея имеет много критиков, которые заявляют, что есть немало трудностей и препятствий для реализации такого плана. Указывается на то, что, прежде всего, нет единения устремлений между Россией и Китаем, который до конца не выразил своей позиции относительно готовности «разделить» глобальные полномочия с Россией, хотя факт стратегического партнерства не отрицается. Остаются организационные проблемы среди членов ШОС и стран, примыкающих к организации в разном статусе. Не все участники имеют четкое представление о том, что такое новый мировой порядок, не все готовы к решительным шагам, так как уже существуют серьезные проблемы внутри. Не только страны среднего уровня, но и крупные государства, например, Индия и Бразилия, испытывают давление со стороны США, и им нелегко справляться с внутренними проблемами и выстраивать внешнюю политику. Важнейшей для всех остается проблема зависимости от американоцентричных финансовых институтов и доллара, что позволяет США проводить политику давления практически на все страны. Жесткая санкционная политика становится нормой американской политики, что ведет к экономической дестабилизации и ослаблению отдельных стран и мировой ситуации в целом.

Действительно, задача построить основы нового порядка нелегка, она сопряжена с трудностями. Но, главное, требуется ответить на вопрос: пойти ли по этому нелегкому пути или примириться с институтами, действия которых приобрели репрессивный и манипулятивный характер, а главное, не способствуют прогрессивному развитию большинства участников мирового процесса. В 2000-е годы в американском политико-академическом сообществе развернулись дискуссии о том, нужно ли Америке стать «империей нового типа». Дебаты развернулись после того, как Зб. Бжезинский написал об «империи нового типа» и остальном мире как о данниках, вассалах Америки. Неоконсерваторы пошли дальше, назвав США «благожелательной империей», отличающейся от «плохих» империй, таких как Российская (Советская), Британская, Римская, Оттоманская, которые

были репрессивными [Brzezinski 1998; Шаклеина 2003; Баталов 2003].

После интенсивных дискуссий большинство американских политологов отказались от имперской идеи, однако при администрации Трампа она вернулась в политический дискурс и в политику США, которые более откровенно позиционируют себя как глобальную империю, поскольку идея глобального центра демократии или глобального центра управления не была реализована. В работах российских и отдельных американских авторов уже указывалось на исчерпанность американской либеральной идеи и о кризисе американской либеральной идеологии [Баталов 2005; Hendrikson 2018; Pillar 2016; Vacevich 2010]. На наш взгляд, этому вопросу не всегда уделяется должное внимание, хотя эта кризисность ощущается американской и европейской правящей элитой, и именно этим объясняется ее агрессивность и непримиримость [Drezner, 2017].

Формирование и консолидация Евразийского центра не является вызовом Америке и Западу, хотя именно так ими видится. Формирование мирового порядка – общемировой процесс, в котором могут участвовать разные субъекты, а не только великие державы, тем более что можно признать только три реальные современные великие державы. Мировой политической ландшафт сильно изменился: существенно изменилась и продолжает меняться роль и политика региональных держав и стран среднего уровня и малых стран. Как организовать такое разнородное мировое сообщество? Одному государству это не под силу. Глобальная империя, глобальное доминирование одной державы (действующей даже с рядом союзников) – утопия. Американская культура и идеология не имеют универсального характера, а сломать все остальные культуры и исторические традиции Америке не под силу. Может быть, именно поэтому главным инструментом США предлагает только войну. А это тупик. Стоит ли остальному миру идти по тупиковому и очень опасному пути? Это главный вопрос, и ответом может стать продвижение альтернативного пути, что может быть обеспечено евразийской инициативой и новыми институтами.

США и их трансатлантические союзники усиленно создавали «иллюзорную угрозу», чтобы сплотить ряды, дать мощный толчок гонимым вооруженным и вдохнуть новую жизнь в свой ВПК. Эта «иллюзорная угроза» – Россия, которая угрожает везде и отовсюду. Между тем реальная угроза, даже угрозы разного характера, существуют внутри трансатлантического сообщества, в отдельных странах, где политическая и социально-экономическая

ситуация чревата серьезными катаклизмами и дестабилизацией. Мобилизация сил, одержимость правящих трансатлантических элит в их устремлении бороться с мифической угрозой – опасная иллюзия. К чему она приведет?

Представляется, что США вновь хотят заработать на войне, оставаясь в стороне от войны. А что же европейские страны? Неужели они хотят вернуться в XX век и в ту ситуацию, в которой они были в 1930–1940-е годы?

Мы живем в XXI веке, в иной ситуации, иной международной среде, иных условиях существования и развития. В новом веке вряд ли кому-либо удастся остаться в стороне в роли наблюдателя и аккумулятора капиталов. Складывается впечатление, что правящие элиты многих стран, особенно

западных, сильно оторвались от реальности, не хотят признать реалий современного этапа мирового развития и серьезности существующих проблем. Они не могут или не хотят рассмотреть и оценить возможные последствия проводимой политики.

Как показывает мировая история и история отдельных цивилизаций, ничего вечного нет, все меняется, а мир – лучше войны. Наступил момент осознания приоритетности глобальной стабильности над агрессивным противостоянием и бескомпромиссной конкуренцией. США и Европа (НАТО + ЕС) отдают предпочтение противостоянию и непримиримой борьбе с оппонентами [Шаклеина 2021; Щербунов 2022]. Россия и Китай могут предложить другой план мирового развития, и начало ему положено.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вольф М. Огонь и ярость. В Белом доме Трампа / пер. с англ. М.: ЛитРес, 2018.
2. Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: ИСКРАН, 2002.
3. Авдонин В. С., Ананьева Е. В., Белинский А. В. Феномен Трампа: коллективная монография / под ред. чл.-кор. РАН А. В. Кузнецова. М.: ИНИОН, 2020.
4. Layne, Ch. The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
5. Friedman G. The Next 100 years. A Forecast for the 21st Century. N.Y.: Doubleday, 2010.
6. Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999 (March-April). Vol. 78. No 2. P. 35–49.
7. Huntington S. Who Are We? The challenges to America's national identity. N.Y.: Simon & Schuster, 2004.
8. Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005.
9. Шаклеина Т. А. Россия и США в современных международных отношениях = Russia and the United States in contemporary international relations. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2022.
10. Введение в прикладной анализ международных отношений / под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2025.
11. Муравых А. И., Никитенко Е. Г. Проблемы глобальной и национальной безопасности. М.: МАКС Пресс, 2021.
12. Vacevich A. Washington Rules. America's Path to Permanent War. N. Y.: Metropolitan Books, 2010.
13. Friedman Th. L. & Mandelbaum M. That Used to Be Us: How America Fell Behind in the World It Invented and How We Can Come Back. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux. 2011.
14. Mandelbaum M. The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era. N.Y.: PublicAffairs. 2010.
15. Кислицын С. В. Мир посредством силы: внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2020.
16. Шаклеина Т. А. Россия и США в современных международных отношениях. М.: Аспект Пресс, 2024.
16. Шаклеина Т. А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка. Результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. Т. 17. № 4 (59), 2019. С. 36–48.
17. Brzezinski Zb. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N. Y.: Basic Books, 1998.
18. Шаклеина Т. А. Время выбора: имперское искушение // США & Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 12. С. 3–14.
19. Баталов Э. Я. «Страсти» по империи // Свободная мысль XXI. 2003. № 12. С. 9–28.
20. Hendrickson D. Republic in Peril. American Empire and the Liberal Tradition. N. Y.: Oxford University Press, 2018.
21. Pillar P. L. Why America Misunderstands the World. National Experience and Roots of Misperception. N. Y.: Columbia University Press, 2016.
22. Drezner D. W. The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas. N. Y.: Oxford University Press, 2017.

23. Шаклеина Т. А. Новый этап в формировании мирового порядка. Планы США по управлению междержавной конкуренцией // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 3 (66). С. 6–21.
24. Щербунов В. О. Концепции «управляемой конкуренции» в военно-политических отношениях США и Китая. Теоретическое осмысление и практическое воплощение // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 4 (71). С. 93–118.

REFERENCES

1. Wolff, M. (2018). *Ogon i Yarost. V Belom Dome Trampa = Fire and Fury: Inside the Trump White House*. Moscow: LitRes. (In Russ.)
2. Shakleina, T. A. (2002). *Rossija i SShA v novom mirovom porjadke = Russia and the United States in the New World Order*. Moscow: ISKRAN.
3. Kuznecov, A. V. (Ed.) (2020). *Fenomen Trampa = The Trump Phenomenon*. V. S. Avdonin, E. V. Anan'eva, A. V. Belinskij: kolektiv. monograf. Moscow: INION. (In Russ.)
4. Layne, Ch. (2006). *The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present*. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
5. Friedman, G. (2010). *The Next 100 years. A Forecast for the 21st Century*. N. Y.: Doubleday.
6. Huntington, S. (1999, March-April). *The Lonely Superpower*. *Foreign Affairs*, 78(2), 35–49.
7. Huntington, S. (2004). *Who Are We? The challenges to America's national identity*. N.Y.: Simon & Schuster.
8. Batalov, Je. Ja. (2005). *Mirovoe razvitie i mirovoj porjadok: analiz sovremennyh amerikanskih koncepcij = Global Development and World Order: An Analysis of Contemporary American Concepts*. Moscow: ROSSPJeN. (In Russ.)
9. Shakleina, T. A. (2022). *Russia and the United States in contemporary international relations. revised 3rd*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
10. Shakleina, T. A. (Ed.) (2025). *Vvedenie v prikladnoj analiz mezhdunarodnyh otnoshenij = Introduction to Applied International Relations Analysis*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
11. Muravyh, A. I., Nikitenko, E. G. (2021). *Problemy global'noj i nacional'noj bezopasnosti = Problems of global and national security*. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
12. Bacevich, A. (2010). *Washington Rules. America's Path to Permanent War*. N. Y.: Metropolitan Books.
13. Friedman, Th. L. & Mandelbaum M. (2011). *That Used to Be Us: How America Fell Behind in the World It Invented and How We Can Come Back*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux.
14. Mandelbaum M. *The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era*. N.Y.: PublicAffairs. 2010.
15. Kislicyn, S. V. *Mir posredstvom sily: vneshnepoliticheskaja ideologija i praktika amerikanskogo neokonservatizma = Peace through Strength: Foreign Policy Ideology and Practice of American Neoconservatism*. IMEMO RAS. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
16. Shakleina, T. A. (2024). *Rossija i SShA v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah = Russia and the United States in modern international relations*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
16. Shakleina, T. A. (2019). «Dilemma Ameriki» v formirovanii sovremennogo mirovogo porjadka. Rezul'taty dejstvij SShA i formirovanie «evrazijskogo centra» = The "America Dilemma" in Shaping the Modern World Order: The Results of US Actions and the Formation of a "Eurasian Center". *International processes*, 17, 4(59), 36–48. (In Russ.)
17. Brzezinski, Zb. (1998). *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. N. Y.: Basic Books.
18. Shakleina, T. A. (2003). *Vremja vybora: imperskoe iskushenie = Time to Choose: Imperial Temptation*. SShA & Kanada: jekonomika, politika, kul'tura, 12, 3–14. (In Russ.)
19. Batalov, Je. Ja. (2003). *Passions for the Empire = «Strasti» po imperii*. *Svobodnaja mysl' XXI*, 12, 9–28. (In Russ.)
20. Hendrickson, D. (2018). *Republic in Peril. American Empire and the Liberal Tradition*. N. Y.: Oxford University Press.
21. Pillar, P. L. (2016). *Why America Misunderstands the World. National Experience and Roots of Misperception*. N. Y.: Columbia University Press.
22. Drezner, D. W. (2017). *The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas*. N. Y.: Oxford University Press.
23. Shakleina, T. A. (2021). *New stage in the global order formation us plans on management of great power rivalries*. *International Trends*, 19(3), 6–21. (In Russ.)
24. Shcherbunov, V. O. (2022). *The "managed competition" concept in the US–China security nexus. Theoretical analysis and practical implementation*. *International Trends*, 20(4), 93–118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаклеина Татьяна Алексеевна

Заслуженный деятель науки РФ
доктор политических наук, профессор
МГИМО МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shakleina Tatiana Alekseevna

Honorable Scientist of the Russian Federation
Doctor of Political Science (Dr. Habil)
Professor of Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs

Статья поступила в редакцию	10.10.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	09.11.2025	
принята к публикации	24.11.2025	

Московский коммунальный двор как социальное явление

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что конфликтные ситуации в обществе происходят не только из-за просчетов в политике и экономике, но и из-за некачественных условий проживания граждан, распада системы поддержания жилой среды. В Москве исчезли особые зоны досуга и общения, которые раньше выполняли дворы. В статье анализируется социокультурная эволюция московского двора как общественного пространства. Коммунальный двор стал первичной ячейкой городского социума, обладающей своей особой архитектурно-планировочной формой и пространственно-символической значимостью. Дворовая общность была наиболее устойчивым неформальным институтом, участком непосредственной социальности, учебной моделью общества. В дворовом общении граждан акцентировались различные варианты социальных взаимодействий, отработывающих полезные поведенческие стереотипы. Гигантская волна урбанизации, охватившая страну в конце 1950-х годов, решительно меняет облик и строй привычной среды обитания. Появляются первые признаки распада дворового коллективизма. Социально-психологические последствия выразились в резко усилившейся отчужденности городской среды, в формализации межличностных связей, в возросшем безразличии человека к своему ближайшему жизненному окружению. Работа опирается на широкий круг источников, содержащихся в фондах Центрального государственного архива города Москвы. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно исторического анализа с учетом социальных условий того времени.

Ключевые слова: архитектура, двор, жилищное строительство, коммуналки, озеленение, соседство

Для цитирования: Горлов В. Н. Московский коммунальный двор как социальное явление // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 54–60.

Original article

Moscow Communal Courtyard as a Social Phenomenon

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru

Abstract. The relevance of this research lies in the fact that conflicts in society arise not only from political and economic miscalculations but also from poor living conditions and the collapse of the residential environment maintenance system. In Moscow, the special leisure and social zones that courtyards once served have disappeared. This article analyzes the sociocultural evolution of the Moscow courtyard as a public space. The communal courtyard became the primary unit of urban society, possessing its own distinctive architectural and planning form and spatial and symbolic significance. The courtyard community was the most stable informal institution, a site of immediate sociality, and a model for social instruction. Citizens' interactions in courtyards emphasized various forms of social interaction, honing useful behavioral stereotypes. The gigantic wave of urbanization that swept the country in the late 1950s decisively changed the appearance and structure of the familiar living environment. The first signs of the disintegration of courtyard collectivism appeared. The sociopsychological consequences manifested themselves in a sharp increase in the alienation of the urban environment, the formalization of interpersonal relationships, and increased indifference to their immediate surroundings. The study

draws on a wide range of sources contained in the collections of the Central State Archives of the City of Moscow. The methodological basis of the study is a combination of general scientific and specialized historical methods. The research is based on a problematic historical analysis, taking into account the social conditions of the time.

Keywords: architecture, yard, janitor, housing construction, communal apartments, landscaping, neighborhood

For citation: Gorlov, V. N. (2025). The Moscow communal courtyard as a social phenomenon. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 54–60. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Двор следует рассматривать не только как составную часть градостроительства, но, в первую очередь, как пространственный образ организации социальной жизни, «место под жилым домом с ухажаями и оградой, забором» [Даль, 1981, с. 422]. Появлению двора предшествовал долгий историко-культурный процесс развития городской среды, становления специфически городских типов жилья и способов расселения.

Вплоть до середины XVIII века Москва жила слободами. Они представляли собой поселки, более или менее обособленные от города, со своими местными управами, расположенными на съезжих дворах. Такие дворы сильно отличались от коммунальных дворов послевоенного советского прошлого, но некоторое сходство всё же было: они принадлежали в равной степени всем слобожанам и являлись информационными центрами, ответственными в масштабах поселения. Однако цеховая природа слободы налагала на жизнь печать производственных отношений. Потому съезжий двор был своеобразным специализированным учреждением.

Наряду со слободами необходимо вспомнить и такие давние формы общежития, как гостиный двор и монастырь. И монастырь, и гостиный двор по своим жилищным особенностям были довольно похожи: и там, и там коллективное пользование дворовой территорией сочеталось с «многоквартирностью» жилого образования. Связь гостиного двора с позднейшими видами коммунального двора прослеживается в общности композиционно-планировочных принципов: равномерное распределение жилого сектора по всему периметру двора, пространственная однородность торговой площади, ее неперемнная замкнутость. Монастырь обладал другим свойством – постоянством состава. И монастырь, и гостиный двор по сути своей типично средневековые жилые формирования. Для них характерны как сословная однородность населения, так и неразделимость бытовой и профессиональной сфер жизни и деятельности человека.

Другим видом поселения, типичным для московского средневековья, были боярские и купеческие

усадыбы. Хоромы возводились по линии улицы, поворачиваясь к ней задним фасадом. Двор, соединявшийся с внешним миром посредством арочного или бокового проезда, подобно монастырскому или гостиному двору блистал декоративным великолепием. Планировочная композиция отличалась чисто средневековым равнодушием к визуальной упорядоченности и красоте «наружного» городского пространства, поскольку красота понималась как сугубо внутренняя суть и содержание явлений. Правда, к концу XVII века появляется стремление уже существующих крупных архитектурных комплексов максимально «вывернуться» вовне, украшая и оформляя пространство города.

Серьезные изменения в планировке усадебного дома стали намечаться с переходом русской архитектуры от барокко к классицизму в XVIII веке. Главный дом представлял собой в плане вытянутый прямоугольник или П-образное строение. Перед домом находился полукруглый либо также прямоугольный парадный двор (курдонёр¹); флигели располагались или по сторонам главного дома, или с наружного края парадного двора при въезде наподобие кардегарий². Подобного типа усадыбы были, видимо, настолько удобны для пользования, что по их образцу строились даже такие усадыбы, как Кусково и Останкино [Ильин, 1981].

К середине XVIII века в Москве распространилась мода на курдонёр, представляющий собой результат вполне зрелой концепции городского ансамбля. Курдонёры украшали город и как эстетический феномен полностью принадлежали ему. В социально-демографическом смысле такое жилье принципиально отличалось от всех прежде существовавших видов городских поселений, формировавшихся по какому-нибудь определенному признаку. Здесь наметились первые ростки неформальной соседской общности, ставшие основой формирования московского коммунального двора XX века.

¹Курдонёр (фр. cour d'honneur) парадный двор перед зданием дворца, особняка, усадебного дома. По красной линии обычно отделяется от наружного пространства оградой с воротами.

²Кардегардия (фр. corps de garde) – помещение для караула, охраняющего крепостные ворота.

Постепенно доходное строительство XIX века начинает определять новое лицо города. Под застройку корчевались фруктовые сады, небольшие парки, имевшиеся почти во всех городских усадьбах. Для хозяйственных служб во дворах оставалось всё меньше места: дворы сокращались до минимума под нажимом неуклонно разрастающегося жилого сектора.

Доходный дом, подчиняясь экономическим зонам домовладельца, следовал точно по границам владения, оборачиваясь в плане причудливыми фигурами. Естественно возникал конфликт здания и фасада. В городе создавалась ситуация, прямо противоположная той, которая сопровождала XVII век. Красота как выражение внутренней сущности мира уступала место красоте как внешнему выражению благополучия.

«ОТКРЫТИЕ КОММУНАЛЬНОГО ДВОРА»

С мощным градостроительным процессом конца XIX – начала XX века утверждается комплексный метод проектирования. Модерн возвращает архитектуре некогда утраченное пространственное звучание, стремясь привести к одному эстетическому знаменателю всё «наружное» и всё «внутреннее». Курдонёры часто играли роль композиционной оси, вокруг которой группировались архитектурные объёмы, отмеченные тенденцией к всефасадности.

Представления о городском жилище постепенно менялись. Жилище теперь должно было иметь удобную и экономичную планировку, хорошо освещаться и вентилироваться. Предполагалось устройство мест коллективного отдыха жильцов, детских площадок и т. п. Впервые двор многоквартирного дома наделялся повышенной социальной значимостью, становился объектом специального проектирования и эстетического осмысления. Произошло своеобразное «открытие» коммунального двора как общественно целесообразного пространства. Его общественная роль всячески подвигала архитекторов эстетизировать его социальную функцию, что было полностью в духе времени.

В Москву с конца XIX века из разных деревень страны приезжали молодые люди к своим родным и близким, которые поначалу опекали странников, помогали им адаптироваться к огромному городу, осуществляли социальный контроль. Они давали своим землякам различные прозвища. Об этом можно прочитать в замечательной книге В. А. Гиляровского «Москва и москвичи» [Гиляровский, 2025].

Октябрьская революция опрокинула привычный жизненный уклад, отменила частную собственность, прежнюю систему ценностей, большинство формальных и неформальных общественных

учреждений. После революции начались массовые миграции населения России. Из Москвы уехали многие потомственные горожане. В то же время росло число приезжающих из деревень, а жилой сектор центральных районов «уплотнялся» бывшими обитателями рабочих окраин. В результате складывалась непривычная ситуация: под одной крышей на юридически равных правах поселялись лица крайне различного культурного уровня и общественного положения. Такой тип отношений оказался легко воспринят в условиях тесного и неоднородного соседства.

Строчная застройка жилых комплексов конца 1920-х – начала 1930-х годов, когда типовые здания разворачивались торцами к улице, отступая в глубину кварталов, демонстрировала кризис городского двора как архитектурно-планировочной формы [Иванов, 2015]. Но как ни парадоксально расцвет московского двора в качестве социального явления последовал как раз в эти годы.

Двор стал не просто местом, оставшимся свободным после возведения жилого дома. Коммунальный двор становится первичной ячейкой городского социума, обладающей своей особой архитектурно-планировочной формой и пространственно-символической значимостью. Дворовая общность советской страны была наиболее устойчивым неформальным институтом, которому соответствовала первая попытка послереволюционного общества самостоятельно проявить себя. Это был дикий участок непосредственной социальности, поднявшийся на остатках предыдущего строя. В дворовом общении граждан акцентировались различные варианты социальных взаимодействий, отрабатывающих полезные поведенческие стереотипы. В этом смысле двор являлся школой социальности, ее экспериментальной лабораторией, ее учебной моделью.

Территориальный признак в общении людей становится ведущим. Повсеместно в столице установилось коммунальное расселение. Б. Ш. Окуджава вспоминал: «...все, буквально все жили в коммуналах» [Окуджава, 1988, с. 8].

В значительной мере носителями дворовой общности были советские дети. Свободные от опыта прежнего миропорядка они воспринимали новые соседские отношения обитателей коммуналок как само собой разумеющееся положение вещей. Около пяти-шести лет ребенок активно включался в дворовую жизнь, которая лет до 15–17 оставалась для него одной и основных составляющих его существования.

Таким образом, срок жизни одного «дворового поколения» исчислялся 10–12 годами. До конца 1930-х годов через московский двор прошло

не меньше двух таких «дворовых поколений». В Москве в жилых группах встречались замкнутые, а еще чаще полузамкнутые озелененные дворы или система связанных между собой дворов, образующих внутреннее пространство. В этих дворах у людей создавалось ощущение уюта. Архитектура двора отличалась композиционной законченностью, так как решение функциональной задачи получило здесь соответствующее ей художественное выражение [Зубович, 2023].

В отношении мусора ставилась максимальная задача: отбор и утилизация более ценных частей, использование мусора для удобрения и т. д. Необходимость создания вокруг крупных городов картофельно-овощных баз была подчеркнута в решениях XVIII съезда ВКП(б) и в постановлении Экономического совета при СНК СССР от 15 февраля 1939 года. Для этого был намечен ряд конкретных мер, в частности, принимались меры по использованию мусора городов [Веселовский, 1951].

ПОСЛЕВОЕННЫЙ МОСКОВСКИЙ ДВОР

В послевоенные годы главенствующей фигурой во дворе становится подросток, для которого, в соответствии с возрастной психологией, на первый план выдвигается такое свойство дворового общения, как нерегламентированность. К тому же адаптация подростков к «взрослой жизни» в то время была затруднена более чем когда-либо: пограничный молодежный возраст (20–25 лет) практически отсутствовал, уничтоженный войной, да и старшие поколения значительно поределли. Поэтому двор послевоенного периода часто был не столько включен в социальные структуры города, сколько противостоял им.

Для послевоенного строительства были характерны периметральная застройка жилых кварталов, размещение объектов культурно-бытового назначения и детских учреждений в первых этажах жилых домов, что оказало существенное влияние на планировочное решение свободных от застройки территорий. Участки, предназначенные для отдыха, занятий спортом, как правило, размещались в центре жилых кварталов, при разработке проектов благоустройства и озеленения территории в значительной мере использовались приемы благоустройства и озеленения скверов и бульваров. В озеленении повсеместно применялись регулярные приемы компоновки деревьев и кустарников с высокой нормой плотности их посадок. Всё это дало возможность организовать изолированные от транспорта замкнутые озелененные пространства. Москвичи не любили проходные дворы. Они ценили такое расположение

домов, которое изолирует двор-сад от транзитного движения пешеходов и транспорта. Они отдыхали, глядя из своих окон на озелененное пространство или сидя в тихом саду перед входом в дом.

В послевоенные годы двор был продолжением коммунальной квартиры, пространственно расширяя ее границы, где каждый житель дома находился в родной обстановке. Поэтому ко двору предъявлялись многие из тех требований, которые характерны для жилища. Главное требование – определенная степень изоляции от шума и движения окружающей городской среды, создание условий для нормального отдыха. С этой точки зрения выделение интимных внутренних пространств в виде двора-сада, зрительно изолированного от внешних открытых пространств, было столь же необходимо, сколь и предоставление каждому человеку отдельной комнаты для сна и отдыха. «Зеленая пауза» в застройке должна была играть роль неперемного компонента жилой группы, она должна была стать повседневным элементом проживания, приближая жилые дома к природе.

Что могло сдружить, объединить разных людей, проживающих в одном доме, направить их на добрые дела? Надо было обозначить их общие интересы, вовлечь в коллективный труд. Ничто так не объединяло людей, как совместный труд на общую пользу. Москвичи гордились своими дворами, делали всё для уюта. Значительную роль в преобразовании двора играло развернувшееся по инициативе москвичей соревнование за высокую культуру и коммунистические отношения в быту.

Первым домом высокой культуры быта в столице был 15-й корпус дома № 28 по Болотниковской улице. Жители корпуса решили сами привести в порядок свой двор, который выглядел очень неприглядно. Совет жильцов корпуса организовывал воскресники. Сначала расчистили и убрали территорию двора, а затем взялись за озеленение. На покупку саженцев деньги были собраны жильцами, которые участвовали в посадках¹. При совете корпуса была создана секция садоводства, которая руководила этой работой. Вскоре двор превратился в цветущий сад – в нем было 500 различных деревьев, 700 кустарников и множество всяких цветов. Возник обычай дарить букеты живых цветов из своего сада тем, у кого день рождения или какое-либо другое семейное торжество. Да и ребят, начинающих новый учебный год, стали провожать в школу с цветами². Появилась новая форма взаимопомощи – добровольная ремонтная

¹Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА). ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 69 – 70.

²ЦГА Москвы. ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 91–92.

дружина, в которую входили шесть слесарей, три столяра, два электромонтера. По призыву совета дома дружинники привели в порядок наружные двери, отремонтировали инвентарь детской площадки, для футболистов и волейболистов были оборудованы спортивные площадки¹. Таких домов в Москве было немало.

Зеленые насаждения играли важнейшую роль в архитектурно-художественном оформлении территории дворов, в оздоровлении условий быта и отдыха граждан. Обычно дендропроект входил в состав комплексного проекта благоустройства. Для выполнения посадки на небольшом участке достаточно было сделать ее схему с элементарной разбивкой и составлением посадочной ведомости [Мишковский, Рабинович, 1968].

Работы по озеленению дворовых территорий выполнялись как специализированными организациями, так и силами общественности. Известно, что пенсионеры, учащиеся, домашние хозяйки, рабочие и служащие всё более активно участвовали в проведении мероприятий по благоустройству и озеленению. При домоуправлении работала общественная комиссия содействия озеленению Москвы. Она организовывала жильцов для проведения работ по благоустройству дворов, посадке цветников, уходу за зелеными насаждениями и их охране. Данное общественное начинание способствовало развитию коллективного садоводства. Так, в рамках государственной программы преобразования Москвы проходили социалистические соревнования за лучшее озеленение дворов, балконов [О соблюдении общественного порядка и правил благоустройства в Москве, 1958].

При ЖЭК № 1 Фрунзенского района Москвы любителями природы было создано отделение Общества озеленения и охраны природы. Заброшенные дворы они превратили в сады. Своими руками энтузиасты и знатоки своего дела построили теплицу, которая снабжала рассадой цветов. Они также занялись созданием насыпных клумб для цветов². В Химки-Ховрине жильцы кооперативного дома заранее подумали об озеленении двора. Они приглядели сад, оставшийся на территории снесенных домов, и перенесли деревья на новое «местожительство»³. Так же поступили жители дома № 56 по Щелковскому шоссе. Они перевезли от снесенных домов по Б. Черкизовской улице 10–15-летние яблони, вишни, сливы, посадили каштаны, живую изгородь и много других деревьев

и кустарников. Этот дом озеленен был лучше всех на Щелковском шоссе⁴.

Стремление населения украсить свой двор, повысить его эстетический уровень достойно наивысшей оценки. Однако в этом благородном движении вскоре появились тенденции к чрезмерному увлечению посадками, в результате некоторые дворы приобрели характер «джунглей», куда редко проникал солнечный луч, а цветники отличались такой громоздкостью и «пересортицей», что каждого из них хватило бы на украшение по меньшей мере 4–5 таких дворов. Часто посадка деревьев и кустарников производилась непродуманно, без плана, тем самым нарушался общий ансамбль озеленения двора или площадки. Стремление посадить как можно больше деревьев у своих окон и вдоль стен приводило к тому, что они ломались и погибали при сбрасывании снега с крыш.

Все зеленые насаждения как общегородского, так и внутриквартального значения, образовывали неприкосновенный городской зеленый фонд. Вырубка зеленых насаждений или перенесение их в другие места допускались лишь с разрешения Московского Совета [О соблюдении ..., 1958].

В каждом домовладении (жилые дома, дома учреждений и предприятий) Москвы в обязательном порядке должен работать дворник. Дворы домовладений должны были всегда содержаться в чистоте, подметаться не реже двух раз в день. Ворота домов должны были закрываться в 24 часа, а чердаки и подвалы должны были быть постоянно закрытыми [там же]. Число дворников в домовладении определялось в соответствии с нормами уборки, установленными исполкомом Моссовета. В столице в 1948-м году численность дворников составила 65 тыс. человек⁵. Дворнику предоставлялась жилая площадь [там же].

Советское общество стремилось к тому, чтобы в отношениях между людьми укоренились коллективизм, товарищеская взаимопомощь, чтобы люди жили по принципу «один за всех, все за одного». Иногда жильцы домов выносили из своих коммунальных квартир стулья и столы, начиналось чаепитие. Выставляли патефоны, радиолы, проигрыватели для пользования ими на балконы или подоконники при открытых окнах. В период «оттепели» танцы на асфальте под музыку из окон были частым явлением.

¹ЦГА Москвы. ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 97–98.

²Москвы. ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 33.

³ЦГА Москвы. ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 44.

⁴ЦГА Москвы. ф. П – 92. оп. 1. д. 292. л. 57.

⁵ЦГА Москвы. ф. П – 3. оп. 63. д. 66. л. 35.

ДВОРЫ В ПЕРИОД МАССОВОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Гигантская волна урбанизации, охватившая страну в конце 1950-х годов, решительно меняет облик и строй привычной среды обитания. Поначалу это вызвало бурный энтузиазм: утомленные тяготами коммунального быта советские граждане восторженно приветствовали стремительное увеличение количества новостроек. Лишь со временем осозналась вся тяжесть столь скорого разрушения традиционных жизненных условий.

Появляются первые признаки распада дворового коллективизма. В дальнейшем повышение уровня благосостояния, образованности, расширение интересов горожанина – всё это способствовало постепенному изживанию института соседства. Однако главные перемены были еще впереди.

В конце 1950-х годов началось увлечение так называемой свободной планировкой и застройкой микрорайонов, при которой их составные элементы как бы последовательно «перетекали», создавая аморфную пространственную структуру [Броновицкая, Малинин, Пальмин, 2019]. Абсолютное преобладание инженерного подхода в проектировании массового жилья привело к постепенному освобождению архитектуры от культурного «балласта». В этот период город покинул нас как универсальный мировоплощающий объект. Вместе с городом ушел от нас и городской двор.

В период массового жилищного строительства в 1950–1960-е годы началась война с оградами и заборами, а в 1970-е годы уже можно было в полной мере вкушать ее «победные плоды». Сохранившиеся ворота, калитки, ограды палисадников и парадных дворов – некогда такие привычные, обязательные – стали редкостью, а большинству из них требовалась кропотливая реставрация.

Цельности и разумности в организации внутреннего пространства жилых образований, которые существовали при периметральной застройке, достичь не удалось. Градостроительство потеряло черты искусства. Приоритетными направлениями стали – технические, экономические, строительные.

Целые районы застраивались домами, сделанными без архитекторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В новых районах не стало дворов, даже дети не объединяются в свои коллективы. В новых «свободных» массивах дети не видят единого центра притяжения, и, завернув за угол, уходят из поля зрения родителей. Одна из главных и важных проблем города – как совместить свободную застройку с уютом дворов, с привычной прелестью закрытых пространств.

Социально-психологические последствия не преминули сказаться в резко усилившейся отчужденности городской среды, в формализации межличностных связей, в возросшем безразличии человека к своему ближайшему жизненному окружению. Многие жители города стали осознавать его как нечто внеисторическое. Город стал осознаваться как застывшая структура, в которой невозможно жить, можно только прижиться. В эпоху урбанизации крупные города всё чаще характеризуются как «железобетонные ландшафты новых массивов», «лес небоскребов», «каменные джунгли».

Старый двор с его скученностью и монотонным бытом, с какофонией звуков из распахнутых окон, со склоками и слухами, с управдомами, участковыми, дворниками, с захлапленными сараями, с голубятнями – двор этот и теперь продолжает жить в городской мифологии, в памяти поколений москвичей, выросших в нем и сохраняющих его образ. Острый дефицит обжитости поставил москвичей перед необходимостью освоения, одомашнивания необузданного городского гиперпространства.

Сегодня во всех проектах и мероприятиях, направленных на оживление традиционных городских тканей и гуманизацию новейших, отражается настоятельная общественная потребность в духовной консолидации, в коллективных формах жизнедеятельности, в распространении неформальных основ частного быта на более широкие сферы человеческих отношений. Это свидетельствует о том, что тема двора важна и современна, что двор – не ушедшая форма городского общежития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский яз., 1981–1982. Т. 1.
2. Ильин М. А. К вопросу о русских усадьбах XVIII в. // Русский город / под ред. В. Л. Янина. М.: Моск. университет, 1981. Вып. 4. С. 157–173.
3. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М.: Юрайт, 2025.
4. Иванов О. А. От Крымского вала до Воробьевых гор. М.: Центрополиграф, 2015.
5. Окуджава Б. Ш. Меня воспитывал арбатский двор // Семья. 1988. № 18. С. 8–10.
6. Зубович К. Москва монументальная. Высотки и городская жизнь в эпоху сталинизма. М.: Corpus : АСТ, 2023.

7. Веселовский Б. Б. Курс экономики и организации городского хозяйства. М.: Госпланиздат, 1951.
8. Мишковский Р.В., Рабинович Г.М. Оборудование жилых территорий в кварталах старой застройки. Л.: Стройиздат, 1968.
9. О соблюдении общественного порядка и правил благоустройства в Москве. М.: Московский рабочий, 1958.
10. Броновицкая А. Ю. Малинин Н. А., Пальмин Ю. И. Москва. Архитектура советского модернизма 1955–1991. М.: Гараж, 2019.

REFERENCES

1. Dal', V. I. (1981–1982). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. V 4-h t. = Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. (Vol. 1). Moscow: Russkij yaz. (In Russ.)
2. Il'in, M. A. (1981). *K voprosu o russkikh usad'bah XVIII v. Russkij gorod* = On the issue of Russian estates of the 18th century in the book Russian collection of papers City, 4, 157–173. (In Russ.)
3. Gilyarovskij, V. A. (2025). *Moskva i moskvichi* = Moscow and Muscovites. Moscow: Izdatel'stvo YUrajt. (In Russ.)
4. Ivanov, O. A. (2015). *Ot Krymskogo vala do Vorob'evyh gor* = From the Crimean shaft to Vorobyovy Gory. Moscow: Centropoligraf. (In Russ.)
5. Okudzhava, B. Sh. (1988). *Menya vospityval arbatskij dvor* = I was raised by the Arbat courtyard. Family, 18, 8–10. (In Russ.)
6. Zubovich, K. (2023). *Moskva monumental'naya. Vysotki i gorodskaya zhizn' v epohu stalinizma* = Monumental Moscow. High-rises and city life in the era of Stalinism. Moscow: Corpus : AST. (In Russ.)
7. Veselovskij, B. B. (1951). *Kurs ekonomiki i organizacii gorodskogo hozyajstva* = Course of economics and organization of urban economy. Moscow: Gosplanizdat. (In Russ.)
8. Mishkovskij, R. V., Rabinovich, G. M. (1968). *Oborudovanie zhilyh territorij v kvartalakh staroj zastrojki* = Equipment of residential areas in old development areas. Leningrad: Strojizdat. (In Russ.)
9. *O soblyudenii obshchestvennogo poryadka i pravil blagoustrojstva v Moskve (1958)* = On maintaining public order and rules of public welfare in Moscow. Moscow: Moskovskij rabochij. (In Russ.)
10. Bronovickaya, A. YU., Malinin, N. A., Pal'min, YU. I. (2019). *Moskva. Arhitektura sovetskogo modernizma 1955–1991* = Moscow. Architecture of Soviet Modernism 1955–1991. Moscow: Garazh. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор
 профессор кафедры исторических наук и архивоведения
 Института гуманитарных и прикладных наук
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil.), Professor
 Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science
 Institute of Humanitarian and Applied Sciences
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
 одобрена после рецензирования
 принята к публикации

10.03.2025
 10.04.2025
 27.11.2025

The article was submitted
 approved after reviewing
 accepted for publication

О стратегических интересах США в постфранкистской Испании

И. В. Михайлин

*Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва
mikhailin.igor@mail.ru*

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит в раскрытии усилий США, направленных на сохранение своего доминирования в мире, в том числе посредством оказания преобладающего влияния на внутреннюю и внешнюю политику многих государств. В их числе – Испания. Руководствуясь геополитическими соображениями, США «зашли» в Испанию в начале 1950-х годов, когда у власти в стране находился авторитарный режим Ф. Франко, добились размещения на испанской земле четырех военных баз. После краха франкистского режима (1975) США столкнулись с новыми вызовами. Росло влияние ранее запрещенных левых политических сил. Массовый характер приобрели демонстрации под лозунгами вывода американских военных баз с испанской земли. Широкое распространение в испанском обществе получили голоса против участия страны в НАТО. В установлении дипломатических отношений между Испанией и СССР (1977) и, особенно в поступательном развитии их политической составляющей, руководство США усмотрело опасность снижения собственного влияния на Испанию. Сложилась критическая масса проблем, способных разрушить механизмы влияния США на Испанию. В ответ на эти вызовы правящая элита США сформулировала ряд стратегических задач, нацеленных на сдерживание и нейтрализацию упомянутых вызовов. В их числе: воспрепятствовать излишнему сдвигу Испании «влево»; удержать американские военные базы на испанской земле; содействовать вступлению страны в НАТО; содействовать созданию помех развитию отношений между Испанией и СССР. Настоящая статья подготовлена с опорой на общенаучные методы. Задействован также проблемно-исторический метод, который показал свою эффективность при анализе политической конъюнктуры в стране в 1980-е годы. Источниками исследования, помимо отдельных монографий, являлись также материалы испанской периодической печати. Был проделан контент-анализ статей из испанских журналов разной идеологической направленности (консерватизм, центризм, либерализм). Использованы также советские экспертные оценки, оказавшиеся особенно полезными для раскрытия отдельных вопросов в условиях нехватки информации. Фактологический материал и отдельные оценки, содержащиеся в данной статье, могут быть использованы в рамках учебного процесса по кафедре международных отношений и внешней политики России при чтении курса лекций по дисциплине «История международных отношений».

Ключевые слова: постфранкистский этап, авторитарный режим, военный переворот, полноформатный-участник НАТО, проатлантические силы

Для цитирования: Михайлин И. В. О стратегических интересах США в постфранкистской Испании // Вестник Московского государственного университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 61–72.

Original article

On US Strategic Interests in Post-Franco Spain

Igor V. Mikhailin

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mikhailin.igor@mail.ru*

Abstract.

Abstract: The purpose of this article is to reveal the efforts of the United States aimed at maintaining its dominance in the world, including by exerting a predominant influence on the domestic and foreign policies of many states. The emphasis of the research is focused at Spain. Geopolitical considerations of the time justified the deployment of 4 American military bases at Spain, governed by authoritarian regime of F. Franco in the early 1950s. However, after the collapse of the Francoist regime (1975), the United States faced new challenges. Those included the growth of the influence of previously banned leftist political forces as well as the increase in demonstrations for the withdrawal of American military infrastructure. Sentiments against Spain's accession to NATO also became widespread. Therefore, the establishment of diplomatic relations between Spain and the USSR (1977) marked by progressive development of their political component was regarded as the threat of disruption of previously established mechanisms of the USA influence on Spain. In response to these challenges, the US ruling elite formulated a number of strategic objectives aimed at containing and neutralizing the aforementioned challenges. Those objectives included: preventing the "leftist shift" of Spain; retention of American military bases; assistance in the country's accession to NATO; hindering the development of relations between Spain and the USSR. The research is based on general scientific methods, with special emphasis put on problem-historical method, which has shown its effectiveness in analyzing the political situation at Spain in the 1980s. In addition to individual monographs, the source base of the research includes materials from the Spanish periodical press. The author also conducted high-quality content analysis of Spanish media from various ideological orientations (conservatism, centrism, liberalism). The specific issues on the matter are explored with references to Soviet expert assessments, which proved to be particularly useful because of general lack of information. The facts and individual assessments presented in the article can be used at educational programs of the Department of International relations and foreign policy of Russia in the lecture course of "History of International Relations".

Keywords:

post-Franco stage, authoritarian regime, military coup, full-fledged NATO member, pro-Atlantic forces

For citation:

Mikhailin, I. V. (2025). On US strategic interests in post-Franco Spain. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 61–72. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

«Эпоха бесспорного доминирования США на мировой арене ушла в прошлое», – заявил 24 мая 2025 года американский вице-президент Дж. Ди Вэнс¹. Справедливости ради следует отметить, что «бесспорный характер» это доминирование приобрело только после самороспуска в декабре 1991 года второй на то время сверхдержавы в лице СССР. Верно, однако, и то, что в течение более сорока лет после окончания Второй мировой войны США с опорой на высокий экономический потенциал, военную мощь и негласный статус «лидера свободного мира» в значимых для себя ситуациях инспирировали международные кампании, «нагибали» государства-союзников и зависимые страны, чтобы получить преимущества, в первую очередь, военного характера, для собственных и общезападных интересов.

Убедительным примером служит Испания. В условиях начавшейся на рубеже 1950-х годов холодной войны Испания с ее удобным геостратегическим положением привлекла внимание США. К тому времени эта страна была крайне пассивна в международных делах, например, она даже не участвовала в работе ООН, поскольку находилась под международными санкциями из-за находившегося у власти авторитарного режима. В ноябре 1947 года США инспирировали международную кампанию по воспрепятствованию к новому осуждению авторитарного режима Ф. Франко. Американский Импорт-банк предоставил франкистскому режиму крупный кредит в расчете на будущие политические и военные сделки. Вашингтон добился от Лондона и Парижа пересмотра их прежнего критического подхода к Мадриду. Примеру Англии и Франции последовало еще около 10 государств. В результате Генеральная Ассамблея отменила осуждавшую франкистский режим резолюцию, что открыло Испании двери в ООН. Вся эта многоходовая комбинация проходила под контролем США.

¹Commencement Address to the 2025 Graduating Class of the US Naval Academy. American Rhetoric. Online Speech Bank. 23.05.2025.

СТАНОВЛЕНИЕ ИСПАНО-АМЕРИКАНСКОГО ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В 1953 году Испания и США заключили Мадридский пакт (*далее* МП), состоящий из трех документов – соглашения об обороне, об экономической помощи и о помощи в целях совместной обороны. Он стал своего рода политической «индальгенцией» авторитарного режима и сделал каудильо, как в последнее время принято говорить, «рукопожатным» для лидеров государств Европы и мира. Серьезные геостратегические преимущества МП принес и американской стороне. США получила право на строительство в Испании трех баз ВВС и одной базы ВМФ для их использования, как сказано в соглашении о обороне, в военных целях совместно с правительством Испании. Заключение соглашений с США и начавшееся строительство военных баз вызвали понятную обеспокоенность советского руководства. В ноте правительства СССР от 13 декабря 1957 года отмечалось, что, «хотя Испания не является членом НАТО, однако она имеет военные соглашения с США, которые связывают ее с Североатлантическим блоком» и далее «наличие в Испании военных баз, находящихся под иностранным контролем, не может избавить ее от губительных последствий...» (цит. по: [Прыгов, 1972, с. 54–55]). По истечении рассчитанного на 10 лет срока действия соглашения об обороне, на основании которого был построен упомянутый комплекс военных объектов, обе стороны в сентябре 1963 года договорились продлить еще на пять лет свое пребывание на испанской земле. Этот период характеризовался возросшим военным сотрудничеством между старшим (США) и младшим (Испания) партнерами. Уступая давлению Вашингтона, франкистские власти согласились на размещение на военно-морской базе в Роте американских подводных лодок, оснащенных ядерным оружием. К середине 1960-х годов. Испания из-за военных соглашений с США стала самой милитаризованной локацией на карте мира – на воде атомные подводные лодки, в воздухе – самолеты с ядерным оружием на борту. Этот, если можно так выразиться, «двойной ядерный заслон» и привел страну к губительным последствиям. 16 января 1966 года в небе над населенным пунктом Паломарес на воздушной трассе перманентного патрулирования стратегической авиации США районов Средиземноморья, бомбардировщик «В-52» столкнулся с самолетом-дозаправщиком «КС-135», в результате чего три водородные бомбы упали на землю, а четвертую, которая ушла в море, искали три месяца. К счастью, все обошлось без человеческих жертв и разрушений.

6 августа 1970 года Испания и США подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, который в сравнении с прежними соглашениями, был документом более высокого уровня. Принципиально новый аспект состоял в том, что Договор устанавливал косвенную связь Испании с Организацией Североатлантического договора (НАТО). Привнесенный Договором в ткань двустороннего военно-политического сотрудничества элемент новизны состоял в установлении испанскими военными через совместный с американцами Комитет по вопросам обороны тесной связи с Верховным главным командованием НАТО в Европе, что еще более прочно привязывало базы в США в Испании к военным структурам Североатлантического союза [Орлов, 2000].

Кончина в ноябре 1975 года диктатора Ф. Франко предопределила и политическую смерть возглавляемого им более 36 лет авторитарного режима. В ходе начавшегося с середины 1970-х годов процесса демократического обновления был осуществлен демонтаж основных институтов франкизма – распущены профашистское «Национальное движение» и принудительные «вертикальные» профсоюзы, легализованы политические партии, включая Компартию Испании, профсоюзные центры и предпринимательские организации. Состоялись первые выборы в Генеральные кортесы (парламент, 1979) завершившиеся победой центристской коалиции «Союз демократического центра» (СДЦ), второе и третье места по набранным голосам избирателей заняли партии левой оппозиции Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и Коммунистическая партия Испании (КПИ). 25 октября 1977 года политические силы, представленные в Генеральных кортесах и правительства поставили свои подписи под Пактом Монклоа (по названию резиденции главы правительства), в котором изложены политические и экономические меры по переходу Испании на траекторию демократического развития, известного ныне как Демократический транзит.

Антиправительственный путч и изменившийся психологический климат в Испании

Поступательный процесс демократизации Испании сдерживался рядом объективных трудностей. Замедление на рубеже 1980-х годов темпов экономического развития ослабляло конкурентоспособность страны на мировых рынках. Неуклонный рост террористических актов продуцировал дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки. Обострились отношения между центральной властью и правительствами автономных сообществ

Каталонии и Страны басков. Эти сообщества болезненно реагировали на недостаточный, по их мнению, объем переданных им ряда полномочий в сфере внутреннего управления, а баскская общественность выражала недовольство их неравным объемом в статуте Герники по сравнению с каталонским статутом Сау. Страну сотрясали массовые выступления трудящихся, выдвигавших требования повышения зарплаты и сокращения безработицы. Все социальные и профессиональные группы, вовлеченные в круг этих проблем, предпринимательские организации, вооруженные силы и органы правопорядка, региональные элиты и профсоюзные центры высказывали свое недовольство в адрес правительства и его неэффективной политики.

Поскольку упомянутые проблемы не получили адекватного своей остроте решения, их совокупность стала причиной попытки военного переворота 23 февраля 1981 года, которая, к счастью, провалилась. Все ведущие политические силы, профсоюзные и общественные организации Испании, всё международное сообщество заявили о своей полной поддержке выбранного Испанией курса на демократическое развитие. На фоне этой почти единодушной реакции диссонансом прозвучали сказанные сразу после получения известия о попытке военного переворота слова государственного секретаря США генерала А. Хейга. Он заявил, что это «внутреннее дело Испании». Только после выступления по телевидению в ночь на 24 февраля 1981 года короля Хуана Карлоса I, внесшего перелом в развитие событий вокруг попытки военного переворота, Государственный департамент США высказался в поддержку законных властей. В последующие дни ряд ведущих испанских газет обнародовал сообщения о том, что минимум за три дня до попытки военного переворота США располагали сведениями о готовившемся мятеже, но не уведомили об этом испанские власти. В распоряжении Соцпартии имелась информация, согласно которой главарь мятежников предварительно имели контакты с представителями администрации Р. Рейгана [Дубинин, 1999].

Антиправительственный путч оказал заметное влияние на психологический климат в Испании, сохранившийся вплоть до парламентских выборов 1982 года. В нем стало больше критических и особенно алармистских настроений. Они были инспирированы, в том числе казавшимся по первым успехам абсолютно беспроblemным процессом дальнейшего демократического переустройства. Тон перемен неожиданно задал хорошо информированный о неизвестных испанской общественности деталях, относившихся к роли США в мятеже, бывший

премьер-министр А. Суарес. Он в эмоциональной манере отказался от встречи с госсекретарем США А. Хейгом, подготовкой которой в спешном порядке занимался американский посол Т. Тодмен. Этот смелый поступок получил поддержку почти всех политических сил и, по некоторым признакам, даже способствовал усилению и без того распространенных антиамериканских настроений. Самой боевой, настроившей сотни тысяч испанцев на духоводъемную волну, стала состоявшаяся в Мадриде 26 февраля 1981 года с участием намного больше полумиллиона человек демонстрация под лозунгами, не оставлявшими сомнений в том, что демонстранты усвоили главный урок провалившегося путча: «Демократия – это не красивая вывеска, демократию нужно защищать». Утратой почтения к народным избранникам и в какой-то степени доверия к выборным институтам и к самой власти обернулся просмотр по телевидению заседания нижней палаты парламента 23 февраля 1981 года (в этот день проходило голосование по избранию нового председателя правительства и поэтому к телеэкранам прильнула вся страна), когда все увидели, как по требованию главаря мятежников депутаты покорно полезли под скамьи. Возникли подозрения в государственной измене к службе внутренней безопасности, которая проворонила или сделала вид, что не заметила подготовку к мятежу. Внутренние разборки в правящей коалиции СДЦ резко повысили шансы на победу соцпартии на предстоявших выборах, что усилило тревожные ожидания возможных радикальных реформ. Были и опасения, что мятежники учтут допущенные просчеты и предпримут новую попытку военного переворота. Чем хуже шли дела в стране, тем быстрее улучшалось настроение у массы ностальгировавших по франкистским временам. В их восприятии Испания в своем развитии еще недалеко отдалась от воображаемой не очень плотно закрытой двери, через которую они хотели вернуться в недавнее прошлое. К счастью, недавнее прошлое Испании так и осталось в прошлом.

Стратегические интересы США в Испании механизмы и способы их реализации

Сегодня по прошествии без малого 45 лет после провалившейся попытки военного переворота уже не столь важно, знали ли США о подготовке мятежа и информировали ли о ней испанские власти. Важнее, на взгляд автора, проанализировать, как США в роли заинтересованного субъекта осуществляли отслеживание хода политических и социальных процессов в рамках заявленного властями курса на демократизацию страны, стремясь при этом жестко контролировать решение

вопросов, связанных со своими стратегическими интересами в постфранкистской Испании.

К стратегическим интересам США, судя по отдельным высказываниям представителей правящей верхушки и практическим делам, можно отнести следующие: воспрепятствовать излишнему сдвигу Испании «влево» вследствие проводимых реформ; удержать американские военные базы на территории Испании; содействовать вступлению Испании в НАТО для более органичного ее вовлечения в коллективную оборону Запада; содействовать созданию помех развитию отношений между Испанией и СССР.

Для обеспечения упомянутых интересов были задействованы представительства американских дипломатической (Государственный департамент) и разведывательных служб (Центральное разведывательное управление, ЦРУ и Разведывательное управление Министерства обороны – РУМО) в Испании. Правящие круги США отдавали себе отчет в том, что в сравнении с франкистским периодом Испания быстро менялась. Возникла многопартийная система, усиливалось влияние левых политических сил и профцентров, постепенно складывалось гражданское общество. В процессе принятия государственных решений стали учитываться программные установки политических партий и общественных организаций. Расширился горизонт внешнеполитических перспектив страны. Участились визиты в Мадрид руководителей иностранных государств, в том числе президентов США. В быстро менявшихся условиях повышалась роль добывающих нужную информацию структур. По мере умножения числа и усложнения задач росло число американских дипломатических работников. Увеличивался и состав резидентур американских спецслужб в Мадриде. Солидный журнал «Камбио 16» оценил в 400 человек количество состоявших на денежной оплате мадридской резидентуры ЦРУ без официального прикрытия. При этом количество кадровых сотрудников ЦРУ, чьи фамилии и фотографии нередко появлялись на страницах солидных изданий, не превышало нескольких десятков, остальные, именуемые агентами, для выполнения разовых поручений набирались на месте из числа осевших в Испании после бегства с родины кубинцев, а также пуэрториканцы.

Воспрепятствование излишнему сдвигу Испании «влево»

Нежелательную перспективу чрезмерного смещения страны «влево» правящая элита США связывала с ростом влияния левых сил и возможным

выдвижением при широкой общественной поддержке требований к властям о выводе иностранных военных баз, других объектов с испанской земли, а также проведением радикальных социально-экономических реформ в ущерб американским деловым интересам. Задачу воспрепятствовать такому возможному развитию событий американские дипломаты и сотрудники спецслужб связывали с уменьшением влияния левой оппозиции, в первую очередь Компартии и ее рабочего авангарда в лице профцентра Рабочей комиссии. В том, что касается Коммунистической партии Испании (*далее* КПИ), снижение ее влияния в немалой степени обусловили не совпавшие с оптимистическими прогнозами результаты ее участия в первых выборах в Генеральные кортесы. Действуя по принципу «подтолкни падающего», некоторые СМИ (не без американского содействия) обвинили коммунистов в предательстве идеалов созданной в 1936 году с их же участием Испанской Республики. Партийное руководство, возглавляемое С. Каррильо, ради согласия правительства на легализацию КПИ вопреки противодействию части военного руководства признало монархию как форму правления и флаг Испанского королевства, отказавшись от республиканского флага, который использовался во время проведения предвыборных митингов.

Ослабить влияние Рабочих комиссий власти пытались двумя способами. Первый состоял в том, что власти благожелательно отнеслись к контактам профцентра социалистической ориентации Всеобщий союз трудящихся с американским соглашательским профобъединением АФТ / КПП. Они начались еще в середине 1960-х годов, когда ЦРУ через отдел международных связей американского профобъединения выделило 20 млн долл. США на поддержку профсоюзов стран Западной Европы, часть этой суммы досталась и находившемуся тогда, по сути, на нелегальном положении ВСТ¹. Вторым стал проект создания нового профобъединения, задуманного для увеличения засчет трудящихся избирательной базы центристской коалиции СДЦ² и, соответственно, сокращения сторонников профцентров Рабочие комиссии и Всеобщий союз трудящихся.

Решение задачи по ослаблению влияния левых сил американцы связывали не только с заинтересованными в таком же результате испанскими властями. Имелось и понимание необходимости принятия собственных решений и мер, тем более что США заблаговременно готовились

¹Cambio 16. 1980. № 471. P. 32.

²Там же, 32, 35.

к уходу Ф. Франко и его авторитарного режима. В американских внешнеполитическом ведомстве и разведывательных службах резонно полагали, что в Испании неизбежно произойдет полная смена правящей элиты, и к этому необходимо тщательно подготовиться. С прицелом на будущее американские дипломаты вели поиск молодых, но уже зарекомендовавших себя перспективными политическими деятелями. Они проводили беседы с целью заинтересовать в удобной для них форме в негласном сотрудничестве с США. Одни соглашались, другие отказывались. С первыми американцы продолжали работать и использовали нарабатанные приемы для содействия их продвижению на значимые должности в коалиции СДЦ, а после ее победы на первых парламентских выборах и назначению на ключевые посты в правительстве, преимущественно в его финансово-экономическом блоке. Принятые кабинетом министров СДЦ в первые годы постфранкизма решения по основным внутривнутриполитическим вопросам носили умеренный характер, их одобрили все партии, включая КПИ. Благодаря такой стратегии США получили возможность отслеживать, а в ряде случаев и контролировать процессы в ходе демократического обновления Испании и опосредованно смогли воспрепятствовать излишнему сдвигу страны «влево».

На рубеже 1980-х годов в партийно-политической системе Испании произошли значимые изменения. В 1979 году ИСРП изъяла определение «марксистская» из своей идеологической платформы. Отказавшись от марксизма, ИСРП сделала первый шаг в последующем идеологическом сближении с европейскими социал-демократическими партиями.

ИСРП, оказавшись в роли правящей партии после победы на парламентских выборах 28 октября 1982 года, приняла на себя ответственность за решение всех вопросов внутренней и внешней политики. С учетом изменившегося статуса ИСРП задачи, которые поручались американским дипломатам и сотрудникам спецслужб в Мадриде, были скорректированы. В официальной депеше конфиденциального характера, текст которой оказался в распоряжении редакции журнала «Интервью», первым предписывалось добиваться равновесия между разными политическими силами, вторым – препятствовать возникновению у правящих социалистов стремления к нежелательным реформам¹.

Фразу «добиваться равновесия между разными политическими силами» в американском посольстве истолковали в том смысле, что

и после появления нескольких разных по своей идеологической ориентации партий приоритетное внимание с учетом ее реального влияния в послепутчистский период необходимо уделять ИСРП. Ее победа на выборах стала первой в постфранкистской истории Испании, и поэтому американские дипломаты стали спешно устанавливать связи на разных уровнях с новой властной вертикалью. В той же фразе упоминалось о «равновесии между разными политическими силами», которое было воспринято как указание не оставлять без внимания и старую фалангистскую «гвардию» – «Новую силу» Национальное братство ветеранов и др. В то время, как одна часть американских дипломатов выстраивала отношения на будущее с ИСРП, другими демократическими партиями, другая их часть, как бы застряла в прошлом, выполняя указание по поддержанию связей с ветеранами испанской фаланги, единственной разрешенной партией во франкистский период. Сотрудники ЦРУ и РУМО с конца 1970-х годов поддерживали тайные контакты с руководящим ядром будущего организатора мятежа Испанским военным союзом. После провала путча агенты обеих спецслужб еще какое-то время сохраняли, правда в более ограниченном объеме и в режиме еще большей секретности, связи с оставшимися на антидемократических позициях отставными офицерами среднего командного звена.

Смогли американские «црушники» создать сильные позиции и в так называемой «четвертой власти» – средствах массовой информации, оказывавших заметное, а в ряде случаев определяющее влияние на умонастроения рядовых испанцев. Интересные материалы на эту тему представлены в упоминавшемся еженедельнике «Интервью». Так, в журнале приведены оценки юриста Дмитриоса Папандопулюса из организации ЭМАКЭ, состоявшей из греческих демократических юристов и журналистов. В период пребывания у власти социалиста А. Папандреу означенная организация занималась анализом документов из архивов служб государственной безопасности Греции. В порядке делового взаимодействия А. Папандреу попросили провести анализ испанских СМИ. После ознакомления с печатными материалами ведущих испанских газет и журналов А. Папандреу пришел к выводу, что значительная часть испанской прессы контролируется американцами. Обоснованность подобной оценки подтвердила и публикация в журнале «Камбио 16», согласно которой на начало 1980-х годов около 40 безработных журналистов сотрудничали с ЦРУ. По данным, полученным из того же источника, в редакции каждой газеты или радиостанции работал

¹Interviu. 1983. № 398. P. 17.

по меньшей мере один журналист, выполнявший заказы ЦРУ¹.

Удержание США своих военных баз на территории Испании

Военные базы и объекты это, образно говоря, стальной штык, воткнутый в землю одной страны представителями другой страны, которые финансируют строительство и размещение военных сооружений на чужой территории. Одним своим присутствием они ограничивают независимость, проецируют силу одного государства на внешнюю и внутреннюю политику другого, допустившего установку военных баз на своей территории. Это было верно и в отношении военных баз и объектов США в Испании. Осознание ограничений мотивировало десятки тысяч рядовых испанцев на проведение многочисленных манифестаций в местах их расположения с требованиями демонтажа военных баз и их удаления из страны.

Недовольство своих соотечественников, вероятно, разделял и глава кабинета социалистов Ф. Гонсалес, который в своем программном выступлении 23 октября 1984 года одной из целей правительства назвал намерение сократить военное присутствие США в Испании². Как политик он, однако, осознавал невозможность одновременно вывести военные базы после их почти 30-летнего пребывания в стране. Озвученное Ф. Гонсалесом намерение, возможно, было задумано как промежуточное решение.

В практическом плане Испания выдвинула США требование вывести с военно-воздушной базы в Торрехон де Ардос военную технику и личный состав. Это требование обосновывалось тем, что полеты размещенных на расположенной в 15 км от Мадрида базе американских самолетов «F-18» создавали большой шум, раздражавший жителей столицы и близлежащих районов. Была и неафишируемая причина: власти подозревали, что установленная на базе специальная шпионская аппаратура позволяла прослушивать системы связи в испанской столице, включая телефонные разговоры членов правительства. США отклонили требование Испании, объяснив свою позицию тем, что как государство-член НАТО они не могут допустить ослабления южноевропейской группировки альянса. В 1986–1987 годах состоялось семь раундов испано-американских переговоров. Чтобы показать испанской общественности, к каким приемам прибегала американская сторона

в ходе переговоров, в мадридском еженедельнике «Темпо» в мае 1987 года была размещена статья, озаглавленная: «ЦРУ развязывает грязную войну против испанского правительства». Она оказалась настолько иллюстративной, что специальный корреспондент газеты «Правда» в Мадриде В. Чернышев использовал содержащиеся в ней фактологические данные для подготовки собственной статьи, которая была опубликована в номере газеты «Правда» за 14 мая 1987 года³.

Лейтмотивом статьи можно считать сформулированную с использованием боксерской терминологии фразу «Центральное разведывательное управление США пытается припечатать главу испанского правительства к канатам». Далее в статье приведены примеры чувствительных «ударов» по Ф. Гонсалесу. По мнению испанских спецслужб, ЦРУ не случайно прекратило снабжать высший центр оборонной информации Испании (СЕСИД) конфиденциальными сведениями. Передача этих сведений Испании прекратилась именно после того, как Мадрид ужесточил свою позицию на переговорах с Вашингтоном. В официальных американских кругах распространялись слухи с целью дискредитировать Максимо Кахала. Главу испанской делегации пытались представить в негативном ключе по причине его «антиамериканизма». Через свою секретную службу Пентагон пытался оказать давление на высокопоставленных чинов испанских военно-воздушных сил, угрожая перспективой того, что Испания может остаться без запасных частей для самолетов «F-18». Если американцы дадут указание компании «Макдоннелл-Дуглас», то они останутся на земле. Репрессалии могли коснуться и испанского военно-морского флота из-за возможной «заморозки» США поставок электронного оборудования для ракетных установок, построенных в Испании по американскому патенту для оснащения военных кораблей, в частности авианосца «Принсипе-де-Астуриас», а также для технического обустройства закупленных в США самолетов «Харриер» с вертикальным взлетом. Таким образом, суммарно заявленные и частично осуществленные угрозы США преследовали цель, образно говоря, столкнуть лбами руководителей военных ведомств и главу кабинета министров, чтобы побудить последнего пойти на смягчение своей твердой позиции по базам.

Шантаж не оказал ожидаемого эффекта. В ноябре 1987 года Мадрид официально известил Вашингтон об отказе от автоматического продления двустороннего Договора о дружбе

¹Cambio 16. 1980. № 471. P. 38.

²La Alianza Atlantica. Ministerio de Asuntos Exteriores de Espana. P. 69.

³Темные закоулки третьего этажа. Свидетельство мадридского журнала Темпо о происках ЦРУ и Пентагона. Правда. 14.05.1987.

и сотрудничестве, срок действия которого истек 14 мая 1988 года. В сложившейся ситуации к канатам оказался прижат уже сам Вашингтон. Он решил пожертвовать частью (базой ВВС в Торре-хон де Ардос), ради сохранения целого – базового документа, регулировавшего военно-политическое сотрудничество Испании и США. В январе 1988 года американская сторона согласилась на вывод с испанской территории в течение следующих трех лет 401-го тактического авиакрыла своих ВВС (самолеты «F-18»). В итоге Вашингтону, хотя он и не смог полностью контролировать ход переговоров, удалось, правда, с известными потерями удержать базы в Испании и отстоять свой стратегический интерес.

Содействие США вступлению Испании в НАТО

Период 1981–1986 годов был ознаменован ключевыми событиями, связанными с членством Испании в НАТО в качестве полноправного государства-участника. На фоне предшествовавшего обсуждения всех «плюсов» и «минусов» атлантического членства фактором, который, возможно, перевесил остававшиеся сомнения испанской правящей элиты, стало суждение бывшего государственного секретаря США и признанного авторитета в области международных отношений Г. Киссинджера. В контексте дискуссий, развернувшихся вокруг намеченного на 1983 год размещения в пяти странах Западной Европы американских ракет «Першинг», он квалифицировал нейтральный статус отдельных стран европейского континента как неприемлемый. Данная дефиниция относилась, в том числе и к Испании. Ее геополитический статус, по утверждению Г. Киссинджера не мог оставаться нейтральным в критический период конфронтации двух разных общественно-политических систем, которым были поставлены в соответствие два разных военных блока – НАТО и ОВД.

Официальный Вашингтон был главным инициатором вступления Испании в Организацию Североатлантического договора. Настойчиво добиваясь именно полноформатного членства Испании, США хотели, чтобы контроль альянса распространялся на весь Пиренейский полуостров и он мог быть использован в качестве тыловой базы НАТО в случае широкомасштабного конфликта с ОВД. В мае 1982 года на исходе пребывания у власти коалиции СДЦ Испания вступила в НАТО, ограничившись членством в ее политической, но не военной организации. В ходе избирательной кампании перед выборами 28 октября 1982 года в Генеральные кортесы ИСРП обещала в случае своей победы «заморозить» членство страны в альянсе и приняла на себя обязательство

провести референдум по вопросу о характере отношений Испании и НАТО.

Участие Испании в деятельности НАТО даже в усеченном формате затрагивало интересы испанских военных. В силу своей значимости эта тема не могла оставаться вне зоны внимания американских дипломатов и сотрудников спецслужб в Испании. Сотрудник ЦРУ эксперт по военной проблематике Альберт Сассевиль был делегирован для проведения регулярных бесед с высокопоставленными испанскими военачальниками, выступлений перед военными экспертами политических партий. Все эти дипломатические меры принимались для того, чтобы убедить их в выгодах полноформатного членства в НАТО для самой Испании и коллективной обороны Запада¹. Объединенные усилия американских дипломатов и сотрудников спецслужб в Мадриде также были нацелены на то, чтобы противодействовать антинатовской пропагандистской кампании, развернутой левыми силами.

Обязательство провести референдум, принятое на себя ИСРП, создало нестандартную ситуацию. Впервые в международной практике страна – участница НАТО открыто декларировала готовность прибегнуть к народному волеизъявлению по вопросу о характере отношений с военным блоком. При этом даже высокий авторитет ИСРП, на тот момент самой популярной и ответственной политической силы, не давал гарантии получения желаемого результата для руководства НАТО, внутренних и внешних проатлантических сил. Использование референдума, по их мнению, создавало вредный прецедент, которым смогут в будущем воспользоваться и другие страны, претендующие как на вступление в НАТО, так и на выход из состава альянса.

Правящие круги США, осознавая все риски, с тревогой восприняли инициативу ИСРП провести референдум. Вместе с тем Вашингтон располагал достаточными ресурсами для того, чтобы «убедить» Ф. Гонсалеса «не делать глупостей». В данном случае «делать глупости» означало ставить под угрозу стратегические интересы США в Испании. Нежелательный, по мнению Вашингтона, результат референдума мог быть расценен именно как такая угроза. А теперь об упомянутых ресурсах.

Первый из них – дипломатический. По свидетельству не замеченного в публикации непроверенной информации журнала «Актуаль» испанская делегация в ходе заседаний сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке

¹Cambio 16. 1980. № 471. P. 37.

осенью 1983 года получила сигналы от американских властей. Смысл этих сигналов состоял в том, чтобы побудить правительство социалистов отказаться от проведения референдума. Американская сторона дала понять, что она заинтересована в полноформатном членстве Испании в НАТО, в том числе в военной организации альянса. Со своей стороны, США изъявили намерение повлиять на власти Великобритании с тем, чтобы неурегулированный испано-британский территориальный спор вокруг Гибралтара был решен с учетом позиции Мадрида. Вашингтон также согласился обсудить с государствами – участниками Общего рынка вопрос об устранении помех, которыми сопровождалось присоединение Испании к этому экономическому союзу. В то время министр финансов, экономики и торговли Испании Мигель Бойер находился в Нью-Йорке, где председательствовал на заседаниях Международного валютного фонда. Он получил такие же сигналы. В соответствии с ними отказ от референдума мог бы придать импульс увеличению американских инвестиций в испанскую экономику. Из тех же сигналов следовало, что испанское правительство могло бы рассчитывать на большее понимание МВФ при решении таких вопросов, как предоставление кредитов и отсрочка сроков выплаты задолженности¹.

Прибегая к расхожему выражению о кнуте и прянике, остается заключить, что всё вышесказанное укладывается в понятие пряника. Как известно, там, где присутствуют интересы США, обязательно найдется и кнут. После того, как в испанском политическом дискурсе появилось слово «референдум», местные СМИ стали фантазировать на популярную тему: как Вашингтон мог бы «наказать» Мадрид за «неправильный» исход референдума. Журнал «Камбио 16» посчитал, что Вашингтон мог бы заняться подстрекательством сепаратистских движений и партий в Испании. В числе возможных «адресатов» упоминались два автономных сообщества – Канарский архипелаг, где Движение за самоопределение и независимость Канарского архипелага все еще располагало определенным влиянием среди населения, и Страна басков. К ведущей сепаратистской силе в лице Баскской националистической партии американцы подбирались аккуратно, повышая постепенно градус благоприятных оценок посольства, отзывов конгрессменов, мнений представителей творческой элиты США. Наготове была и «экономическая

карта». Вашингтон мог бы «удушить» правительство социалистов, когда тому подойдет срок вести переговоры об отсрочке выплаты внешней задолженности². Итоги референдума придали плану воображаемой «мести» США неактуальный характер.

Можно отметить, что в вопросе о характере отношений Испании и НАТО ИСРП проявила чудеса политической эквилибристики: находясь в лагере левых сил и в оппозиции к правительству СДЦ, социалисты выступали против членства страны в этом блоке, затем «переобулись» – сначала допустили свое членство в альянсе, а потом заявили о намерении провести референдум. Не менее впечатляющий политический «кульбит» продемонстрировал и официальный Вашингтон. Если в первые месяцы нахождения ИСРП у власти он негласно подталкивал испанских социалистов к отказу от референдума, то в дальнейшем Вашингтон сменил тактику и подтянул «тяжелую артиллерию» в лице президента Р. Рейгана. Его визит в мае 1985 года был расценен испанским обществом как демонстрация политической поддержки председателя правительства Ф. Гонсалеса перед тогда еще необъявленными сроками народного волеизъявления. В Вашингтоне хорошо понимали, что одно дело – отказ кабинета социалистов от проведения референдума под каким-либо благовидным предлогом, за которым неизбежно последует гарантированное сохранение членства Испании в альянсе (победа для США, для ИСРП – утрата доверия избирателей на длительный срок, если не навсегда), а другое – проведение референдума, нежелательный результат с сопутствующим мандатом испанскому правительству от граждан на исключение страны из его состава (поражение США, возможные американские репрессалии против Испании).

В числе факторов, которые способствовали достаточно быстрому (несмотря на противодействие левой оппозиции и антивоенного движения) прохождению дистанции от подачи (1981) заявки правительством СДЦ на прием в НАТО до оформления после проведенного кабинетом социалистов 12 марта 1986 года референдума полноформатного членства в альянсе можно назвать способность американских дипломатов выстраивать диалог с разными политическими силами страны и оказывать на них влияние в нужном для США ключе. Во многом решающим фактором стала не просто координация действий внутренних и внешних проатлантических сил, а их синхронизация в самый нужный момент

¹Actual.10.10.1983. С. 9.

²Cambio 16. 07.02.1983. С. 17.

в виде развернутой накануне референдума в испанской прессе, на радио и телевидении, а также в ведущих СМИ США и западноевропейских стран с участием во всех случаях видных политических деятелей кампании запугивания испанцев ростом безработицы, перспективой оттока иностранного капитала с сопутствующими перебоями в работе вплоть до закрытия созданных с его участием предприятий и прочими угрозами. Объявлялось, что эти угрозы сбудутся в том случае, если большинство выскажется против сохранения членства Испании в НАТО. Пропагандистская машина оказывала мощное информационное воздействие на еще не определившихся с выборами испанцев. Не заставил себя ждать и решающий итог проамериканской кампании: подавляющее большинство участников референдума высказалось в пользу сохранения членства Испании в альянсе. После получения ответа на главный вопрос быть или не быть в НАТО, кабинет социалистов по согласованию с атлантическим руководством приступил к осуществлению процесса встраивания Испании в различные структуры военной организации альянса для оформления статуса полноформатного государства-участника. Совместными усилиями американских дипломатов и сотрудников спецслужб Вашингтону удалось добиться соблюдения своего стратегического интереса.

СОДЕЙСТВИЕ США СОЗДАНИЮ ПОМЕХ РАЗВИТИЮ ОТНОШЕНИЙ СССР И ИСПАНИИ

Острая политико-идеологическая поляризация сил в мире на рубеже 1980-х годов велась буквально на каждой пяди земного шара, в том числе в Испании. Своего рода расслоение мира проявилось в том, что СССР и США, используя, помимо прочего, средства массовой информации, стремились улучшить собственный имидж, в том числе путем содействия преднамеренному искажению образа своего оппонента. Кроме того, ввиду отсутствия официально оформленных отношений между двумя государствами наша страна «зашла» в Испанию значительно позже США и начала, по сути, на пустом месте выстраивать взаимовыгодные связи в интересах народов обеих стран.

Установление 9 февраля 1977 года дипломатических отношений между СССР и Испанией положило конец почти 40-летнему периоду взаимного отчуждения. Позднее были оформлены дипломатические отношения между Испанией и странами Центральной и Восточной Европы. С установлением дипломатических отношений с СССР, странами ЦВЕ Испания прочно, как

говорится, «двумя ногами» вступила на поле мировой политики вместо прежней несбалансированной ориентации на США и некоторые другие страны Запада. Начавшие после этого поступательно развиваться советско-испанские связи опирались на объективную основу – отсутствие взаимных территориальных споров, имущественных претензий, общую приверженность к важной в конце 1970-х годов разрядке международной напряженности, геополитической стабильности и др.

Между Советским Союзом и Испанией возникли принципиальные разногласия – отношение официального Мадрида к НАТО. До начала 1980-х годов Испания была внеблоковым государством. С учетом ее нейтрального статуса наша страна в 1977 году предложила Мадрид в качестве места проведения встречи представителей государств – участников СБСЕ, намеченной на 1980 год. Эта инициатива была одобрена другими государствами – участниками Общеευропейского совещания. Советский министр иностранных дел А. Громыко в рамках своего визита в Испанию (ноябрь 1979 года) в ответ на вопрос о ее возможном вступлении в НАТО сказал, что страна «приобретет еще больший политический капитал, еще больший политический потенциал, если будет проводить и впредь независимую политику» [Загладин, 1983, с. 327]. Способность Испании проводить такую политику руководство нашей страны тогда связывало с сохранением ею внеблокового статуса. Как и предвидел А. А. Громыко, Испания действительно нарастила свой политический капитал, правда не вследствие проведения независимой политики, а в результате успешно проведенной мадридской встречи СБСЕ (1980–1983). Этот Общеевропейский форум Испания как принимающая страна начала во внеблоковом статусе, а завершала уже в качестве участника НАТО.

При этом, советское руководство не ограничивалось устными заявлениями. В сентябре 1980 года испанской стороне была вручена Памятная записка посольства СССР в Мадриде, в которой внимание местного внешнеполитического ведомства было направлено на недооцененные негативные последствия возможной интеграции Испании в Североатлантический альянс для стабильности в Европе и мире. Этот документ был, однако, отклонен испанской стороной и вызвал непродолжительное «охлаждение» советско-испанских отношений.

Вопрос о членстве Испании в НАТО был камнем преткновения не только в наших двусторонних связях, но и в отношениях между СССР и США, другими странами Запада. Все

они были убежденными сторонниками вовлечения Испании в Североатлантический альянс и рассматривали Советский Союз, кстати, единственную страну, выступавшую против расширения НАТО за счет новых государств, как своего непримиримого оппонента. Именно поэтому при относительном равенстве основных составляющих межсистемного противостояния основной акцент в усилиях по оказанию давления на СССР как ведущую страну советского блока западные государства оказывали информационную поддержку НАТО и в Испании, где у них было явное преимущество. «Охлаждение» отношений между СССР и Испанией (а также другими странами Североатлантического альянса) было использовано внутренними и внешними пронаатовскими силами, в первую очередь США, ревностно наблюдавшими за тем, как быстро и успешно, по сути, «с чистого листа» налаживались советско-испанские политические связи. Коварство американцев и в большинстве случаев помогавших им сотрудников местных органов правопорядка состояло в культивировавшихся подозрениях, и, правда, в редких случаях в обвинениях в мнимой причастности сотрудников советского посольства, других загранучреждений к такому болезненному для испанского общества явлению, как баскский терроризм. Доказательства их причастности никогда не приводились, но нашим оппонентам было важно другое – чтобы слово «советский» было упомянуто в привязке к террористическим акциям. Со страниц местных печатных изданий сыпались в адрес, как писали некоторые испанские газеты, «советских провокаторов и стоящего за их спиной всемогущего КГБ» обвинения в подстрекательстве к массовым манифестациям под лозунгами вывода американских военных баз с испанской земли. На это в беседах с деловыми людьми и в разговорах с рядовыми испанцами давался ответ в том смысле, что после «инцидента» у Паломареса они сами вольны выбирать формы борьбы за собственную безопасность и не нуждаются в инспирации со стороны кого бы то ни было.

Ввиду того, что значительная часть испанской прессы контролируется американцами редкий газетный номер обходился без стереотипных обвинений в адрес нашей страны. Каждый из стереотипов рассчитан на возбуждение у испанцев негативных чувств в отношении нашего государства. Мнимое «завещание Петра

Великого», якобы содержащее наказ будущим правителям России постоянно расширять территорию страны, рассчитано на формирование убежденности во «врожденной агрессивности русских», «советская военная угроза» порождает чувство тревоги за национальную безопасность перед «агрессивными Советами», «однопартийная система власти» порождает недоверие и критическое отношение к СССР как стране с авторитарными порядками и отсутствием демократии. Подготовкой материалов антисоветского содержания занимались преимущественно заседавшие в редакциях испанских средств массовой информации журналисты, состоявшие на денежной подпитке американских спецслужб.

Налаживание «с чистого листа» отношений нашей страны с Испанией требовало от советских дипломатов, всех работников посольства предельного напряжения сил. Решать служебные задачи каждому сотруднику приходилось в условиях неполной физической защищенности. Это проявлялось, помимо прочего, в круглосуточном навязчивом наружном наблюдении сотрудников испанских спецслужб за работниками советского посольства и других загранпредставительств. Об этом, в частности, свидетельствовало сообщение в журнале «Камбио 16», согласно которому в доме напротив здания советского посольства по улице Матиас Монтеро 14 находился пост местной службы контрразведки, осуществлявшей постоянную слежку за входящими и выходящими людьми¹.

Целенаправленные попытки местных и заокеанских недоброжелателей представить местной общественности в искаженном свете внешнюю политику СССР не смогли, однако, серьезно замедлить развитие по восходящей наших двусторонних отношений. В мае 1984 году состоялся первый в их истории официальный визит короля Испании Хуана Карлоса I и королевы Софии в СССР. Динамика наших отношений с Испанией в последующий период продолжилась взаимными визитами на высшем и высоком уровнях. Исходя из стратегических интересов США, американским дипломатам и сотрудникам спецслужб в Мадриде была поставлена задача содействовать созданию искусственных помех развитию советско- и российско-испанских отношений, так и не материализовавшаяся в осязаемую реальность.

¹Cambio 16. 1980. № 471. P. 31.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прыгов Д. Д. Тревожное партнерство. М.: Международные отношения, 1972.
2. Орлов А. А. Испания в системе военно-политических организаций и союзов Запада. Обретение «нового лица». М.: ООСТ, 2000.
3. Дубинин Ю.В. . Амбасадор! Амбасадор! Записки посла в Испании. М.: РОССПЭН, 1999.
4. Современная Испания / А. В. Авилова, В. С. Акимов, Т. Н. Баранова [и др.] ; отв. ред. В. В. Загладин. М.: Политиздат, 1983.

REFERENCES

1. Prigov, D. D. (1972). Trevozhnoye partnerstvo = The anxious partnership. Moscow: International Relations. (In Russ.)
2. Orlov, A. A. (2000). Ispania v sisteme voenno-politicheskix organizatsiy i soyuzov Zapada = Spain in the system of military-political organizations and alliances of the West. Moscow: OOST. (In Russ.)
3. Dubinin, Yu. (1999). Ambahador! Ambahador! Zapiski posla v Ispanii = Embahador! Embahador! Memoirs of ambassador in Spain. Moscow: ROSSPAN. (In Russ.)
4. Zagladin, I. V. et al. (1983). Sovremennaya Ispania = The Modern Spain. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлин Игорь Викторович

доктор исторических наук, профессор
свободный исследователь

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailin Igor Viktorovich

Doctor of History (Dr.habil), professor
Freelance researcher

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.09.2025
23.10.2025
27.11.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Битва за Ленинград в интерпретации современных англоязычных историков

И. А. Суздальцев

ГБОУ Школа №1381, Москва, Россия
ialoko90@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – анализ издававшейся после 2000 года в англоязычных странах (Великобритания, США, Австралия, Канада) научной литературы, посвященной битве за Ленинград, оценка этой битвы, систематизация использованного материала в работе. В ходе исследования использовались принципы историзма и объективности, а также историко-генетический, историко-типологический и историко-системный методы. Материалом исследования стали монографии и статьи, посвященные битве за Ленинград. Были определены три группы публикаций: 1) работы, написанные в соответствии с концептуальными установками времен «холодной войны». В них историки соглашались с оценками хода, основных событий и результатов боевых действий, данных немецкими военачальниками и исследователями времен холодной войны, принижали значение роли СССР в победе союзных войск, делая акцент на особенностях местности, погоде, отмечают более значительную, нежели в действительности, роль ленд-лиза для Красной армии; 2) исследования, в которых присутствует пересмотр некоторых указанных ранее оценок и более глубокий анализ фактов; однако в них еще имеются некоторые тенденциозные оценки, ограничивающие их объективность; 3) статьи и монографии, в которых современные англоязычные историки выступают за полный пересмотр оценок Восточного фронта и, в частности, битвы за Ленинград. Автор пришел к выводам, что на протяжении нескольких десятков лет происходят «сдвиги» в сторону более объективных и освобожденных от идеологических рамок работ, однако, публикации, в которых еще присутствуют направленные на фальсификацию нашей истории оценки, по-прежнему представлены в достаточном количестве.

Ключевые слова: контрудар под Сольцами, Синявинская операция, операция «Искра», Волховский фронт, Ленинградский фронт

Для цитирования: Суздальцев И. А. Битва за Ленинград в интерпретации современных англоязычных историков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 73–80.

Original article

The Battle of Leningrad as Interpreted by Modern English-Speaking Historians

Ilya A. Suzdaltsev

School № 1381, Moscow, Russia
ialoko90@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze scientific literature devoted to the Battle of Leningrad published in English-speaking countries (Great Britain, USA, Australia, Canada) after 2000, to identify approaches to assessing this battle, and to systematize the material used in the work. During the work on the publication, the principles of historicism and objectivity; historical-genetic, historical-typological, and historical-systemic methods were used. With their help, it was possible to identify

and structure monographs and articles devoted to the Battle of Leningrad in accordance with the logic of the article. Three groups of publications were identified: 1) works written in accordance with the conceptual guidelines of the Cold War. In them, historians agree with the assessments of the course, main events, and results of military operations given by German military leaders and researchers during the Cold War, downplay the role of the USSR in the victory of the allied forces, focusing on the terrain and weather, and note the more significant role of Lend-Lease for the Red Army than it actually played; 2) studies that include a revision of some of the previously mentioned assessments and a more in-depth analysis of the facts; however, they also still contain some tendentious assessments that limit their objectivity; 3) articles and monographs in which modern English-speaking historians advocate a complete revision of the assessments of the Eastern Front and, in particular, the Battle of Leningrad. The author came to the conclusion that over the course of several decades there have been “shifts” towards more objective works freed from ideological frameworks, however, publications that still contain assessments aimed at falsifying our history are still presented in sufficient quantity.

Keywords: counterattack near Soltsy, Sinyavinsky operation, Operation Iskra, Volkhov Front, Leningrad Front

For citation: Suzdaltsev, I. A. (2025). The Battle of Leningrad as Interpreted by Modern English-Speaking Historians. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 73–80. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В 2024 году исполнилось 80 лет с момента окончания битвы за Ленинград, которая считается одной из главных битв Великой Отечественной войны. До начала открытия российских архивов в 1990-е годы, зарубежной историографии была свойственна односторонность в освещении событий Великой Отечественной войны: повторение оценок хода, основных событий и результатов боевых действий, данных немецкими военачальниками, принижение значения роли СССР в победе союзных войск. Говоря непосредственно о Ленинграде, следует отметить, что в 1960-е годы вышли несколько монографий, посвященных блокаде города, однако аспекты самой битвы за Ленинград не получили в них должного освещения [Goure, 1962; Salisbury, 1969]. При этом, сложно сказать, что эти исследования были свободны от идеологических барьеров, учитывая оценки, что жители Ленинграда находились в рамках «советской административной системы, которая стремилась контролировать и направлять поведение каждого» [Goure, 1962, с. 301].

В 1980-е годы стали появляться исследования, выходящие за рамки озвученной выше концепции. Среди них работы британского историка Дж. Эриксона, в которых он опирается, в том числе на советские источники, однако, среди ключевых выводов о главной причине победы РККА по-прежнему указывается ее численное превосходство.

В 1990-е годы вышли в печать публикации, направленные на объективный пересмотр роли Красной армии в войне. Например, Р. Овери (Великобритания) утверждает, что вклад СССР в победу

был гораздо более значительным, нежели вклад союзников.

Изменился взгляд на проблему и в американской историографии. У. О'Нил отмечал, что без участия в войне Советского Союза нацистская Германия, вероятнее всего, не потерпела бы поражения. У. Мюррей и А. Миллет пишут, что из всех союзников именно СССР на протяжении всей войны наиболее последовательно развивал боевую мощь, необходимую для уничтожения нацистской Германии. Д. Гланц обвиняет ряд западных историков в «маскировке» советского вклада в победу, при этом отмечая, что многие советские исследования обходят или игнорируют факты и события, которые государственная идеология считала неудобными. Д. Шталь (Австралия) также считает, что многие западные историки неоправданно лишают Советский Союз роли главного победителя нацизма. Британский историк К. Лоу отмечает, что СССР участвовал в гораздо большем количестве боевых действий, нежели его союзники [Суздалцев, 2022].

ПЕРВАЯ ГРУППА ПУБЛИКАЦИЙ

На современном этапе англоязычными историками также публикуются работы, написанные в соответствии с концептуальными установками времен «холодной» войны, при этом, значительно увеличилось число исследований, авторы которых предпринимают попытки изучить историю Второй мировой войны с различных сторон и с привлечением различных типов источников.

По мнению Э. Модсли (Великобритания), немцы были остановлены из-за особенностей

местности: путь захватчикам преграждали реки, болота защищали Ленинград, а густые леса служили базами для партизан. Также он считает, что Ленинград удалось отстоять благодаря тому, что основное подвижное соединение фельдмаршала Лееба (4-я танковая группа) и большая часть его авиационной поддержки (8-й авиационный корпус) в сентябре были направлены на московское направление. В немалой степени благодаря победам советских войск на других участках фронта ситуация вокруг Ленинграда улучшилась в самом начале 1943 года [Mawdsley, 2005]. Однако историк забывает, что успешные операции проводились в этот период также и на Волховском, и на Ленинградском фронте – таковыми, безусловно, являются Синявинская операция и операция «Искра».

О переброске войск к Москве пишет также его соотечественник Б. Мойнехен, отмечая, что сами немцы закончили наступление и перебросили танки, самолеты и людей для наступления на Москву. Прорыв и снятие блокады Ленинграда он связывает с численным превосходством Красной Армии [Moynahan, 2013] так же, как и американские историки Р. Смелзер и Э. Дэвис (США) [Smelser, Davies, 2008].

К. Мерридейл (Великобритания) приводит пример некоего солдата с Волховского фронта, который, рассказав об ужасах блокады, подвергся аресту, при этом исследователь не ссылается на какую-либо литературу [Merridale, 2005]. По мнению Ф. О'Брайена (Великобритания), группа армий «Север» не получила поддержки для взятия Ленинграда из-за отсутствия достаточного количества железных дорог в направлении северной столицы [O'Brien, 2015].

А. Рид (Великобритания), основной профиль которой – журналистика, в работе, претендующей называться исторической, в лучших традициях публикаций периода идеологического противостояния СССР и Запада, обвиняет в отступлении и блокаде советское руководство. Она пишет, что советский режим не смог вовремя эвакуировать гражданское население, создать запасы продовольствия, искоренить воровство продовольствия или должным образом организовать Ледовую дорогу. Именно советский режим выбросил тысячи молодых жизней в Народном ополчении и продолжал сажать в тюрьмы и казнить своих самых скромных и патриотичных граждан, даже когда они умирали от голода [Reid, 2011].

Данная группа историков в основном опирается на выводы своих соотечественников прошлого века либо на произведения, относящиеся к литературно-публицистическим трудам (не являющимся научными). Они начали публиковаться в нашей стране в конце 1980-х годов: «Ледокол»

В. Суворова, «Бочка и обручи, или когда началась Великая Отечественная война?» М. Солонина и др. Риторика указанных выше работ англоязычных историков во многом схожа с актуальной ныне на Западе задачей «умалить вклад СССР в Победу над германским фашизмом» [Кикнадзе, 2020]. Отрадно, однако, то, что большинство исследователей не принимает их выводы за чистую монету и критически относится к утверждениям, что главные факторы победы Красной армии заключаются в обстоятельствах непреодолимой силы, проблемах внутри немецкой армии, либо ключевой роли наших союзников.

ВТОРАЯ ГРУППА ПУБЛИКАЦИЙ

Авторам ряда современных публикаций на английском языке свойственен пересмотр некоторых указанных их соотечественниками оценок и более глубокий анализ фактов, однако, в отличие от монографий, представленных ниже, эти работы всё еще содержат некоторые тенденциозные оценки, ограничивающие их объективность.

Дж. Джакс (Великобритания) пишет, что «оборона Ленинграда рушилась в неумелых руках Ворошилова» [Jukes, 2003, с. 27], отмечает полководческий талант Г. К. Жукова, направленного на защиту Ленинграда: «три дня увольнений, ледящих душу угроз, неистовых импровизаций сплотили деморализованных защитников» [там же]; упоминает 9650 км траншей, противотанковые рвы и тысячи окопов, сооруженных в прифронтовых районах. При этом, главные факторы, способствовавшие успешной обороне Ленинграда, по мнению исследователя, заключались в том, что 12 сентября 4-я танковая группа начала отходить, чтобы присоединиться к наступлению на Москву, а также, что благодаря захвату танка «Тигр» красноармейцы выяснили, как лучше всего ему противостоять [там же].

Р. Киршубель (США) соглашается с Джаксом в вопросе переброски частей на московское направление. Р. Киршубель также пишет, что немецкую армию останавливали леса и несогласованность немецкого командования, советская оборона же была соответственно слабой и дезорганизованной. Однако исследователь отмечает, что контрудар Н. Ф. Ватутина (видимо, имеется ввиду Контрудар под Сольцами) вызвал смятение во всех немецких подразделениях на этом направлении [Kirchubel, 2009].

По мнению У. Данна и Р. Форчика (оба из США) ополчение сыграло решающую роль в замедлении немецкого наступления на Ленинград [Dunn, 2006; Dunn, 2009; Forczyk, 2009]. Данн при этом добавляет, что у Красной Армии было преимущество

в виде большой территории: «Огромные расстояния дали русским немного времени для того, чтобы собрать спешно сформированные дивизии» [Dunn, 2006, с. 4]. Форчик пишет, что К. А. Мерецков и Л. А. Говоров могли планировать эффективные наступления, но их усилия постоянно подрывались повторяющимся вмешательством со стороны И. В. Сталина, а также различных «суетливых людей Ставки и НКВД» [Forczyk, 2009, с. 13].

М. Джонс (США), с одной стороны, отдает должное организации Красной Армии: «Их оборонительные позиции были просты и эффективны. Пулеметы были искусно размещены, а снайперам, которых было сорок или пятьдесят в каждой роте, отводились лучшие позиции. Хорошо замаскированные танки были окопаны с интервалами. Это была глубоко эшелонированная оборона – защищенная проволочными заграждениями и многочисленными минными полями» [Jones, 2008, с. 28]. С другой стороны, историк отмечает, что Вермахту очень мешали болота, а также, видимо, не сумев распрощаться с «наследием» западных историков времен холодной войны, пишет, что коллективное единство Ленинграда возникло из беспощадной политики репрессий [там же, 28, 132]. Также он критикует командующего войсками Ленинградского фронта К. Е. Ворошилова и утверждает, что в Ленинграде части города попали под контроль бандитов и каннибалов, а жители были «фактически брошены собственным правительством» [Jones, 2007]. Его соотечественник Р. Бидлак, вполне справедливо не соглашаясь с этой позицией, отвечает, что «как только к середине декабря 1941 года оборонные предприятия были вынуждены закрыться из-за отсутствия электроэнергии, государственные и партийные чиновники отдали приоритет оказанию помощи гражданскому населению с тем немногим, что у них осталось, а милиция и НКВД сохраняли твердый контроль над всеми районами города» [Bidlack, 2009, с. 336].

Бидлак так же, как и ряд историков, указанных выше, в совместной монографии с отечественным ученым Н. А. Ломагиным упоминает превосходство в численности Красной Армии, а также их значительные потери в битвах за Ленинград, в том числе при проведении операции «Искра». При этом историк приводит цитаты немецких генералов, которые свидетельствуют об эффективности оборонительных сооружений на подступах к городу. Например, один из немецко-фашистских захватчиков сравнил русских с сусликами по их способности быстро закапываться в землю. Другой немецкий офицер, служивший в районе Ленинграда, высказался так: «Взаимосвязанные противотанковые рвы, протяженные минные поля, сильный

оборонительный огонь из многочисленных бункеров, а также из бронированных башен сделали наступление [41-го моторизованного корпуса] крайне трудным» [Bidlack, Lomagin, 2012].

А. Хилл (Канада) пишет, что благодаря поставке по ленд-лизу американских бомбардировщиков «Бостон» был серьезно усилен потенциал советской «дальней» авиации на фоне устаревшего ДБ-3, в том числе в районе Ленинграда; упоминает о существенных потерях партизан в Ленинградской области в 1941 году, об их незначительной роли в сопротивлении врагу в этот период, а также о том, что множество подразделений сдались перед трудностями зимы и под немецким давлением [Hill, 2005; Hill, 2017]. Однако уже в сентябре 1941 года начальник штаба верховного главнокомандования вооруженными силами фашистской Германии Кейтель в приказе констатировал, что «с началом войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение, формы действия варьируются от нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд»¹. В октябре 1941 года главнокомандующий сухопутной армией гитлеровской Германии Браухич утвердил для вермахта «Основные положения по борьбе с партизанами», где была поставлена задача: «Выявление наличия партизан и их уничтожение» (цит. по: [Петров, 1973, с. 9]). В итоге историк не может не отметить, что к октябрю 1943 года ленинградские партизаны смогли нанести значительный урон немецким войскам, включая, например, задержку частей 12-й танковой дивизии на пути к фронту [Hill, 2017].

Д. Андерсон, Л. Кларк и С. Уолш (Великобритания) отмечают самоотверженность солдат Красной Армии, при этом, по их мнению, ключевыми факторами того, что немцев удалось сдержать под Ленинградом, были проблемы со снабжением, а также необходимость преодолевать значительные расстояния, из-за чего был потерян «элемент внезапности» [Anderson, Clark, Walsh, 2018].

П. Баттэр (Великобритания) считает, что боеспособность Вермахта была подорвана зимой 1941–1942 годов из-за незначительного количества тягловых лошадей, поэтому неоднократно в боях немецкие части были вынуждены бросать артиллерию и другое снаряжение. Историк также соглашается с Р. Киршубелем (см. выше) относительно успешности контратак, спланированных

¹«Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 395.

Ватутиным, и отмечает достоинства советского командования, которое подробно изучало отчеты после битв и старалось постоянно совершенствовать свою тактику и стратегию, чего не доставало многим другим странам [Buttar, 2023]. Его соотечественник Д. Тэйлор высказывает мнение, что Ленинград не был взят из-за приказа Гитлера фон Леебу окружить город, но не входить в него [Taylor, 2024]. Однако этот исторический деятель, видимо, забывает, либо намеренно не упоминает, что план «Барбаросса» предусматривал взятие Ленинграда в течение максимум полутора месяцев с момента нападения на СССР¹. Соответственно, новый приказ являлся следствием того, что захватить город войскам Вермахта не удалось. Спешка и небрежность – продолжает Тэйлор, – с которой были организованы добровольческие отряды, привели к смертельным потерям после их ввода в действие. Многие из добровольцев даже не добрались до линии фронта, так как их сломили возраст, болезни и усталость. Однако, ополченцы сумели выиграть время для города, хотя и ужасной ценой. Историк также пишет, что Ленинград выдержал блокаду благодаря чрезвычайно сплоченным политическим организациям, существовавшим в городе: около 200 тыс. его жителей были членами Коммунистической партии, а еще 300 тыс. подростков состояли в комсомоле; была на высоком уровне организована большая часть промышленных рабочих города. Другим фактором был пламенный местный патриотизм среди простых граждан [Taylor, 2024]. Про героизм ленинградцев также упоминает в своей работе А. Пери (США) [Peri, 2017].

Несмотря на определенную субъективность оценок, которой грешат зарубежные историки, фактическая информация зачастую верно представлена в работах данных исследователей. Б. Мойнехен отмечает, что командующий Лужской оперативной группой генерал К. П. Пядышев считал безумием направлять солдат в безнадежные лобовые атаки на бронетехнику, за что был осужден [Moynahan, 2013]. А. Рид упоминает народные ополчения под Ленинградом, отмечая, что у дивизий не было ни зенитных орудий, ни автоматического оружия, за исключением одного пулемета, а расчеты были настолько неопытными, что им пришлось «учиться обращаться с оружием в бою» [Reid, 2011, с. 39]. В итоге, по окончании Ленинградской стратегической оборонительной операции безвозвратные потери Красной Армии составили более 200 тыс. человек [Россия и СССР

в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование, 2001]. Э. Модсли пишет о неудачах в Любанской наступательной операции [Mawdsley, 2005], безвозвратные потери в районе в 95 тыс. военнослужащих подтверждаются в отечественных исследованиях [там же]. Современные ученые в своих исследованиях также использовали материалы фондов Российского государственного военного архива [Merridale, 2005; Bidlack, Lomagin, 2012], Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации [Reid, 2011; Bidlack, Lomagin, 2012; Hill, 2017; Anderson, Clark, 2018], Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга [Reid, 2011; Bidlack, 2009; Bidlack, Lomagin, 2012] – всё это делает их выводы более обоснованными, чем выводы их коллег, опубликовавших свои работы во второй половине XX века.

ТРЕТЬЯ ГРУППА ПУБЛИКАЦИЙ

Некоторые современные англоязычные историки выступают за полный пересмотр оценок Восточного фронта и, в частности, битвы за Ленинград. Наиболее в этом направлении преуспел американский ученый Д. Гланц, который утверждает, что контрнаступление под Тихвином и Волховом бросило вызов устойчивым немецким заблуждениям относительно выносливости, морального и боевого духа бойцов Красной Армии. Впервые за всю мировую войну под Ленинградом потерпела неудачу концепция блицкрига, подкрепив то, что начало происходить в июле и августе под Смоленском и предвосхитив то, что произойдет под Москвой в декабре. Контрудары, организованные Ватутиным и Жуковым под Сольцами в июле, под Старой Руссой в августе, под Красным Селом и Мгой в августе и сентябре сыграли огромную роль в успешной обороне. Они застали немцев врасплох, серьезно нарушили планы наступления, заставили их рассредоточить силы, ослабить ударные группы и существенно изменить направления атак, замедлив продвижение и выиграв время, необходимое для возведения более прочной обороны на ключевых операционных направлениях. Впоследствии успешная оборона Ленинграда породила практический опыт, который способствовал обороне других городов, таких как Сталинград [Glantz, 2001a]. Гланц отводит решающую роль в срыве немецкого плана по захвату Ленинграда в 1942 году Синявинской операции [Glantz, 2001b]; пишет, что оборона Ленинграда была успешной во многом из-за сложных систем траншей: противотанковая оборона с минными полями и противотанковыми орудиями, поддерживаемыми друг

¹Без права на капитуляцию. Беседа с Н. Ломагиным // Санкт-Петербургские ведомости. 7 сентября 2016 г. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/bez_prava_na_nbsp_kapitulyatsiyu/ (дата обращения: 10.11.2025).

друга, была создана вдоль наиболее вероятных направлений вражеского нападения. Также историк отдает должное партизанскому движению, к 1943 году представлявшему из себя серьезную силу [Glantz, 2002; Glantz, House, 2015].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, современная англоязычная историография битвы за Ленинград представлена значительным количеством исследований. Главным образом это работы ученых из Великобритании и США. Если в отечественной историографии Великой Отечественной и Второй мировой войны к «ревизионистам» относят тех, кто принижает значение советских вооруженных сил в победе, в западной историографии «ревизионистами» («новаторами») считаются исследователи, которые, наоборот, отмечают преимущества Красной армии, героизм советских солдат, а также отводят сражениям на восточном фронте решающую роль. Считать «ревизионистами» и тех, и тех вполне логично, так как представители обоих направлений

осуществляют пересмотр существующих тенденций. Англоязычных историков, которые остаются на позициях западной историографии времен холодной войны, принято считать традиционалистами. Принадлежность к стране не обусловила принадлежность к той или иной научной парадигме: первые два направления, которые можно отнести к традиционализму, представлено историками из Великобритании, США. Представлена также одна работа исследователя из Канады, что не позволяет сделать вывод о существовании конкретной научной школы по изучению Великой Отечественной войны в этой стране. К «ревизионистам» конкретно в отношении битвы за Ленинград на современном этапе допустимо отнести лишь американского военного историка, полковника Вооруженных сил США Д. Гланца, хотя в отношении других битв Великой Отечественной войны список представителей данного направления гораздо значительнее – это говорит о том, что в зарубежной историографии уже на протяжении нескольких десятков лет происходят «сдвиги» в сторону более объективных и освобожденных от идеологических клише работ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Goure L. The Siege of Leningrad. Stanford, CA: Stanford University Press, 1962.
2. Salisbury H. The 900 Days: The Siege of Leningrad. New York: Harper and Row, 1969.
3. Суздальцев И. А. «СССР с поразительной скоростью приспособился к новым обстоятельствам...». Московская битва в интерпретации современных англоязычных историков // Военно-исторический журнал. 2022. № 12. С. 28–37.
4. Mawdsley E. Thunder in the East: The Nazi-Soviet War, 194–1945. London: Hodder Arnold, 2005.
5. Moynahan B. Leningrad: Siege and Symphony. New York: Atlantic Monthly Press, 2013.
6. Smelser R., Davies E.J. The Myth of the Eastern Front: The Nazi-Soviet War in American Popular Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
7. Merridale C. Ivan's War. The Red Army 1939–1945. London: Faber and Faber, 2005.
8. O'Brien Ph. Logistics by land and air // The Cambridge History of the Second World War. Volume 1. Fighting the War. Edited by John Ferris and Evan Mawdsley. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 608–636.
9. Reid A. Leningrad: Tragedy of a City Under Siege, 1941–1944. London: Bloomsbury, 2011.
10. Кикнадзе В. Г. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: историческая правда о ключевых событиях и явлениях в вопросах и ответах. М.: Прометей, 2020.
11. Jukes G. The Second World War. Vols. 5: The Eastern Front 1941–1945. New York & London: Routledge, 2003.
12. Kirchubel R. Hitler's Panzer Armies on the Eastern Front. Barnsley: Pen and Sword Books, 2009.
13. Dunn W. S. Stalin's Keys to Victory: The Rebirth of the Red Army. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2006.
14. Dunn W. S. Hitler's Nemesis: The Red Army, 1930–1945. Mechanicsburg: Stackpole Books, 2009.
15. Forczyk R. Leningrad 1941–1944: The epic siege. Oxford: Osprey Publishing, 2009.
16. Jones M. Leningrad: State of Siege. London: John Murray (Publishers), 2008.
17. Jones M. Stalingrad: How the Red Army Survived the German Onslaught. Drexel Hill, PA: Casemate Publishers, 2007.
18. Bidlack R. Lifting the Blockade on the Blockade: New Research on the Seige of Leningrad // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2009. Vol. 10. No. 2. P. 333–351.
19. Bidlack R., Lomagin N. The Leningrad Blockade, 1941–1944. A New Documentary History from the Soviet Archives. New Haven & London: Yale University Press, 2012.

20. Hill A. *The War Behind the Eastern Front: The Soviet Partisan Movement in North-West Russia, 1941–1944*. Abingdon: Frank Cass, 2005.
21. Hill A. *The Red Army and the Second World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
22. Петров Ю. П. *Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944*. Л.: Лениздат, 1973.
23. Anderson D., Clark L., Walsh S. *Campaigns of World War II: The Eastern Front*. London: Amber Books Ltd, 2018.
24. Buttar P. *Hero City*. London: Osprey Publishing, 2023.
25. Taylor D. *The Siege of Leningrad: Then and Now*. Barnsley: Pen & Sword Books Ltd, 2024.
26. Peri A. *The War Within. Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge: Harvard University Press, 2017.
27. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001.
28. Glantz D. *The Siege of Leningrad 1941–1944. 900 Days of Terror*. Staplehurst: Spellmount, 2001a.
29. Glantz D. *The Soviet-German War 1941–1945: Myths and Realities: A Survey Essay*. A Paper Presented as the 20th Anniversary Distinguished Lecture at the Strom Thurmond Institute of Government and Public Affairs Clemson University October 11, 2001. Clemson, South Carolina, 2001b.
30. Glantz D. *The Battle for Leningrad, 1941–1944*. Lawrence: University of Kansas Press, 2002.
31. Glantz D., House J. *When Titans Clashed. How the Red Army Stopped Hitler*. Kansas: University Press of Kansas, 2015.

REFERENCE

1. Goure, L. (1962). *The Siege of Leningrad*. Stanford, CA: Stanford University Press.
2. Salisbury, H. (1969). *The 900 Days: The Siege of Leningrad*. New York: Harper and Row.
3. Suzdaltsev, I. A. (2022). "The USSR adapted to the new circumstances with astonishing speed..." *The Battle of Moscow as interpreted by modern English-speaking historians*. *Military History Journal*, 12, 28–37. (In Russ.)
4. Mawdsley, E. (2005). *Thunder in the East: The Nazi-Soviet War, 1941–1945*. London: Hodder Arnold.
5. Moynahan, B. (2013). *Leningrad: Siege and Symphony*. New York: Atlantic Monthly Press.
6. Smelser, R., Davies, E. J. (2008). *The Myth of the Eastern Front: The Nazi-Soviet War in American Popular Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Merridale, C. (2005). *Ivan's War. The Red Army 1939–1945*. London: Faber and Faber.
8. O'Brien, Ph. (2015). *Logistics by land and air. The Cambridge History of the Second World War. (Vol. 1). Fighting the War*. Ed. by John Ferris and Evan Mawdsley (pp. 608–636). Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
9. Reid, A. (2011). *Leningrad: Tragedy of a City Under Siege, 1941–1944*. London: Bloomsbury.
10. Kiknadze, V. G. (2020). *The Great Patriotic War of 1941–1945: Historical Truth about Key Events and Phenomena in Questions and Answers*. Moscow: Prometheus. (In Russ.)
11. Jukes, G. (2003). *The Second World War. Vols. 5: The Eastern Front 1941–1945*. New York & London: Routledge.
12. Kirchubel, R. (2009). *Hitler's Panzer Armies on the Eastern Front*. Barnsley: Pen and Sword Books.
13. Dunn, W. S. (2006). *Stalin's Keys to Victory: The Rebirth of the Red Army*. Westport, Connecticut: Praeger Security International.
14. Dunn, W. S. (2009). *Hitler's Nemesis: The Red Army, 1930–1945*. Mechanicsburg: Stackpole Books.
15. Forczyk, R. (2009). *Leningrad 1941–1944: The epic siege*. Oxford: Osprey Publishing.
16. Jones, M. (2008). *Leningrad: State of Siege*. London: John Murray (Publishers).
17. Jones, M. (2007). *Stalingrad: How the Red Army Survived the German Onslaught*. Drexel Hill, PA: Casemate Publishers.
18. Bidlack, R. (2009). *Lifting the Blockade on the Blockade: New Research on the Seige of Leningrad*. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 10(2), 333–351.
19. Bidlack R., Lomagin N. (2012). *The Leningrad Blockade, 1941–1944. A New Documentary History from the Soviet Archives*. New Haven & London: Yale University Press.
20. Hill, A. (2005). *The War Behind the Eastern Front: The Soviet Partisan Movement in North-West Russia, 1941–1944*. Abingdon: Frank Cass.
21. Hill, A. (2017). *The Red Army and the Second World War*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Petrov, Y. P. (1973). *Partisan movement in the Leningrad region. 1941–1944*. Leningrad: Lenizdat.
23. Anderson D., Clark L., Walsh, S. (2018). *Campaigns of World War II: The Eastern Front*. London: Amber Books Ltd.
24. Buttar, P. (2023). *Hero City*. London: Osprey Publishing.
25. Taylor, D. (2024). *The Siege of Leningrad: Then and Now*. Barnsley: Pen & Sword Books Ltd, 2024.

26. Peri, A. (2017). The War Within. Diaries from the Siege of Leningrad. Cambridge: Harvard University Press.
27. Krivosheev G.F. (Ed.) (2001). Rossiya i SSSR v voynah XX veka. Poteri vooruzhennyh sil. Statisticheskoe issledovanie / pod obshh. red. G. F. Krivosheeva = Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces. Statistical Study. Moscow: Olma-Press.
28. Glantz, D. (2001a). The Siege of Leningrad 1941-1944. 900 Days of Terror. Staplehurst: Spellmount.
29. Glantz, D. (2001b). The Soviet-German War 1941-1945: Myths and Realities: A Survey Essay. A Paper Presented as the 20th Anniversary Distinguished Lecture at the Strom Thurmond Institute of Government and Public Affairs Clemson University October 11, 2001. Clemson, South Carolina.
30. Glantz, D. (2002). The Battle for Leningrad, 1941–1944. Lawrence: University of Kansas Press.
31. Glantz, D., House J. (2015). When Titans Clashed. How the Red Army Stopped Hitler. Kansas: University Press of Kansas.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суздальцев Илья Алексеевич

кандидат исторических наук, учитель истории
Школа № 1381

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suzdaltsev Ilya Alekseyevich

PhD (History), History Teacher
School № 1381

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.07.2025
17.09.2025
27.11.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Германское консервативное Сопротивление нацизму: взгляд из Германии и России

Б. Л. Хавкин¹, К.Б. Божик²

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
novistor@mail.ru

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kristina_bozhik@mail.ru

Аннотация.

В статье излагаются взгляды на проблему германского консервативного Сопротивления нацизму в германской и российской историографии. Уточняется определение понятия «антигитлеровское Сопротивление»; доказывается, что германское консервативное Сопротивление руководствовалось не только факторами морали («Восстание совести»), но и было проявлением «реальной политики». В российском дискурсе с советских времен сохраняется представление о консервативной оппозиции немцев Гитлеру как о попытке спасти германский империализм и милитаризм. Современной немецкой историографией установлено, что участники германского военного Сопротивления, в основном выходцы из национал-консервативных кругов, изначально были далеки от отрицания по этическим мотивам Гитлера, нацизма, новой войны. Более того, многие из них поначалу приветствовали приход нацистского диктатора к власти: Гитлер на первый взгляд преследовал во внешней политике цели, близкие национально ориентированным консерваторам цели, а во внутренней – стремился к восстановлению и преумножению сильной государственной власти на принципах авторитаризма и идей германского превосходства. Германское офицерство далеко отстояло от либерализма, демократии и пацифизма. В то же время, в российской историографии существуют объективные исследования, продолжающие прогрессивные традиции советской историографии. Современные российские авторы, как и германские, рассматривают процесс эволюции оппозиционеров-консерваторов от «национал-социализма без Гитлера» к нравственному освобождению от гитлеризма, к осуждению нацистских преступлений. В Германии актуальной задачей историков является изучение идейного наследия германского Сопротивления. В антигитлеровском Сопротивлении ведется поиск исторических корней современной ФРГ, в частности, антифашистских традиций христианско-демократической Германии.

Ключевые слова: Германия, Сопротивление, консервативная оппозиция Гитлеру, заговор 20 июля 1944 года, историография

Для цитирования: Хавкин Б. Л., Божик К. Б. Германское консервативное Сопротивление нацизму: взгляд из Германии и России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 81–89.

Original article

German Conservative Anti-Nazi Resistance: German and Russian Glimpse

Boris L. Khavkin¹, Kristina B. Bozhik²

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
novistor@mail.ru

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
kristina_bozhik@mail.ru

Abstract. This article deals with perspectives on the German conservative resistance to Nazism in German and Russian historiography. It clarifies the definition of the term "anti-Hitler resistance" and demonstrates that the German conservative resistance was guided not only by moral factors ("Revolt of Conscience") but also represented a manifestation of "realpolitik." Since Soviet times, Russian discourse has persisted with the idea that German conservative opposition to Hitler was an attempt to save German imperialism and militarism. Contemporary German historiography has established that participants in the German military resistance, primarily drawn from national-conservative circles, were initially far from rejecting Hitler, Nazism, and a new war for ethical reasons. Moreover, many of them initially welcomed the Nazi dictator's rise to power: Hitler, at first glance, pursued foreign policy goals aligned with those of nationally oriented conservatives, while domestically, he sought to restore and expand a strong state based on authoritarian principles and ideas of German superiority. The German officer corps was far removed from liberalism, democracy, and pacifism. At the same time, objective studies exist in Russian historiography that continue the progressive traditions of Soviet historiography. Contemporary Russian authors, like their German counterparts, examine the evolution of conservative oppositionists from "National Socialism without Hitler" to moral liberation from Hitlerism and condemnation of Nazi crimes. In Germany, a pressing task for historians is studying the ideological legacy of the German Resistance. The historical roots of modern West Germany, in particular the anti-fascist traditions of Christian Democratic Germany, are being sought in the anti-Hitler Resistance.

Keywords: anti-Hitler Resistance, conservative German opposition to Hitler, plot of July 20, 1944, historiography

For citation: Khavkin, B. L., Bozhik, K. B. (2025). German Conservative Anti-Nazi Resistance: German and Russian Glimpse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 81–89. (In Russ.)

ЗАГОВОР 20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА И НЕМЕЦКОЕ КОНСЕРВАТИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

20 июля 1944 года ставку Гитлера «Волчьего логова» под Растенбургом в Восточной Пруссии (ныне г. Кентшин, Польша), сотряс взрыв. Замысел заговорщиков не увенчался успехом: Гитлер остался жив и дееспособен, мировая война продолжалась. «Судьба Германии решается на полях сражений в результате совместных ударов Красной Армии и союзников», – писала 23 июля 1944 года орган ЦК ВКП (б) газета «Правда».

История Сопrotивления вызывает общественный резонанс и сегодня. По словам историка П. Штайнбаха (ФРГ), «Сопrotивление национал-социализму принадлежит к темам современной истории <...> которые никогда не уйдут в прошлое» [Steinbach, 1994, с. 19].

В отечественной литературе нет общепринятого определения понятия немецкого антигитлеровского Сопrotивления. В доперестроечной историографии под Сопrotивлением понимали, как правило, к французский Résistance, в иных случаях чаще писали «о борьбе народов против фашизма». В конце XX – начале XXI века термин «Сопrotивление» стал применяться к немецким антинацистам. Но в XXI веке в понятие «Сопrotивление» включается всё больше тем: например, «Сопrotивление на территории, оккупированной немецкими войсками» (вместо «партизанского движения», как писали раньше; при том забывается, что оно отнюдь не

всегда имело идейный характер). В итоге почти всё, что не признается коллаборационизмом (включая обычные проявления общественной и духовной жизни), считается, напротив, Сопrotивлением» [Ватлин, 2015, с. 155]. Понятие «Сопrotивление» незаслуженно размывается, утрачивает смысл.

Авторы данной статьи полагают, что Сопrotивление – это проявление активного неприятия нацизму, включавшее открытое или тайное, личное или групповое морально-этическое, религиозное, идеологическое, экономическое, политическое, силовое противодействие преступной правящей системе.

В оппозиции немцев Гитлеру участвовали коммунисты, социал-демократы, либералы, консерваторы, пацифисты, религиозные деятели, евреи и т. д. Но гражданское Сопrotивление оставалось «Сопrotивлением меньшинств», по выражению историка Г. Моммзена – «Сопrotивлением без народа» [Момзен, 1997]. Большинство немцев было на стороне Гитлера и его режима. Как утверждает историк Г. Али, «народное государство Гитлера» поддерживалось 95 % немцев [Ali, 2005].

К началу 1940-х годов в Германии сложились группы правой оппозиции Гитлеру:

- военные во главе с генерал-фельдмаршалом Эрвином фон Вицлебенем и генерал-полковником Людвигом Беком;
- руководство абвера во главе с начальником штаба генерал-майором Гансом Остером;
- консервативные политики во главе с Карлом Фридрихом Гёрделером;

- дипломаты во главе с Ульрихом фон Хасселем и графом Фридрихом Вернером фон дер Шуленбургом;
- молодые аристократы во главе с графом Гельмутом фон Мольтке и графом Питером Йорком фон Вартенбургом («Кружок Крейсау»);
- офицеры штаба группы армий «Центр» на Восточном фронте во главе с генерал-майором Хеннингом фон Тресковым;
- офицеры Генштаба во главе полковником Клаусом Шенком фон Штауффенбергом;
- другие группы военных, политиков и чиновников [Ali, 2005].

При всем уважении к «Спротивлению меньшинств», до крушения гитлеризма практически значимой могла стать лишь военная оппозиция [Heinemann, 1998]. Констатировав этот факт, историк Винфрид Хейнеман определил Спротивление офицерства как поначалу «восстание военного профессионализма против преступного безумия», за которым следовало «восстание совести» [Heinemann, 2004].

Прежде всего, это касалось военной элиты – офицеров Генштаба, ставших острием оппозиции. Организованный ими взрыв в «Волчьем логове» стал и кульминацией, и концом консервативного Спротивления.

ПОЗИЦИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ: ОТ ОТРИЦАНИЯ ЧЕРЕЗ АПОЛОГИЮ К ОБЪЕКТИВНОСТИ

В ФРГ в процессе «преодоления прошлого» отношение к нравственному праву военнослужащих вермахта на Спротивление режиму прошло трудный путь от полного отрицания до официального признания в качестве одной из основ германской демократии [Борозняк, 1999]. Отдание должного Спротивлению немецких военных стало традицией политического воспитания в бундесвере. О заговоре группы правых политиков и военных написаны сотни работ.

Стараниями профессора Боннского университета Х.-А. Якобсена и его коллег опубликованы источники по истории заговора. Прежде всего секретные документы органов СС и СД о положении в стране, адресованные Борману и Гитлеру, отчеты Главного управления имперской безопасности (РСХА) по расследованию событий 20 июля, материалы Имперского народного трибунала, судившего заговорщиков. Отметим, что библиография по данному вопросу требует отдельного обзора.

В истории Спротивления немецких военных нагляден конфликт между «принципом воинского приказа и повиновения» и нравственными

ценностями, совестью, но также и с рациональными представлениями о благе родной страны.

Историки признают: мотивация участников немецкого Спротивления была разнообразна. Так, В. Ветте критикует представление о «восстании совести» как «об общем знаменателе для приведения к единому метафизическому уровню всего разнообразия участвовавших в Спротивлении личностей и групп» [Wette, 2000, с. 28].

Ряд историков полагает формулировку «восстание совести» не вполне релевантной, ибо она размывает понятие «Спротивление», относя к нему как борьбу с нацизмом, так даже и соучастие в его преступлениях при одновременном их неодобрении.

В этом смысле расширение понятия «Спротивление» соответствует призыву П. Штайнбаха «представить и признать Спротивление во всем его разнообразии и глубине» [Steinbach, 1994, с. 19]. По замечанию Г. Венткера, «Понятие “Спротивление” сегодня ... указывает на различные виды деятельности и поведения, которые препятствуют всецелому разложению общества, но не обязательно ведут к свержению диктатора» [Wentker, 2008, с. 19].

С другой стороны, как сформулировала в запросе от 7 августа 2006 года правительству ФРГ группа депутатов бундестага от фракции «левых», указав, что многие военные заговорщики стремились лишь к более выгодным условиям мира: «Для такой позиции мало подходит термин “Спротивление”. У тех участников покушения коими вправду двигала совесть, еще надо бы спросить, с какого времени и почему у них “созрело” это решение совести, какими ценностями они руководствовались и насколько эти ценности могут служить примером сегодня»¹.

Историография ФРГ констатирует: участники военного Спротивления изначально были далеки от этического отрицания гитлеровской диктатуры и реваншизма. Многие офицеры приветствовали приход Гитлера к власти: фюрер заявил во внешней и внутренней политике цели, близкие старым идеалам авторитаризма и германского превосходства [Graml, 1984; Hildebrand, 1978].

Немецкое офицерство чуждалось идей демократии и примиренчества [Безыменский, 2004]. Для военных этого поколения, отмечает Х. Моммзен, «выраженный антисемитизм был делом само собой разумеющимся» [Mommesen, 2000, с. 126]; историк приходит к неутешительному выводу, что

¹Deutscher Bundestag. 16. Wahlperiode. Drucksache 16/2358. 07.08.2006 // Bundeswehrgelöbnis am 20. Juli und die Tradition der Bundeswehr. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Ulla Jelpke, Sevim Dagdelen, Paul Schäfer (Köln), weiterer Abgeordneter und der Fraktion «Die Linke». Drucksache 16/2178.

«значительное число противников Гитлера, участвовавших в событиях 20 июля 1944 года и пожертвовавших жизнью, ранее содействовало нацистам в ведении войны и в ряде случаев одобряло эту войну»¹.

Генерал Бек (еще с 1939 года один из лидеров тайной «фронды» и один из ее кандидатов на роль главы государства) допускал возобновление «войны за основание рейха». Оппозиция Бека основывалась на его возмущении «безрассудством» нацистов, но не характером их власти [Müller, 1980]. Полковник Штауффенберг, осуществивший в 1944 году покушение на Гитлера, в 1933 году был готов «как солдат народа верно служить ему», – отмечает историк Вольфганг Венор [Venohr, 1990, с. 73].

Генерал фон Тресков участвовал не только в планировании военных операций на Восточном фронте, но и в жестоком подавлении партизанского движения в Белоруссии, где его соратник по заговору Георг фон Бёзелагер предложил создавать в партизанских районах «мертвые зоны», в которых истребляли бы всех мужчин [Gerlach, 1999]. Тресков не отклонил этот проект. Историк В. Хейнеман указывает, что Тресков видел нравственный долг не в том, чтобы «меньше запачкаться», а в ликвидации гитлеровского диктата [Heinemann, 1998].

Заговорщики из вермахта опасались гражданской войны и развала фронта. Как начальник штаба 2-й армии с 1 декабря 1943 года (и как «шеф германской полиции» в правительстве заговорщиков) Тресков в ходе заговора старался упредить обе эти опасности, считая необходимым продолжать кровопролитную войну против Красной Армии и партизан.

«Восточный фронт требовал всех наших сил .... Даты предстоящих покушений [на Гитлера] совпадали с календарем наших боевых действий. В марте 1943 года, за два дня до визита Гитлера в штаб-квартиру группы армий “Центр”, Георг [Бёзелагер] и его кавалеристы были больше заняты борьбой с партизанами, чем подготовкой покушения», – вспоминал участник заговора Филипп Бёзелагер [Voeselager, 2008, с. 122].

ВЗГЛЯД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОТ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ К ОБЪЕКТИВНОСТИ

Как в СССР, так и в постсоветской России, учеными (не говоря о публицистах) часто игнорируется факт, что с 22 июня 1941 года СССР, его союзники и немецкое Сопротивление имели общую цель – покончить с нацистским режимом, что заговор

против Гитлера, пошатнув нацистский порядок, способствовал победе антигитлеровской коалиции [Finker, 1994; Хавкин, 2010].

От советской историографии нам остались тенденциозные оценки событий 20 июля как «замысла западных спецслужб», «милитаристского заговора», «попытки спасти германский империализм от полного поражения» [Бродский, 1949; Деборин, 1958; Коваль, 1961].

«Провал “заговора 20 июля” означал крушение планов англо-американской реакции, а также части германской монополистической буржуазии и генералитета. Их попытка помешать разгрому германского фашизма потерпела крах», – писал советский историк Г. Л. Розанов [Розанов, 1990, с. 70].

Однако в СССР высказывались и иные точки зрения. Первую попытку объективного подхода к истории покушения на Гитлера предпринял в годы «оттепели» Д. Е. Мельников. Ученый указывал, что движение 20 июля было «сложным политическим комплексом», что установки графа Штауффенберга и его единомышленников «отличались значительным реализмом и пониманием подлинных интересов Германии» [Мельников, 1962, с. 56]. Отдавая дань советской риторике, Д. Е. Мельников отмечал, что заговор явился «не просто делом рук “кучки офицеров”, не просто “генеральским путчем”, а попыткой определенной части германской буржуазии найти выход из проигранной войны» [там же, с. 200], и после покушения власти рейха охватил двойной страх – «перед неминуемой военной катастрофой и назревающим крахом режима» [там же, с. 235].

Роль не классовых интересов, а нравственных факторов в немецком Сопротивлении показал историк Н. С. Черкасов. Он констатировал, что «среди участников заговора против Гитлера в буржуазных и военных кругах было много людей, искренне возмущавшихся преступлениями фашизма и потому вступивших с ним в борьбу» [Черкасов, 1967, с. 137].

В постсоветской историографии события 20 июля всё чаще рассматривают как часть европейского Сопротивления. Историки подчеркивают, что заговорщики «оказались перед дилеммой: либо способствовать поражению собственной страны, чтобы добиться свержения гитлеризма, либо самим попытаться свергнуть фашистское правительство, чтобы заключить мир и предотвратить национальную катастрофу» [Комолова, Бровко, Савина, 1990, с. 72].

Разумеется, немецкие военные стремились воплотить второй вариант: создать новое правительство и, сыграв на противоречиях между СССР и Западом, проводить свою политическую линию в вопросе о послевоенном устройстве Германии. Предполагалось заключить перемирие

¹Alternative zu Hitler, Studien zur Geschichte des deutschen Widerstandes. München 2000. С. 377

и приступить к переговорам, сделав залогом успеха ликвидацию наиболее одиозных личностей и структур национал-социализма [Хавкин, 2017].

В дискуссии о «прозападной» (т. е. «антисоветской») ориентации деятелей 20 июля, в российской публицистике популярно суждение, что успех заговора, составленного рационально мыслящими военными, был бы для СССР бóльшим злом, чем деградирующий гитлеровский режим. На деле многие военные оппозиционеры (включая Штауффенберга), в отличие от «штатского сектора» оппозиции, были сторонниками взаимовыгодных германо-советских отношений. Сталинский режим они не считали препятствием для свободной Германии, памятуя о сотрудничестве Веймарской республики с СССР.

Взгляды «штатского сектора» оппозиции характеризует разработанный участниками «кружка Крейсау» документ «Основные принципы нового порядка» (проект Г. фон Мольтке от 9 августа 1943 года), в коем ответственность за войну возлагалась на гитлеровский режим. Мольтке считал возможным создать новую Германию, духовно основанную на «решительном и действенном воплощении в жизнь христианского наследия».

Лидер «штатского сектора» оппозиции К. Гёрделер выступал за реставрацию в Германии авторитарно-сословного государства в форме парламентской монархии. Полагая невозможным плодотворное сотрудничество с большевистским режимом, он считал задачей Германии вовлечь Россию в европейское объединение. Гёрделер был уверен в восстановлении германского господства в Европе мирными средствами: Федерация европейских государств под германским главенством станет через 10–15 лет фактом [Хавкин, 2022]. Гёрделеру концепцию «другой Германии» изучал российский исследователь С. И. Невский [Невский, 2019].

Если Гёрделер был сторонником сохранения унитарного рейха в довоенных границах, то руководители «кружка Крейсау» мечтали о федеративной Германии и европейском союзе равноправных наций – может быть, с единой для всей Европы (но без России и Англии) валютой и с общими вооруженными силами.

Программы Мольтке и Гёрделера объединял «ордолиберализм»¹. Частично его идеи воплотились в реформе Л. Эрхардта, запустившей «немецкое экономическое чудо». Политические проекты «кружка Крейсау» нашли своё отражение в Конституции ФРГ.

¹Немецкая ветвь неолиберализма, объединявшая экономистов во круг ежегодника «Ордо». Суть ордолиберального учения в том, что государство задает экономической строй, но регулирование и хозяйственный процесс происходят спонтанно.

Среди российских исследователей объективное отношение к немецкой антигитлеровской оппозиции, в особенности к заговору 20 июля, стало одним из маркеров отношения к собственному тоталитарному прошлому и к тенденциям его идеализации.

Сопrotивление диктатуре как научную проблему исследовал А. Ю. Ватлин, подчеркивавший, что «изучение борьбы немецких антифашистов в современной России остается уделом энтузиастов-одиночек» [Ватлин, 2000, с. 34] и что «заложный в этой теме научный и воспитательный потенциал еще не в полной мере востребован российским обществом» [Ватлин, 2015, с. 155].

Вслед А. И. Борозняком (1999, 2004) и К. Финклером (1994), еще в 1990-е годы отмечавшими сей факт, признаем сходство «сложных процессов постижения правды о германском Сопrotивлении историографиями России и ФРГ, которые разными путями и с разных сторон – шли к решению единой задачи, к преодолению односторонних подходов, неразрывно связанных с рефлексом холодной войны, к решительному отказу от системы умолчаний или предпочтений» [Борозняк, 1998, с. 177].

КОНСЕРВАТИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В РЕЙХЕ И НЕМЕЦКИЕ АНТИФАШИСТЫ В СССР

Российская историография традиционно относит к немецкому военному Сопrotивлению не только заговорщиков из центральных штабов, но и созданные в СССР из военнопленных «Национальный комитет “Свободная Германия”» (НКСГ) и «Союз немецких офицеров» (СНО).

Манифест НКСГ призывал к свержению гитлеризма, немедленному заключению мира, к «Свободной демократической Германии»². Российским историкам пора признать, что те же цели преследовались и оппозиционными нацизму правоконсервативными силами в Германии.

О взаимной осведомленности и заинтересованности деятелей 20 июля 1944 года и НКСГ свидетельствуют попытки установления контактов между НКСГ и группами Сопrotивления в рейхе. В конце августа 1943 года Тресков изложил руководителю «русского» отдела МИД Германии, бывшему послу в Москве графу Шуленбургу план установления контактов с СССР. С помощью офицеров штаба группы армий «Центр» намечалось переправить Шуленбурга за линию фронта для ведения переговоров о заключении компромиссного

²“Manifest an die Wehrmacht und das deutsche Volk” // Organ des NKFD Wochenzeitung “Freies Deutschland”. 19.07.1943. Nr. 1.

мира. Об этом плане осенью 1943 года Тресков беседовал с Гёрделером. Однако план Трескова так и не начал воплощаться в жизнь¹.

Есть данные, что заговорщик из МИДа Адам фон Трот цу Зольц в июле 1944 года искал контакта с НКСГ через посольство СССР в Швеции [Wuermeling, 2004]². Советник советского посольства в Стокгольме В. С. Семёнов отмечал: «Не исключено, что отдельные немецкие представители ... искали контакты с советской миссией и при этом искренне хотели способствовать скорейшему окончанию войны. Но каждая попытка в этом направлении могла быть воспринята лишь как провокация с целью внести недоверие в ряды антигитлеровской коалиции» [Semjonow, 1995, с. 149].

Достижением российских историков является публикация «собственноручных показаний» участника заговора «20 июля» майора Генштаба Иоахима Куна [Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г., 2002; Хавкин, 2014]. Документы по делу Куна, опубликованные в России и Германии – это новая страница в изучении заговора и его места в истории Сопrotивления [Хавкин, 2023; Hoffmann, 2007].

После провала заговора Кун перешел линию фронта и сдался Красной Армии. Как писал рейхслайтеру М. Борману 10 августа 1944 года шеф СД Э. Кальтенбруннер, «не будет удивительно, если перебежавший к большевикам майор Кун появится в Национальном комитете»³. Однако советские

инстанции не дали Куну связаться с НКСГ и СНО [Ueberschär, 1995].

Попытки установления контакта между участниками заговора и НКСГ – СНО, несмотря на их неудачу, доказывают, что антигитлеровская оппозиция в рейхе и на Восточном фронте была информирована о деятельности НКСГ и СНО и стремилась к взаимодействию с ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К сожалению, как пропагандистская деятельность НКСГ и СНО, так и жертвенная борьба участников покушения на Гитлера, не привели германское Сопrotивление к успеху. Как скептически отметил М. Бросцат, «консервативное Сопrotивление Гитлеру достойно моральной славы. Но политически оно оказалось не менее беспомощным, чем консервативные партнеры Гитлера в 1933 года» [Бросцат, 2005]. Нацизм был повержен не самими немцами, а вооруженными силами Советского Союза и его союзников по антигитлеровской коалиции. Вторая мировая война в Европе завершилась ликвидацией Третьего рейха как государства и судом в Нюрнберге.

Несмотря на неудачу, антигитлеровское Сопrotивление немцев стало важным фактором государственной политики «преодоления прошлого» в ФРГ. Эта проблема внимательно изучается историками, причем не только немецкими, но и российскими.

¹Kaltenbrunner-Berichte. S. 308, 492–495. Цит. по: [Финкер, 1976, с. 173].

²См. также: Kaltenbrunner-Berichte, S.201; Venohr W. Op. cit., S. 364;

³Aus dem Schreiben des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD Kaltenbrunner an den Reichsleiter Bormann vom 10. August 1944 // „SpiegelbildeinerVerschwörung“. Die Opposition gegen Hitler und der

Staatsstreichvom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Stuttgart, 1961, S. 190.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Steinbach P. Widerstand im Widerstreit. Paderborn, 1994.
2. Ватлин А. Ю. Немецкое антигитлеровское Сопrotивление в историографии СССР и России // Новая и Новейшая история. 2015. № 1. С. 155–165.
3. Моммзен Г. Оппозиция Гитлеру и немецкое общество в 1933–1945 гг. // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / пер. с нем. М.: Весь мир, 1997. С. 263–276.
4. Ali G. H. Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus, Frankfurt/M., 2005.
5. Heinemann, W. Der Widerstand gegen das NS-Regime und der Krieg an der Ostfront // Militärgeschichte. 1998. No. 8, 49–55.
6. Heinemann W. Der militärische Widerstand // Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung. 2004. № 2. S. 4–9.
7. Борзняк А. И. ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия. Проблема «преодоления прошлого». М.: Интердиалект+, 1999.
8. Wette W. Reichswehr, Antisemitismus und militärischer Widerstand // NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler. Darmstadt, 2000.
9. Wentker H. Der Widerstand gegen Hitler und der Krieg. Oder: Was bleibt vom „Aufstand des Gewissens“? // Der 20. Juli 1944 – Profile, Motive, Desiderate. Berlin, 2008. S. 9–32.

10. Graml H. Die außenpolitischen Vorstellungen des deutschen Widerstandes // Widerstand im Dritten Reich: Probleme, Ereignisse, Gestalten. Frankfurt/M., 1984. S. 92–139.
11. Hildebrand K. Die ostpolitischen Vorstellungen im deutschen Widerstand // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1978. № 29. S. 213–241.
12. Mommsen H. Die Stellung der Militäropposition im Rahmen der deutschen Widerstandsbewegung gegen Hitler // NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler. Darmstadt, 2000. S. 119–134.
13. Безыменский Л. А. Гитлер и германские генералы. М.: Вече, 2004.
14. Müller K.-J. General Ludwig Beck: Studien und Dokumente zur politisch-militärischen Vorstellungswelt und Tätigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933–1938. Boppard, 1980.
15. Venohr W. Stauffenberg: Symbol der deutschen Einheit: eine politische Biographie. Frankfurt/M., 1990.
16. Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941–1944. Hamburg, 1999.
17. Boeselager Ph. von. Wir wollen Hitler töten. München, 2008.
18. Finker K. Die Stellung der Sowjetunion und der sowjetischen Geschichtsschreibung zum 20 Juli 1944 // Der 20 Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Köln, 1994, S. 38–54.
19. Хавкин Б. Л. Российская историография германского антигитлеровского Сопротивления // Преподавание истории и обществознания в школе. 2010. № 8. С. 8–14.
20. Бродский Е. А. Заговор 20 июля и социально-политический характер гёрделевской оппозиции: дис. ... канд. ист. наук. М., 1949.
21. Деборин Г. А. Вторая мировая война. Военно-политический очерк / под ред. генерал-майора И. И. Зубкова. М.: Военное изд-во МО Союза ССР, 1958.
22. Коваль В. С. Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 год. Киев: Изд-во академии наук Украинской ССР, 1961.
23. Розанов Г. Л. Конец «третьего рейха». М.: Международные отношения, 1990.
24. Мельников Д. Е. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Легенда и действительность. М.: Изд-во Института международных отношений, 1962.
25. Черкасов Н. С. Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 года в Германии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 5. Томск: Б.м. 1967. С. 121–139.
26. Комолова Н. П., Бровко Л. Н., Савина И. С. Идеи и программы Сопротивления // Движение Сопротивления в Зап. Европе, 1939–1945: общие проблемы. М.: Наука, 1990. С. 123–155.
27. Хавкин Б. Л. Германский национал-социализм и антигитлеровское сопротивление. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017.
28. Хавкин Б. Л. «Теневой канцлер» антигитлеровской оппозиции Карл Фридрих Гёрделер и Россия // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 93–112.
29. Невский С. И. Между политическим консерватизмом и экономическим либерализмом: Карл Фридрих Гёрделер и его концепция «другой Германии» после свержения нацистской диктатуры // Электронный журнал «История». 2019. Вып. 5. Т. 10. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=57679&p=attachment> (дата обращения: 21.12.2022).
30. Ватлин А. Ю. Сопротивление диктатуре как научная проблема: германский опыт и российская перспектива // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 20–37.
31. Борозняк А. И. Германское Сопротивление в трактовках отечественной исторической науки // Германия и Россия. События, образы, люди. Вып. 1. Воронеж, 1998. С. 160–180.
32. Wuermeling H. „Doppelspiel“. Adam von Trott zu Solz im Widerstand gegen Hitler. München, 2004.
33. Semjonow W. S. Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin, 1995.
34. Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. Из ЦА ФСБ РФ ; предисл. и коммент. А. М. Калганова, Б. Л. Хавкина // Новая и Новейшая история. 2002. № 3. С. 148–159.
35. Хавкин Б. Л. Россия и Германия. 1900–1945. Сплетение истории. М.: Новый хронограф, 2014.
36. Хавкин Б. Л. «Собственноручные показания» майора Куна как источник по истории немецкого антигитлеровского Сопротивления // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 112–126.
37. Hoffmann P. Stauffenbergs Freund. Die tragische Geschichte des Widerstandskämpfers Joachim Kuhn. München, 2007.
38. Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга. М.: Прогресс, 1976.
39. Ueberschär G. Das NKFD und der BDO im Kampf gegen Hitler // Das Nationalkomitee „Freies Deutschland“ und der Bund Deutscher Offiziere. Hrsg. von G. Ueberschär. Frankfurt/M., 1995.
40. Бросчат М. Закат тысячелетнего рейха. М.: Яуза : Эксмо, 2005.

REFERENCES

1. Steinbach, P. (1994). *Widerstand im Widerstreit*. Paderborn.

2. Vatlin, A. Yu. (2015). The German Anti-Hitlerite Resistance in the Historiography of the USSR and Russia *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1, 155–165. (In Russ.)
3. Mommsen, G. (1997). *Oppozitsiya Gitleru i nemetskoye obshchestvo v 1933–1945 gg. Vtoraya mirovaya voyna. Diskussii. Osn. tendentsii. Rezultaty issledovaniy = The opposition to Hitler and German society in 1933–1945. The Second World War. Discussions. Main trends. Research results. Transl. from German (pp. 263–276). Moscow: Ves' mir.* (In Russ.)
4. Ali, G. H. (2005). *Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus.* Frankfurt/M.
5. Heinemann, W. (1998). *Der Widerstand gegen das NS-Regime und der Krieg an der Ostfront.* *Militär-geschichte*, 8, 49–55.
6. Heinemann, W. (2004). *Der militärische Widerstand.* *Militär-geschichte. Zeitschrift für historische Bildung*, 2, 4–9.
7. Boroznyak, A. I. (1999). *FRG: opyt stanovleniya antitotalitarnogo soglasiya. Problema "preodoleniya proshlogo" = Germany: the experience of the formation of an anti-totalitarian consensus. The problem of "overcoming the past".* Moscow: *Interdialekt+* (In Russ.)
8. Wette, W. (2000). *Reichswehr, Antisemitismus und militärischer Widerstand. NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler.* Darmstadt.
9. Wentker H. (2008). *Der Widerstand gegen Hitler und der Krieg. Oder: Was bleibt vom „Aufstand des Gewissens“? Der 20. Juli 1944 – Profile, Motive, Desiderate (pp. 9–32).* Berlin.
10. Graml, H. (1984). *Die außenpolitischen Vorstellungen des deutschen Widerstandes. Widerstand im Dritten Reich: Probleme, Ereignisse, Gestalten (SS. 92–139).* Frankfurt/M.
11. Hildebrand, K. (1978). *Die ostpolitischen Vorstellungen im deutschen Widerstand. Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 29, 213–241.
12. Mommsen, H. (2000). *Die Stellung der Militäropposition im Rahmen der deutschen Widerstandsbewegung gegen Hitler NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler.* Darmstadt, 119–134.
13. Bezymenskiy, L. A. (2004). *Gitler i germanskiye generally = Hitler and the German generals.* Moscow: *Veche.* (In Russ.)
14. Müller, K.-J. (1980). *General Ludwig Beck: Studien und Dokumente zur politisch-militärischen Vorstellungswelt und Tätigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933–1938.* Boppard.
15. Venohr, W. (1990). *Stauffenberg: Symbol der deutschen Einheit: eine politische Biographie.* Frankfurt/M.
16. Gerlach, Ch. (1999). *Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941–1944.* Hamburg.
17. Boeselager, Ph. von. (2008). *Wir wollen Hitler töten.* München.
18. Finker, K. (1994). *Die Stellung der Sowjetunion und der sowjetischen Geschichtsschreibung zum 20 Juli 1944. Der 20 Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime.* Köln, 38–54.
19. Khavkin, B. L. (2010). *Rossiyskaya istoriografija germanskogo antigitlerovskogo Soprotivleniya = Russian Historiography of the German Anti-Hitler Resistance. Prepodavaniye istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, 8, 8–14. (In Russ.)
20. Brodskij, E. A. (1949) *Zagovor 20 iulja i social'no-politicheskij harakter gjordelevskoj oppozicii = The July 20 Plot and the Socio-Political Character of Gördel's Opposition: PhD in History.* Moscow. (In Russ.)
21. Deborin, G. A. (1958) *Vtoraja mirovaja vojna. Voенно-politicheskij oчерk = World War II: A Military and Political Essay / Major General I. I. Zubkov (ed.).* Moscow: *Voенное izdatel'stvo Ministerstva oborony Sojuza SSR.* (In Russ.)
22. Koval', V. S. (1961) *Pravda o zagovore protiv Gitlera 20 ijulja 1944 god = The Truth About the Plot Against Hitler on July 20, 1944.* Kiev: *Izdatel'stvo akademii nauk Ukrainskoj SSR.* (In Russ.)
23. Rozanov, G. L. (1990). *Konets „tretyego reykhа“ = The end of the Third Reich.* Moscow: *Mezhdunarodnye otnosheniya.* (In Russ.)
24. Melnikov, D. E. (1962). *Zagovor 20 iyulya 1944 g. v Germanii. Legenda i deystvitel'nost = The conspiracy of July 20, 1944 in Germany. Legend and reality.* Moscow: *Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnyh otnoshenij.* (In Russ.)
25. Cherkasov, N. S. (1967). *Istoriografija FRG o patrioticheskom napravlenii v zagovore 20 ijulja 1944 goda v Germanii = Historiography of the Federal Republic of Germany on the patriotic trend in the conspiracy of July 20, 1944 in Germany. Metodologicheskiye i istoriograficheskiye voprosy istoricheskoy nauki*, 5, 121–139. (In Russ.)
26. Komolova, N. P., Brovko, L. N., Savina, I. S. (1990). *Idei i programmy Soprotivleniya = Ideas and programs of Resistance. Dvizheniye Soprotivleniya v Zap. Evrope. 1939–1945: obshchiye problemy (pp. 123–155).* Moscow: *Nauka.* (In Russ.)
27. Khavkin, B. L. (2017). *Germanskiy natsional-sotsializm i antigitlerovskoye Soprotivleniya = German National Socialism and the Anti-Hitler Resistance.* Moscow: *Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK.* (In Russ.)
28. Khavkin, B. L. (2022). *The “Shadow Chancellor” of the anti-Hitler opposition, Karl Friedrich Goerdeler, and Russia. *Intelligentsia and the World**, 3, 93–112. (In Russ.)
29. Nevski, S. I. (2019) *Between Political Conservatism and Economic Liberalism: Carl Friedrich Goerdeler and His Concept of “the Other Germany” after the Overthrow of the Nazi Dictatorship. ISTORIYA*, 5(10). <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=57679&p=attachment> (date of attachment: 21.12.2022). (In Russ.)

30. Vatlin, A. Yu. (2000). Resistance to dictatorship as a Scientific problem: the German experience and the Russian perspective. *Voprosy istorii*, 11–12, 20–37. (In Russ.)
31. Boroznyak, A. I. (1998). *Germanskoe Soprotivlenie v traktovkah otechestvennoj istoricheskoy nauki = German Resistance in the interpretation of the fatherland of Historical science. Germaniya i Rossiya. Sobytiya. obrazy. lyudi*, 1, 160–180. (In Russ.)
32. Wuermeling, H. (2004). „Doppelspiel“. Adam von Trott zu Solz im Widerstand gegen Hitler. München.
33. Semjonow, W. S. (1995). Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbesJahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin.
34. Kalganov, A. M., Khavkin, B. L. (eds). (2002). Novyy istochnik po istorii zagovora protiv Gitlera 20 iyulya 1944 g. Iz TsA FSB RF = A new source on the history of the conspiracy against Hitler on July 20, 1944 From the Central Office of the FSB of the Russian Federation. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 3, 148–159. (In Russ.)
35. Khavkin, B. L. (2014). *Rossiya i Germaniya. 1900–1945. Spleteniyе istorii = Russia and Germany. 1900–1945. A tangle of history. Moscow. Moscow: Novyj hronograf*. (In Russ.)
36. Khavkin, B. L. (2023). «Major Kuhn's "Handwritten testimony" as a source on German history. The Anti-Hitler Resistance. *Sibir gumanitarnaya*, 2, 112–126. (In Russ.)
37. Hoffmann, P. (2007). *Stauffenbergs Freund. Die tragische Geschichte des Widerstandskämpfers Joachim Kuhn*. München.
38. Finker, K. (1976). *Zagovor 20 ijulja 1944 goda. Delo polkovnika Shtauffenberga = The July 20, 1944 conspiracy. The case of Colonel Claus Graf Schenk von Stauffenberg. Moscow: Progress*. (In Russ.)
38. Ueberschär G. (1995). *Das NKFD und der BDO im Kampf gegen Hitler. Das Nationalkomitee „Freies Deutschland“ und der Bund Deutscher Offiziere. Hrsg. von G. Ueberschär. Frankfurt/M.*
39. Brostsat, M. (2005). *Zakat tysyacheletnego reykhа = The decline of the Millennial Reich. Moscow: Jauza: Jeksmo* (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хавкин Борис Львович

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Российского государственного гуманитарного университета

Божик Кристина Богдановна

кандидат исторических наук
доцент кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khavkin Boris L'vovich

Doctor of History (Dr. habil), Professor
Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy
Russian State University for the Humanities

Bozhik Kristina Bogdanovna

PhD (History)
Associate Professor at the Politology Department
Institute of International Relations and Social-Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	07.10.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.10.2025	approved after reviewing
принята к публикации	27.11.2025	accepted for publication

Характер отношения молодежи к дополнительному образованию: кейс на основе использования метода семантического дифференциала

М. О. Бессонова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
margobes@mail.ru*

Аннотация. Дополнительное образование выступает объектом исследований разных отраслей науки, в том числе социологии. Для понимания современного состояния изучаемого явления могут применяться как статистические данные, так и количественные и качественные методы. Цель статьи заключается в проведении сравнительного анализа отношения молодежи к высшему и дополнительному образованию. Данный подход позволит выявить преимущества исследуемой образовательной траектории перед высшим уровнем, определить достоинства, которые отражаются на более высоком уровне удовлетворенности. Для этого была выбрана методика семантического дифференциала – одного из наиболее эффективных методов изучения мотивов и потребностей молодых людей. В качестве эмпирической базы исследования использованы результаты авторского опроса российской молодежи 18–35 лет (N=1011). Расчеты по методике семантического дифференциала выявили более позитивное отношение молодых людей к различным формам дополнительного образования, нежели к получаемому / полученному ими высшему образованию. Кроме того, использование бинарных шкал позволило разработать и обосновать типологию респондентов по их отношению к двум образовательным траекториям. Проведенная апробация показала эффективность использования методики семантического дифференциала при изучении проблем образования.

Ключевые слова: молодежь, дополнительное образование, высшее образование, методы исследования, семантический дифференциал, установки

Для цитирования: Бессонова М. О. Характер отношения молодежи к дополнительному образованию: кейс на основе использования метода семантического дифференциала // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 90–99.

Original article

The Nature of Youth's Attitude to Additional Education: the Case Based on the Use of the Semantic Differential Method

Margarita O. Bessonova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
margobes@mail.ru*

Abstract. Additional education is the object of research in various fields of science, including sociology. Statistical data as well as quantitative and qualitative methods can be used to understand the current state of the phenomenon under study. The main aim of the article is to conduct a comparative analysis of the attitude of young people to higher and additional education, as this approach will reveal the advantages of the studied educational trajectory over higher education, those advantages that are reflected in a higher level of satisfaction. For this purpose, the semantic differential method was chosen as one of the most effective methods for studying the motives and needs of young people. The empirical basis was formed by results of the author's survey of Russian youth aged 18-35 (N=1011). Calculations based on the semantic differential methodology revealed a more positive attitude of young people towards various forms of additional education than

towards the higher education. More than that, the use of binary scales made it possible to develop and substantiate the typology of respondents in their relation to two educational trajectories. The conducted approbation has shown the effectiveness of using the semantic differential methodology in the study of educational problems.

Keywords: youth, additional education, high education, methods of research, semantic differential, attitude

For citation: Bessonova M. O. 2025. The nature of youth's attitude to additional education: the case based on the use of the semantic differential method. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 4(861), 90–99. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Высшее образование как один из основных институтов профессиональной социализации не в полной мере удовлетворяет запросы и потребности молодого поколения в получении необходимого уровня квалификации. Эти пробелы могут восполняться институтом дополнительного образования. Кроме того, дополнительное образование компенсирует «дефициты семейного воспитания, системы общего образования, способствует профессиональному определению» [Бессчетнова, Бободин, 2025, с. 17–18].

Очевидно, что высшее и дополнительное образование – это категории, находящиеся на разных уровнях в исследуемой структуре. Высшее образование является базисом профессионального становления и социализации личности. Дополнительное же подразумевает лишь дальнейшее развитие траекторий. Однако сравнительный анализ восприятия обоих сегментов образования необходим для понимания сильных и слабых сторон каждого направления в сфере получения знаний. Это может быть использовано для улучшения механизма функционирования обеих систем. В рамках проводимого исследования хотелось бы выявить те параметры, которые могут повысить удовлетворенность обучением среди молодежи, а также модернизировать базу знаний и сделать ее более актуальной и соответствующей требованиям рынка труда.

В первую очередь, необходимо сформировать понимание явления «дополнительного образования». С точки зрения правового подхода, закрепленном в федеральном законе, **дополнительное образование** «направлено на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени»¹.

Отдельные элементы и особенности дополнительного образования рассматривались через призму различных научных подходов, в том числе и социологического. Российский социолог Г. Е. Зборовский отмечал, что это направление обучения можно изучать как социально значимый механизм адаптации молодых людей к нестабильной взрослой жизни [Зборовский, Шуклина, 2005]. При этом дополнительное обучение способствует повышению мотивации и стремлению к разностороннему развитию личности.

Отдельно необходимо упомянуть дополнительное профессиональное образование, которое является частью предыдущего направления в сфере получения знаний. Многие исследователи рассматривают его как «единственно возможную образовательную систему, позволяющую оперативно реагировать на меняющиеся запросы экономики и общества» [Тур, Тур, 2022, с. 140].

Сложность объекта исследования обуславливает использование всего арсенала методов социологической науки, в том числе методики семантического дифференциала. Это открывает широкие возможности для более детального анализа установок и мотивов молодежи на вовлеченность в различные формы дополнительного образования.

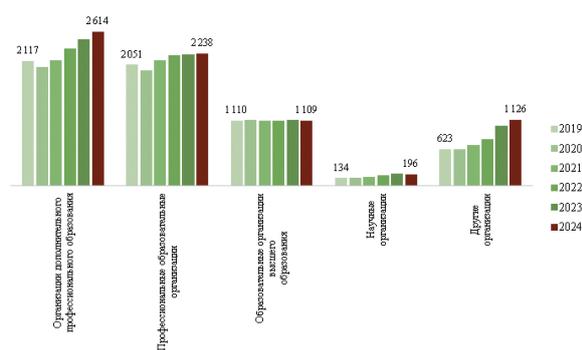
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Очевидно, одним из наиболее распространенных способов изучения проблем дополнительного образования является *официальная статистика*. Ее отличительная особенность заключается в объективности показателей. Кроме того, статистические данные отражают ситуацию с обеих сторон рынка: и со стороны потребителей, и со стороны агентов, предлагающих соответствующие услуги, в виде образовательных учреждений.

Например, ежегодно Институт статистических исследований и экономики знаний Национального

¹Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 75).

URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/ (дата обращения: 25.11.2025).

Рис. 1. Динамика численности организаций, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам (2019–2024)

исследовательского университета «Высшая школа экономики» обобщает данные Росстата, Минобрнауки России, ОЭСР, Евростата и публикует отчеты в виде справочных изданий. Так, одним из отслеживаемых им показателей является количество организаций, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам [Образование в цифрах: краткий статистический сборник, 2025] (см. рис. 1).

Опираясь на представленную динамику, можно констатировать, что значительный рост количества организаций дополнительного образования свидетельствует о возрастающем потребительском интересе к данному направлению обучения. Более того, согласно сформированному тренду, количество учреждений дополнительного профессионального образования продолжит расти, поскольку растет спрос на их услуги.

Тем не менее официальная статистика охватывает не только агентов социализации в виде представителей образовательного рынка. Ее данные также отражают и потребительское поведение. В докладе о реализации образовательных программ федерального проекта «Содействие занятости» анализируются карьерные позиции, занимаемые слушателями после завершения обучения в различных видах профессионального образования [Коршунов, Ширкова, Ерегина, 2025] (см. рис. 2). Статистические данные характеризуют эффективность функционирования образовательных учреждений по подготовке профессиональных кадров.

Помимо статистических методов исследования проблем сферы образования широкое использование получили методы социологических анкетных опросов и глубинные интервью различных категорий участников, а также анализ документации и тематических публикаций в СМИ.

Рис. 2. Структура трудоустройства выпускников образовательных учреждений по должностному положению, %

Данная совокупность процедур активно применяется как крупными исследовательскими корпорациями, научно-исследовательскими подразделениями вузов, так и отдельными специалистами.

Так, проблемы «непрерывного обучения» не раз становились объектом анализа Всероссийского центра изучения общественного мнения¹. Роль высшего образования в жизни населения рассматривалось в исследовании Фонда «Общественное мнение»². Компания «Ромир» составила портрет россиянина, готового к прохождению дополнительного образования (18–24 лет, имеет высшее образование, обладает высоким доходом, занят в торговле, др.)³.

Образовательные платформы отслеживают потребительское поведение своей потенциальной аудитории. Например, Skillbox представил результаты опроса, согласно которым 79 % взрослых респондентов уже записались на какие-то курсы с 1 сентября или собираются это сделать в ближайшее время⁴.

Проводимые исследования позволяют зафиксировать поведенческие аспекты, паттерны

¹Обучение длиною в жизнь // ВЦИОМ, 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn>; Обучение длиною в жизнь // ВЦИОМ, 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1> (дата обращения: 25.11.2025).

²Высшее образование // ФОМ, 2025. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/15187> (дата обращения: 25.11.2025).

³Больше половины россиян готовы получать дополнительное профессиональное образование // РОМИР. 2024. URL: <https://romir.ru/feed/bolshe-pолоviny-rossiyan-gotovy-poluchat-dopolnitelnoe-professionalnoe-obrazovanie> (дата обращения: 25.11.2025).

⁴Почти 80% взрослых россиян из крупных городов начнут какое-нибудь обучение 1 сентября // Skillbox Media, 2025. URL: <https://skillbox.ru/media/education/pochti-80-vzroslyh-rossiyan-iz-krupnyh-gorodov-nachnut-kakoe-nibud-obuchenie-1-sentyabrya/> (дата обращения: 25.11.2025).

и мотивы деятельности обучаемых. Однако для лучшего понимания их учебных потребностей, глубинных установок и факторов мотивации требуется применение и других методов. Например, с использованием более сложных процедур измерений, предназначенных для фиксации субъективного восприятия преимуществ и недостатков дополнительного профессионального образования через его оценку по биполярным шкалам.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ КАК МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ АСПЕКТОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одним из таких подходов является *семантический дифференциал*. Методика подходит для изучения отношения молодежи к дополнительному образованию именно за счет своей универсальности и простоты расчета. Некоторые исследователи сравнивали данный метод с другими подходами и приходили к выводу, что семантический дифференциал оптимально отражает свойства объекта в представлении респондентов [Friborg, Martinussen, Rosenvinge, 2006].

Разработавший методику американский психолог Ч. Осгуд предложил использовать шкалы, противопоставляющие пару полярных прилагательных для описания отношения респондентов к объекту [Osgood, May, Miron, 1975]. Изначально им было использовано 9 парных суждений: хороший – плохой, чистый – грязный, ценный – ненужный, большой – маленький, сильный – слабый, тяжелый – легкий, активный – пассивный, быстрый – медленный, горячий – холодный [Osgood, 1952]. Затем были выделены три ключевые группы факторов: *оценка* (хороший – плохой), *сила* (сильный – слабый) и *активность* (активный – пассивный) [Osgood, 1976].

При использовании методики для изучения проблем дополнительного образования на основе этих трех параметров нами были разработаны следующие пары прилагательных: бесполезный – полезный (оценка), скучный – интересный (активность), бессмысленный – важный (сила), бесперспективный – актуальный (активность), излишний – необходимый (оценка / сила).

Приоритетная задача нашего исследования заключалась в том, чтобы рассмотреть отношение молодежи к дополнительному профессиональному образованию. Онлайн-анкетирование было проведено в июне – июле 2025 года. Всего по репрезентативной выборке (по параметру пола) было опрошено 1011 респондентов из числа российской молодежи в возрасте 18–35 лет, что соответствовало потенциальной аудитории обеих форм

образования. Однако для полного понимания проблемы потребовалось сравнить также отношение респондентов и к высшему образованию, поскольку неудовлетворенность им является одной из причин обращения к возможностям дополнительного образования.

Исследование проводилось среди молодежи, получившей или получающей высшее образование по укрупненной группе специальностей (УГС) «Науки об обществе и человеке»¹. Направления подготовки, входящие в указанную УГС, не предполагают обязательного прохождения их выпускниками курсов повышения квалификации, например, в отличие от медицинских специальностей. Другими словами, респонденты были свободны относительно принятия решения о прохождении дополнительных курсов, и сделанный ими выбор является их личной ответственностью.

В ходе исследования респондентам предлагалось оценить по 7-звенной шкале (от -3 до 3) 5 пар антонимов, отмеченных выше. Эти категории были отобраны на основе ответов респондентов на открытые вопросы относительно удовлетворенности разными направлениями обучения. Шкала предоставляется без знаков «+» и «-» для объективности исследования.

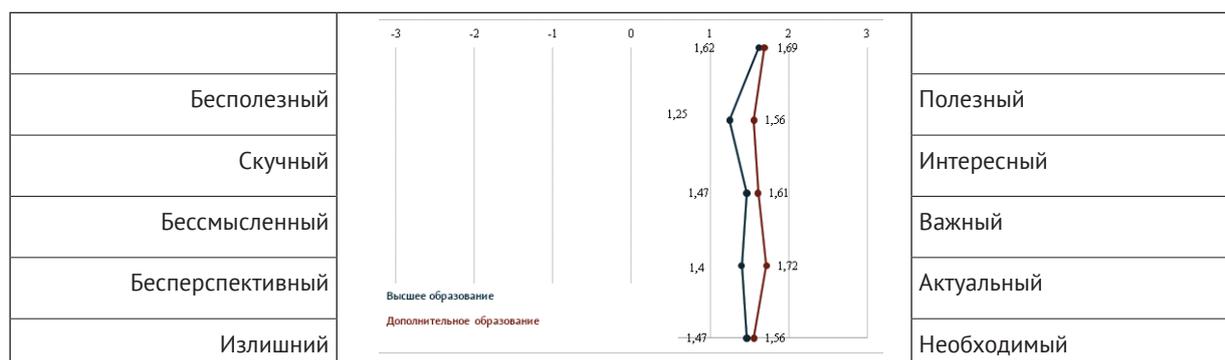
Максимально возможное количество баллов достигало 15. Это свидетельствует о позитивном отношении респондента к дополнительному или высшему образованию (среднее арифметическое равно 3). Минимальное количество баллов (-15) выражало негативное восприятие того или иного института (среднее арифметическое равно -3). Следовательно, можно выделить следующие промежутки: (-3) – (-0,5) – негативное отношение; (-0,4) – (+0,4) – нейтральное отношение; 0,5 – 3 – положительное отношение.

Согласно подходу Ч. Осгуда, если интерес представляет группа в целом, а не отдельные индивиды, то необходимо суммировать и усреднить значения по количеству объектов, участвующих в исследовании [Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957].

Среднее значение дает возможность охарактеризовать общее настроение среди молодежи. Усредненный показатель составляет 1,6 (в промежутке от -3 до +3), поэтому можно сказать, что *респонденты относятся положительно к дополнительному образованию*.

Если рассматривать отдельно среднее отношение к высшему образованию, то можно также

¹Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Приказ от 1 февраля 2022 г. № 89 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования...» (зарегистрирован Минюстом РФ 3 марта 2022 № 67610). Приложение.

Рис. 3. Средние значения шкал семантического дифференциала по параметрам отношения респондентов к высшему и дополнительному образованию

отметить *позитивную направленность семантического дифференциала*, но несколько меньшее значение (1,4). С одной стороны, разница между двумя показателями не такая значительная, чтобы делать однозначные выводы. С другой – полученный результат дает основание для сравнения значений по каждой из пар прилагательных. Рассчитанные параметры представлены на рисунке 3.

Можно сделать несколько выводов. Значения всех показателей превышают один балл. Следовательно, в целом респонденты *позитивно оценивают* как дополнительное, так и высшее (полученное или получаемое) образование.

Тем не менее обратим внимание на то, что наибольшее различие наблюдается у показателей «интереса» и «актуальности», а затем «важности». Признаки «полезности» и «необходимости» находятся на одном уровне.

Вероятно, респонденты считают, что высшее образование уступает дополнительному по своему информационному объему и по степени своей актуальности. Кроме того, такое снижение оценок может объясняться возможностями дополнительного образования для самостоятельного выбора направления обучения и большей ориентацией на собственные предпочтения (в отличие от высшего образования, которое часто может быть «навязано» со стороны каких-либо лидеров мнений, например, родителей).

Среди респондентов, которые на момент проведения опроса проходят обучение (но не работают), наблюдаются более высокие оценки высшего образования, нежели дополнительного (1,6 по сравнению с 1,4). Обратный тренд отмечается среди работающей молодежи. Возможно, встреча с реальными задачами в профессиональной сфере выявляет недостатки, «белые пятна», требующие дальнейшей проработки (в том числе и в рамках дополнительных курсов).

Таким образом, по мнению респондентов, небольшое преимущество дополнительного образования перед высшим образованием заключается в его привлекательности и в большем соответствии современному подходу к получению знаний. Возможно, различия были не такими значимыми в связи с тем, что дополнительное обучение только начинает занимать полноценное место в системе образования. Для подтверждения данной гипотезы и формулирования дальнейших выводов необходимо отслеживать ситуацию в мониторинговом режиме с регулярной фиксацией характера отношения молодежи к данным образовательным направлениям.

ТИПОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ФОРМАМ ОБРАЗОВАНИЯ

Полученные результаты могут быть полезны не только для формирования представления общей картины отношения молодых людей к дополнительному и высшему образованию. Методика семантического дифференциала изначально предполагает возможность выделения типов в зависимости от негативного, нейтрального или позитивного отношения к тем или иным явлениям.

Тем не менее в описанном исследовании интерес привлекают два элемента системы образования. Соответственно, предполагаемую типологию можно построить «на пересечении» двух индикаторов.

Как отмечалось ранее, шкала оценки является 7-звенной. Соответственно, среднее значение также можно измерять по 7-звенной шкале. Для наглядности средние показатели для высшего образования и дополнительного направления были разделены на две категории: от -3 до 0 (включительно); больше 0 (максимальное значение 3). Так, «пересечение» двух линий дает возможность

ТИПОЛОГИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБРАЗОВАНИЮ
(значения методики семантического дифференциала)

		Дополнительное образование			
		Негативное отношение		Положительное отношение	
Высшее образование	Негативное отношение	1. «Критики»	$\bar{X}_{\text{ВО}} > 0$ $\bar{X}_{\text{ДО}} \leq 0$	2. «Свободные»	$\bar{X}_{\text{ВО}} \leq 0$ $\bar{X}_{\text{ДО}} > 0$
	Положительное отношение	3. «Классики»	$\bar{X}_{\text{ВО}} > 0$ $\bar{X}_{\text{ДО}} \leq 0$	4. «Умники»	$\bar{X}_{\text{ВО}} > 0$ $\bar{X}_{\text{ДО}} > 0$

выделить следующие типы молодых людей в зависимости от их отношения к высшему и дополнительному образованию (см. табл. 1).

1. Респонденты не удовлетворены получаемым или полученным высшим образованием, а также критически настроены по отношению к дополнительным занятиям. Данный тип можно охарактеризовать как «Критики».

2. Молодые люди не довольны классическим образованием, но позитивно смотрят на возможность самостоятельного выбора направлений обучения, исходя из собственных интересов – «Свободные».

3. «Классики» сомневаются в том, что дополнительные курсы могут стать полноценной заменой имеющегося образования. Они придерживаются позитивного восприятия системы высшего образования.

4. Следующий тип можно определить, как «умники». Они положительно оценивают обе формы обучения, не зацикливаясь на их различиях.

Основываясь на описании типов и их соответствующих интервалах шкал, было получено распределение, представленное на рисунке 4.

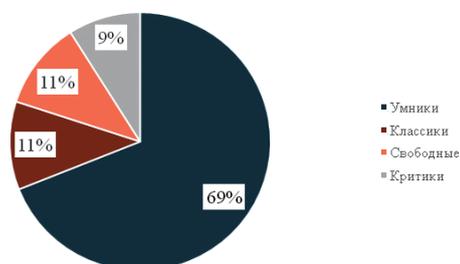

Рис. 4. Распределение типов молодежи на основе показателей семантического дифференциала

Абсолютное большинство респондентов (69 %) характеризуется позитивным отношением

и к высшему, и к дополнительному образованию (что является подтверждением выводов, сделанных на основе показателей среднего арифметического). «Критики» занимают наименьшую долю (9 %). «Классики» и «Свободные» находятся на одном уровне (11 %).

Таким образом, можно предположить, что молодые люди открыты к новым знаниям, готовы учиться и проявлять активность. С одной стороны, они поддерживают устоявшееся мнение о необходимости высшего образования, с другой стороны, стремятся совершенствовать и обновлять свои профессиональные навыки в системе дополнительного образования.

Для подтверждения различий в установках выделенных типов целесообразно рассмотреть особенности восприятия ими дополнительного и высшего образования, а также их паттерны поведения.

Так, по показателю удовлетворенности выбранной специальностью и качеством полученного / получаемого высшего образования наблюдаются схожие тенденции. Большая неудовлетворенность имеющимся опытом, в первую очередь, отмечается у «Критиков» и «Свободных». Вывод совпадает с оценками, данными респондентами относительно высшего образования (по методике семантического дифференциала). Наибольший процент позитивно настроенных отмечается среди «Умников» (см. рис. 5).

Подробно остановимся на рассмотрении индикаторов, связанных с удовлетворенностью полученной / получаемой специальностью (табл. 2).

Прослеживается определенная зависимость между низкими оценками высшего образования и, отчасти, дополнительного образования и степенью удовлетворенности своей специальностью.

Обратим внимание на тип «Свободные» – у данной группы абсолютное большинство

Рис. 5. Степень удовлетворенности полученной / получаемой специальностью и качеством высшего образования в зависимости от типологии респондентов

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТОВ ПО ПРИЗНАКАМ, СВЯЗАННЫХ СО СПЕЦИАЛЬНОСТЬЮ В СООТВЕТСТВИИ С ТИПОЛОГИЕЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ

Показатель	Вопрос	Критики	Свободные	Классики	Умники
Смена специальности	Если бы у Вас появилась возможность, Вы бы сменили специальность?	46 % хотели бы сменить специальность	70 % хотели бы сменить специальность	42 % не хотели бы менять проф. деятельность	46 % не хотели бы менять проф. деятельность
		35 % – «нет» 19 % – «3/0»	12 % – «нет» 18 % – «3/0»	36 % – «да» 22 % – «3/0»	43 % – «да» 11 % – «3/0»
Уровень имеющихся знаний и навыков	Вам лично скорее хватает или не хватает знаний, навыков для профессиональной деятельности на Вашем основном месте работы / учебы?	52 % довольны своим уровнем знаний	49 % довольны своим уровнем знаний	65 % довольны своим уровнем знаний	71 % довольны своим уровнем знаний
		32 % – «скорее не хватает» 16 % – «3/0»	41 % – «скорее не хватает» 10 % – «3/0»	27 % – «скорее не хватает» 8 % – «3/0»	22 % – «скорее не хватает» 7 % – «3/0»
Работа по специальности	Вы работаете по специальности?	33 % не работают и не планируют работать по спец-ти	33 % не работают и не планируют работать по спец-ти	44 % работа по специальности (близка)	52 % работа по специальности (близка)
		25 % - работа по спец-ти (близка) 26 % - работа не по спец-ти 8 % - не работают, но планируют по спец-ти 6 % – «3/0»	26 % – работа по спец-ти (близка) 28 % – работа не по спец-ти 13 % – не работают, но планируют по спец-ти 4 % – «3/0»	22 % – работа не по спец-ти 23 % – не работают, но планируют по спец-ти 11 % – не работают и не планируют работать по спец-ти	18 % – работа не по спец-ти 16 % – не работают, но планируют по спец-ти 13 % – не работают и не планируют работать по спец-ти 2 % – «3/0»

Социологические науки

выразило готовность сменить род деятельности. Возможно, высшего образования им оказалось недостаточно, поэтому в дополнительном образовании респонденты видят средство для «компенсации дефицитов обучения».

Эта же категория респондентов характеризуется наименее высокой уверенностью в своих знаниях и навыках. Ее представители точно определяют слабые места в своей профессиональной подготовке и стремятся исправить ситуацию. Эта категория опрошенных демонстрирует более высокие оценки возможностей дополнительного образования.

Исходя из того, что «Классики» и «Умники» – наиболее позитивно настроенные к высшему образованию респонденты, у этих участников исследования можно наблюдать большую готовность работать по специальности. Их удовлетворенность получаемым / полученным образованием наблюдается не только в их оценочных суждениях, но и на практическом уровне (работа по специальности).

Различия проявляются и на уровне предпочтений, касающихся формата обучения в целом. Так, «Классики» в отличие от других типов респондентов не являются приверженцами онлайн-формата, а предпочитают его комбинировать с традиционными очными занятиями. Кроме того, данный тип по сравнению с другими группами опрошенных достаточно редко выбирал «самостоятельное обучение», предпочитая обучение под чьим-либо руководством.

«Свободные», в первую очередь, отдают предпочтение дистанционному формату проведения занятий. «Умники» в равной мере выбирают как онлайн-, так и офлайн-обучение. «Критики» демонстрируют наибольшие затруднения в выборе приоритетного формата обучения (см. рис. 6).

Дополнительную информацию дает отношение респондентов к самостоятельному формату обучения. Например, «Критики», будучи наиболее скептически настроенными к возможностям получения различных видов образования, редко выбирают способы, требующие от них большой активности. Для них предпочтителен просмотр профессиональных видео, как и в целом для всех участников исследования.

«Свободные», как отмечалось ранее, открыты новому и пробуют разные подходы: смотрят полезные ролики, слушают подкасты, посещают бесплатные мероприятия. «Классики», не привыкшие самостоятельно подбирать материал, по некоторым показателям продемонстрировали меньшую активность (просмотр профессиональных видео, прослушивание подкастов). При этом как у «Классиков», так и у «Критиков» наблюдается более

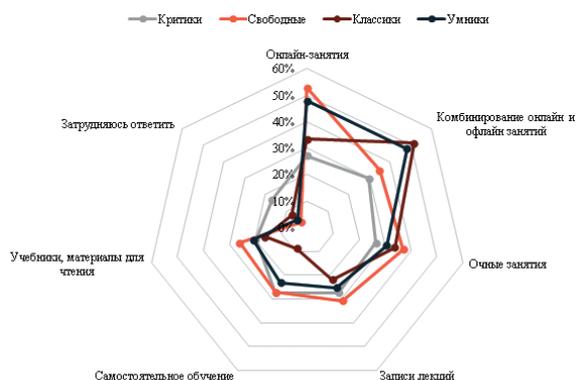

Рис. 6. Предпочитаемый формат обучения различными типами респондентов

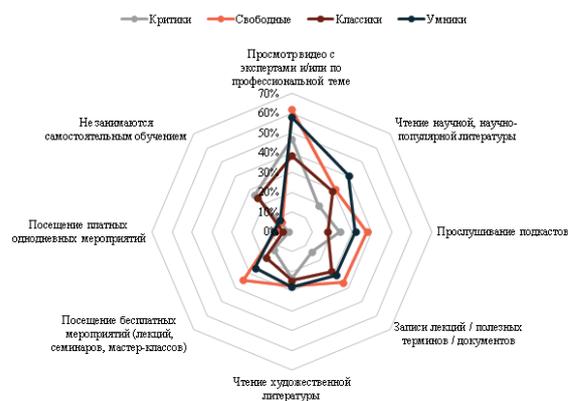

Рис. 7. Подходы к самостоятельному обучению, %

высокий процент тех респондентов, которые вовсе не склонны самообразованию.

В отличие от других категорий «Умники» чаще прибегают к чтению научной / научно-популярной литературы (см. рис. 7).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование проблем дополнительного образования позволило апробировать и подтвердить валидность полученных данных с помощью методики семантического дифференциала. Согласно полученным результатам, молодые люди более охотно отдают должное дополнительному, нежели высшему образованию. Вероятно, особенность такого восприятия дополнительного обучения заключается в большем соответствии дополнительного образования требованиям рынка труда, а также запросам и интересам самих молодых людей. Методика семантического дифференциала открывает широкие возможности для исследований установок обучаемых. Расширение списка антонимов и проведение

дальнейшего анализа по группам (оценка, сила, активность) открывает возможности для более глубокого изучения особенностей восприятия образовательных траекторий, выявить их сильные и слабые стороны. Это может послужить

основанием для проведения дальнейших этапов анализа. Одним из таких направлений может стать разработка типологии и составление социальных портретов действующих и потенциальных потребителей образовательных услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бессчетнова О. В., Бободин Д. В. Роль института дополнительного образования в процессе социализации детей и молодежи в РФ // Теория и практика общественного развития. 2025. № 5. С. 17–24.
2. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования: учебное пособие. М.: Гардарики, 2005.
3. Тур В. И., Тур А. В. Дополнительное образование, как ресурс для развития архитектурно-строительного образования в современный период // Гуманитарные науки в XXI веке: научный Интернет-журнал. 2022. № 19. С. 140–149.
4. Образование в цифрах: 2025: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025.
5. Коршунов И. А., Ширкова Н. Н., Ерегина А. Г. Образование: занятость, производительность, карьера: доклад о реализации образовательных программ федерального проекта «Содействие занятости» / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025.
6. Friberg O., Martinussen M., Rosenvinge J. H. Likert-based vs. semantic differential-based scorings of positive psychological constructs: a psychometric comparison of two versions of a scale measuring resilience // Personality and Individual Differences. 2006. Vol. 40. № 5. P. 873–884.
7. Osgood C. E., May W. H., Miron M. S. Cross-Cultural Universals of Affective Meaning. Urbana (Ill.): University of Illinois Press, 1975.
8. Osgood C. E. The Nature and Measurement of Meaning // Psychological Bulletin. 1952. Vol. 49. no. 3. P. 197–237.
9. Osgood C. E. Focus on meaning: explorations in semantic space. 2nd ed., reprint. The Hague – Paris: Mouton, 1976.
10. Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. The Measurement of Meaning. Urbana: University of Illinois Press, 1957.

REFERENCES

1. Besschetnova, O. V., Bobodin, D. V. (2025). Rol' instituta dopolnitel'nogo obrazovaniya v processe socializacii detej i molodezhi v RF = The Role of Additional Education System in the Socialization Process of Children and Youth in the Russian Federation. Theory and Practice of Social Development, (5), 17–24. (In Russ.)
2. Zborovsky, G. E., Shuklina, E. A. (2005). Sotsiologiya obrazovaniya: uchebnoe posobie = Sociology of Education: textbook. Moscow. Gardariki. (In Russ.)
3. Tur, V. I., Tur, A. V. (2022). Dopolnitel'noe obrazovanie, kak resurs dlya razvitiya arhitekturno-stroitel'nogo obrazovaniya v sovremennyj period = Additional education as a resource for the development of architectural and construction education in the modern period. Gumanitarnye nauki v XXI veke: nauchnyj Internet-zhurnal, 19, 140–149. (In Russ.)
4. Varlamova, T. A. et al. (2025). Obrazovanie v cifrah: 2025 : kratkij statisticheskij sbornik = Education in numbers: 2025: a short statistical collection. HSE University. Moscow: Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge (In Russ.)
5. Korshunov, I. A., Shirkova N. N., Eregina, A. G. (2025). Obrazovanie: zanyatost', proizvoditel'nost', kar'era. Doklad o realizacii obrazovatel'nyh programm federal'nogo proekta «Sodejstvie zanyatosti» = Education: employment, productivity, career. Report on the implementation of educational programs of the federal project "Employment Promotion". HSE University. Moscow: HSE Publishing House (In Russ.)
6. Friberg, O., Martinussen, M., Rosenvinge, J. H. (2006). Likert-based vs. semantic differential-based scorings of positive psychological constructs: a psychometric comparison of two versions of a scale measuring resilience. Personality and Individual Differences, 40(5), 873–884.
7. Osgood, C. E., May, W. H., Miron, M. S. (1975). Cross-Cultural Universals of Affective Meaning. Urbana (Ill.): University of Illinois Press.
8. Osgood, C. E. (1952). The Nature and Measurement of Meaning. Psychological Bulletin, 49(3), 197–237.
9. Osgood, C. E. (1976). Focus on meaning: explorations in semantic space. 2nd ed., reprint. The Hague. Paris: Mouton.
10. Osgood, C. E., Suci, G. J., Tannenbaum, P. H. (1957). The Measurement of Meaning. Urbana: University of Illinois Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бессонова Маргарита Олеговна

аспирант кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bessonova Margarita Olegovna

Postgraduate Student

Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

11.09.2025
31.10.2025
27.11.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Воспоминания женщин, переживших Великую Отечественную войну, как способ сохранения исторической памяти (анализ на примере нарративного интервью крымчанок)

М. Н. Клинцева

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия
mariya.kats@gmail.com*

Аннотация. В современных условиях информационной войны активных попыток переписывания истории и искажения исторических фактов вопрос о сохранении исторической памяти и консолидации общества и отдельных его представителей на основе общих ценностей и социальных идеалов становится особенно актуальным. Поскольку ключевым элементом российской идентичности является победа в Великой Отечественной войне, необходимо сохранять и тиражировать память о подвиге советского народа, запечатленную в воспоминаниях очевидцев. Устная история позволяет сохранить индивидуальную и коллективную память, ценности эпохи. Цель данной статьи – выявление и анализ гендерных особенностей повседневной жизни женщин в период Великой Отечественной войны и специфики их репрезентации в автобиографических нарративах. Эмпирическую базу статьи составили женские автобиографические нарративы: личные воспоминания крымчанок о собственном опыте жизни в период Великой Отечественной войны (двадцать нарративных интервью, проведенных в 2004–2005 годы). Нарративные интервью крымчанок, переживших Великую Отечественную войну, были рассмотрены с позиций дискурс-анализа, контекстуально-интерпретационного анализа и нарративного анализа. Были определены следующие особенности памяти и нарративизации респонденток: внимание к различным сторонам повседневности, значительное количество и детализация «портретов» других людей и их историй, описания психологического состояния людей и их социальных взаимодействий, эмоциональная насыщенность рассказа, акцентирование внимания на моральной стороне событий. В результате исследования было выявлено доминирование коллективистских и традиционных ценностей, таких как милосердие, самопожертвование, труд на общее благо, оптимизм. Преобладающими стратегиями выживания оказались солидарность и «этика заботы».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, традиционные ценности, устная женская история, нарратив

Для цитирования: Клинцева М. Н. Воспоминания женщин, переживших Великую Отечественную войну, как способ сохранения исторической памяти (анализ на примере нарративного интервью крымчанок) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 100–106.

Original article

Memoirs of women who survived the Great Patriotic War as a way to preserve historical memory (analysis using the example of a narrative interview with Crimean women)

Mariya N. Klintsova

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian
mariya.kats@gmail.com*

Abstract. The article examines the features and problems of integrating young researchers into the scientific community of a modern science city, as well as analyzes the role of urban infrastructure and communication practices in shaping a scientific career. The empirical basis of the research consists of semi-structured interviews with young scientists studying and employed in the science city. A total of 15 interviews were collected. Thematic analysis was used as the main method of analysis, during which two key topics were identified: the importance of urban infrastructure as an environment for scientific activity and the role of communication with the scientific community, ensuring inclusion in the scientific environment. Based on the consideration of these topics, it is concluded that vertical integration into local scientific communities is important for young scientists. In addition, the importance of a well-developed infrastructure and informal communication channels is emphasized as factors contributing to the inclusion of young specialists in the professional scientific community. The article also analyzes the role of research teams in building individual career paths, emphasizing that both the urban environment and local professional communities have a significant impact on the motivation of young researchers to pursue an academic career. Communication within the community plays a key role, providing opportunities for the effective realization of scientific potential.

Keywords: the Great Patriotic War, historical memory, traditional values, oral history of women, narrative

For citation: Klintsova, M. N. (2025). Memoirs of women who survived the Great Patriotic War as a way to preserve historical memory (analysis using the example of a narrative interview with Crimean women). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 4(861), 100–106. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее острые и яркие события в истории человечества обычно связаны с военными конфликтами. В их ходе решается вопрос жизни и смерти человека и его дальнейшей судьбы, а потому они запечатлеваются в сознании человека на всю жизнь. Подлинность исторических фактов подтверждается воспоминаниями людей, переживших эти события. Сегодня в условиях специальной военной операции с усилением информационной войны и активных попыток переписывания истории и искажения исторических фактов, остро встает вопрос о сохранении исторической памяти, а также консолидации общества и отдельных его представителей на основе общих ценностей и социальных идеалов. Отметим, что аксиологическая целостность общества важна не менее, нежели территориальная целостность государства и во многом даже обуславливает последнюю.

Сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны особенно важно в условиях специальной военной операции, когда усилиями стран блока НАТО происходит реабилитация и возрождение нацизма, при этом представителей поколения, победившего фашизм, свидетелей и творцов Победы по объективным причинам становится всё меньше и меньше.

Первое междисциплинарное историко-психологическое исследование фронтового поколения было проведено Е. С. Сенявской. Нарративы о женской повседневности в период Великой Отечественной войны исследовали Е. С. Гетманова, И. В. Реброва; детские воспоминания, относящиеся к этому

историческому периоду – Н. О. Фурсина. Несмотря на интерес к устной истории Великой Отечественной войны среди специалистов и значительное число работ в указанном направлении, эта научная проблема не имеет завершенного характера.

Цель статьи – выявление и анализ гендерных особенностей повседневной жизни женщин в период Великой Отечественной войны и специфики его репрезентации в автобиографических нарративах крымчанок. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач:

- выявить особенности репрезентации женского опыта в устных воспоминаниях женщин о Великой Отечественной войне;
- оценить познавательный потенциал женских автобиографических нарративов как устного исторического источника;
- выявить типичные женские стратегии и сценарии выживания в условиях Великой Отечественной войны;
- определить основные ценности, которыми руководствовались женщины в период Великой Отечественной войны.

Объект исследования – повседневная жизнь женщин, переживших Великую Отечественную войну. Предмет исследования – стратегии и сценарии выживания этих женщин. Теоретико-методологическую основу исследования составили концепция истории повседневности (А. Людтке), практические разработки по организации и анализу нарративного интервью немецких ученых Л. Нитхаммера, Г. Розенталь и Ф. Шютце; труды по женской устной истории как зарубежных, так и отечественных исследователей К. Андерсен,

М. Майс, К. Министер, Е. Ю. Мещеркиной (Рождественской), И. В. Ребровой, В. В. Семеновой.

Методы исследования: дискурс-анализ, контекстуально-интерпретационный анализ, нарративный анализ.

Эмпирическая база исследования – женские автобиографические нарративы: личные воспоминания крымчанок о собственном опыте жизни в период Великой Отечественной войны, записанные на аудиопленку (нарративные интервью).

Можно утверждать, что ключевой элемент российской идентичности – это победа в Великой Отечественной войне, а «единственным консолидирующим фактором социальных слоев и поколений в России является Великая Отечественная война» [Мчедлова, 2013, с. 87].

Историческая память является одной из сторон общественного сознания, общественным мнением о крупных исторических событиях и персонах, об историческом опыте народа. Это мнение имеет чувственно-эмоциональную природу, оценочный характер, включает в себя эксплицитные или имплицитные этические и эстетические предпочтения и ценности, ему свойственна противоречивость и изменчивость. В связи с этим историческая память требует постоянного поддерживания и воспроизводства в процессе социальных коммуникаций.

Главным инструментом производства и воспроизводства исторической памяти выступает нарратив. Для того чтобы создать общий нарратив, лишенный попыток изменения исторической памяти и формирования новых смыслов ее наполнения, необходимо собрать нарративы очевидцев или участников исторических событий. Это позволяет более реалистично и объективно реконструировать прошлое, защищая это прошлое от фальсификаций.

Фиксирование субъективного знания отдельной личности об эпохе, в которой жил человек, осуществляется с помощью интервью. Говоря о фиксации устной истории женщин, следует отметить значимость изучения эмоционального и субъективного опыта наравне с фактами и деятельностью [Anderson et al., 1990]. Кристина Министер обращает внимание на то, что устоявшаяся методика проведения устноисторического интервью отражает андроцентрическую маскулинную социокоммуникативную норму, поскольку нацелена, прежде всего, на стимулирование рассказчицы к воспоминаниям о фактах, событиях, деятельности. Такой формат противоречит обычным практикам женского разговора, поскольку, как показывают исследования, «женщины традиционно говорят друг с другом о личных делах и отношениях, сосредотачиваясь на том, кто они; мужчины обычно

говорят о целях и власти, сосредотачиваясь на том, что они делают» [Minister, 1991, с. 31].

Кристина Министер считает, что интервьюировать женщин должны именно женщины, поскольку они знают, как применять женские коммуникативные модели и не склонны к построению иерархических отношений с другими женщинами; интервьюер должен быть открыт к временным и тематическим приоритетам рассказчицы, не только предоставляя ей свободу структурировать собственные воспоминания, но и поощряя ее объяснять и интерпретировать рассказанное; уделять внимание невербальным элементам коммуникации; сохранять постоянную саморефлексивность и сознательно прилагать мягкие усилия по поддержке рассказа [там же].

В период с 2004 по 2005 годы было проинтервьюировано двадцать крымчанок, переживших Великую Отечественную войну. Самой младшей на момент начала войны было 7 лет, самой старшей – 34 года. Среди них были женщины из семей репрессированных, те, кого депортировали в 1944 году, жены фронтовиков и труженицы тыла. Воспоминания этих женщин содержат сведения о «социальной истории войны, истории военной повседневности» [Корнякова, Иванова, 2021, с. 20], позволяют проследить, как события Великой Отечественной войны отразились в общественном сознании. Ни одной из интервьюируемых женщин сегодня нет в живых, потому их воспоминания, записанные на аудиопленку, представляют особую ценность для сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Нарративное интервью было многочасовым, состояло из нескольких фаз и включало перечень направляющих вопросов, одним из которых был вопрос: «Какие исторические события имели наибольшее влияние на Вашу жизнь?».

Отвечая на этот вопрос, все женщины в своих интервью отметили, что таким событием стала Великая Отечественная война. Все интервьюируемые в разной форме высказывали мысль о влиянии на их мировоззрение героизма советских людей, которые сражались на фронте. Взросление многих респонденток пришлось на военные годы. В этот период формировались их ценности, идеалы и нравственные ориентиры. Героизм как образец поведения, ориентация на ценности самопожертвования, коллективизма встречаются в большинстве нарративов. «На мою жизнь оказали большое влияние годы Великой Отечественной войны, где, в общем-то, я видела героизм нашей молодежи, и мне хотелось быть такой же героической, как и те люди, которые отдавали свою жизнь на фронте во имя советской Родины и советского народа,

защищая ее оплот и ее мир. Поэтому, в общем-то, наиболее такие сложные годы явились для меня формированием моего характера, моего трудолюбия, моего отношения к окружению и стремлением к постижению знаний», — вспоминает Мария Васильевна Ванюшкина, которой на момент начала войны было 11 лет.

Во время Великой Отечественной войны доминировали коллективистские ценностные ориентации. Они выражались в милосердии, самопожертвовании, взаимопомощи. Стратегии поведения, основанные на этих ценностях и ценностных ориентациях, усваивали дети войны. Бородина Виктория Андреевна (1937 г. р.) рассказывает: «Нашу семью — это мама, бабушка, сестра и я — эвакуировали из Крыма, мы попали в какой-то городок на Кавказе. Люди разбирали в свои дома эвакуированных. Нас приютила женщина. У нее была одна комната и стояла одна широкая кровать. И женщина уступила ее маме и нам с сестрой, а сама спала на полу. Кормила нас за свой счет. А когда неожиданно приключился приступ аппендицита у меня, ухаживала за мной. Всю жизнь я печалюсь о том, что не помню адрес и имя этой женщины, чтобы поблагодарить ее».

Воспоминания женщин детализированы, передают эмоциональную атмосферу, особенности быта. «Вспоминаю сорок первый год — началась война и отец добровольно уходит на фронт. Сначала он по линии военкомата отправлял всех, мобилизованных на линию фронта. И возвращался... и в последний раз он вернулся 28 декабря. И они долго с мамой шептались. Я не поняла о чем. Потому что до взрослых мы не допускались, т. е. они обычно говорили так: "Вам надо поиграть, пойдите поиграйте. А нам надо поговорить". ...И вот потом (а у нас был тулуп) и отец подает заявление. Чтобы его направили на передовую линию... И мама тут же сшила ему за ночь из тулупа шубняк. Потому что 41-й год был очень морозный, холодный год, декабрь месяц. И неизвестно где и в каких условиях он будет... и вот он в этом шубняке уходит на фронт. ...И вот я вспоминаю, письма с фронта присылал он маме и очень благодарил маму за то, что он не чувствовал мороза и холода, когда в снежных лавинах этих нужно было вести бой» (из интервью Ванюшкиной Марии Васильевны 1930 г.р.).

Война изменила привычный уклад жизни людей, заставила женщин осваивать новые виды профессиональной деятельности. Как отмечают исследователи, «на производстве трудились в основном женщины, пенсионеры, подростки и студенты, ведь большинство рабочих ушли на фронт сражаться с врагом. Так, в 1942 году на производство пришло примерно 500 тыс. женщин. В промышленном производстве к 1944 году их число возросло до 52,9 %

рабочей силы. В 1941 году вышел приказ, согласно которому на предприятиях вводились обязательные сверхурочные дни, рабочий день для взрослых людей составлял до 11 часов 6 дней в неделю» [Линец, Едигарова, Гетманова, 2022, с. 20]. Повествования о тяготах войны, труде на пределе (а возможно и за пределом) своих возможностей и сохранении при этом доброты и человечности мы находим у респонденток, встретивших войну в подростковом возрасте и старше. «Война застала в Астрахани. Через два месяца после начала, окончив курсы, мы работали медсестрами в госпитале. С утра учились в институте, а вечером работали. Приходилось и дежурить, и уколы делать, перевязки. Разговаривали душевно, беседовали, ухаживали за ранеными. Лекарств, медикаментов было очень мало. А какой голод был. Это было страшное время» — вспоминает Соловьева Александра Алексеевна (1920 г.р.) «Все работали. Зима. Холод. Пальцы к станку прилипали. С одеждой было трудно. Галоши веревочкой к ногам привязывала. Отработаем смену и бежим в госпиталь. Помогали раненым писать письма домой. Делали любую работу. А еще ведь и в школе учились. Было трудно. Но мы себе говорили, что на фронте еще хуже, тоже мерзнут и там не всегда поесть удастся. Это заставляло делать еще больше и помогало выстоять» (из интервью Маковской Ирины Павловны. 1927 г.р.).

Переживание войны как чрезвычайного исторического события, восприятие фронтовой действительности сложно для женщины в силу особенностей ее психологии. «Защитные способности мужской психологии и многовековая социокультурная практика превратили для них войну в работу. Женская психика искала иные пути адаптации к нечеловеческим условиям войны», — отмечает И. В. Реброва [Реброва, 2008].

Память об ужасах войны, чрезвычайную эмоциональность при их описании мы встречаем в интервью респонденток разных возрастов: тех, кто на момент описываемых событий был ребенком, подростком, молодой женщиной.

«В 1944 году моего мужа после освобождения города Севастополя оставили там начальником третьего отдела военкомата. Он вызвал меня к себе. Когда приехала, увидела полностью разрушенный город. Лишь здание военного флота, церковь и еще полпочтамта были целыми. Когда я закрываю глаза и вижу Севастополь, мне становится страшно-страшно, потому что города самого не было. Стоял трупный запах, и было много крыс. Прошло много лет, а я так ни разу не смогла заставить себя поехать в Севастополь» (Из рассказа Соловьевой Александры Алексеевны 1920 г.р.).

«Самое страшное, что мне запомнилось, — это когда вели пленных защитников Севастополя. Кого они на себе тащили, кому помогали. Жители вышли на улицы по ходу колонны. Мы с моей тетей тоже пошли. У нее сын воевал там, и она надеялась узнать о нем что-нибудь. Стоял крик. Из колонны кричали свои фамилии, просили сообщить родным. Им кричали, есть ли такой-то... Вели их в совхоз Красный. Потом мы узнали, что на расстрел. Видела, как расстреливали симферопольских подпольщиков группы «Сокол». Их гробы стояли на всеобщем обозрении. А через несколько дней пришла Красная армия. Была такая радость!» (*Из воспоминаний Ляшко Тамары Николаевны 1933 г.р.*)

Анализ нарративных интервью позволил выявить некоторые общие черты женской памяти:

- главными героями женских воспоминаний являются люди, а не социальные институты; женщины часто включают в воспоминания свои истории, отношения, описание внешности и характера;
- женские воспоминания структурированы вокруг значимых личных или семейных событий, а не исторических — политических, военных и т. д.;
- в своих воспоминаниях женщины чаще ассоциируют себя с семьей или коллективом, ведут рассказ как бы от имени группы, передавая социальный опыт;
- женские воспоминания полнее и точнее воспроизводят обстоятельства и детали;
- женские воспоминания эмоционально насыщены, содержат информацию о психологическом состоянии, эмоциональных реакциях, переживаниях и восприятии ситуации участниками события, передают общую психологическую атмосферу. При этом женская речь экспрессивна (используются гиперболы, междометия) и образна, особенно при описании чувств и эмоций.

Учитывая эти особенности, при анализе интервью необходимо ориентироваться на смыслы, а не на прямые значения того, что говорят женщины.

Абсолютное большинство личных воспоминаний женщин о жизни в чрезвычайных исторических обстоятельствах отражают такие особенности памяти и нарративизации: внимание к различным сторонам повседневности, значительное количество и детализация «портретов» других людей и их историй, описания психологического состояния людей и их социальных взаимодействий, эмоциональная насыщенность рассказа, акцентирование внимания на моральной стороне событий. Анализ интервью показывает, что травматичность опыта проявляется в нарративах через трудность

вербализации определенного типа опыта, схематическое представление определенных событий или эмоциональное отчуждение в повествовании.

В воспоминаниях женщины предстают активные участницы собственной и социальной жизни в чрезвычайных исторических обстоятельствах, они описывают различные варианты стратегий и сценариев выживания в таких обстоятельствах.

Основной, универсальной и наиболее действенной женской стратегией выживания в чрезвычайных обстоятельствах была солидарность, которая проявлялась как на уровне опыта (реальных практик взаимопомощи), так и на уровне репрезентаций (в женских автобиографических нарративах). Во время Великой Отечественной войны женщины демонстрировали взаимопомощь разного типа: материальную (еда, одежда, забота о здоровье); морально-психологическую (эмоциональная поддержка); социальную (солидарное материнство); безопасностную (сплоченность, взаимное покровительство). Всё это — проявление так называемой «этики заботы», которая позволяла женщинам совместно преодолевать чрезвычайные трудности, увеличивая шансы на выживание.

Особенностью автобиографического нарратива женщин является включение историй других женщин в собственные автобиографические нарративы (биографические зарисовки, «портреты», отдельные случаи). Таким образом женщины представляют более широкий опыт своей референтной группы, свидетельствуют от имени более широкого женского сообщества.

Исследования показали, что все без исключения интервьюируемые верили в победу Красной армии, верили, что жизнь после победы будет лучше и лучше. На вопрос: «Что в Вашей жизни помогло Вам преодолевать трудности?», практически все отвечали, что кроме всего прочего помогали оптимизм. Таким образом, одной из важнейших ценностей времен Великой Отечественной войны была вера в Победу, надежда как состояние души.

Во всех интервью отчетливо выражаются ценности самопожертвования, милосердия, сострадания, взаимопомощи, труда на общее благо и соединение своей индивидуальной судьбы с судьбой Родины, т. е. доминируют коллективистские и традиционные ценности, тогда как индивидуалистические ценности в чрезвычайных исторических обстоятельствах оказываются невостребованными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осмысление исторического опыта советских женщин в чрезвычайных исторических обстоятельствах, анализ роли женщин в сложных исторических

процессах на уровне повседневных практик, выявление действенных женских стратегий преодоления трудностей может способствовать решению насущных проблем сегодня. Анализ нарративов крымчанок, переживших Великую Отечественную войну, показал, что историческая память, объединяющая народ, воплощается в нарративе, который организует нашу память, ценности, намерения, жизненные

истории, идеи нашей персональной идентичности. Осознание единства культурного поля в многонациональной и многоконфессиональной России, выявление общих ценностных регуляторов, сохранение исторической памяти и ее передача последующим поколениям, опора на пережитые символы общей судьбы – основа консолидации современного российского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мchedlova M. M. Общественная солидарность: проекция исторической памяти // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1 (23). С. 85–89.
2. Anderson K. et al. Beginning where we are: feminist methodology in oral history // Feminist research methods. Exemplary reading in social sciences / K. Anderson, S. Armitage, D. Jack, Wittner J. ; ed. by Joyce McCarl Nielsen. San Francisco ; London: Westview Press, 1990. P. 94–112.
3. Minister K. A Feminist frame for the oral history interview // A feminist frame for oral history interview // Women's words. The Feminist practice of oral history / ed. by S.B. Gluck, D. Patai. London: Routledge, 1991. P. 27–41.
4. Корнякова К. Н., Иванова Т. Н. Опыт практического применения методов устной истории (на примере интервью с ветеранами боевых действий) // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания: материалы Междунар. науч. конф. (Чебоксары, 23 апреля 2021 г.). Чебоксары: Среда, 2021.
5. Линец С. И., Едигарова Г. Н., Гетманова Е. С. Промышленность и продовольствие в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 10. С. 18–21.
6. Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 25–33.

REFERENCES

1. Mchedlova, M. M. (2013). Social solidarity: the projection of historical memory. Bulletin of Volgograd State University, Series 4, History. Regional studies. International relations, 1(23), 85–89. (In Russ.)
2. Anderson K. et al. (1990). Beginning where we are: feminist methodology in oral history // Feminist research methods. Exemplary reading in social sciences / K. Anderson, S. Armitage, D. Jack, Wittner J. ; ed. by Joyce McCarl Nielsen (pp. 94–112). San Francisco ; London: Westview Press, 1990.
3. Minister, K. A. (1991). Feminist frame for the oral history interview. A feminist frame for oral history interview. Women's words. The Feminist practice of oral history. Ed. by S. B. Gluck, D. Patai (pp. 27–41). London: Routledge.
4. Korniyakova, K. N., Ivanova, T. N. (2021). The experience of practical application of oral history methods (on the example of interviews with combat veterans). Interdisciplinary potential of oral history and new ways of developing historical knowledge: proceedings of the International Scientific Conference. Cheboksary, April 23, 2021. (pp. 20–24). Cheboksary: Publishing house "Sreda". (In Russ.)
5. Linets, S. I., Edigarova, G. N., Getmanova, E. S. (2022). Industry and food during the Great Patriotic War (1941–1945). Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 10, 18–21. (In Russ.)
6. Rebrova, I. V. (2008). "Women's" everyday life in the problematic field of the history of the Great Patriotic War. Woman in Russian society, 2, 25–33. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клинцова Мария Николаевна

кандидат философских наук, доцент

доцент кафедры религиоведения и философии культуры

философского факультета

Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Klintsova Mariya Nikolavna

PhD (Philosophy), Associate Professor
Associate Professor of the Department of Religious Studies and Philosophy of Culture
Faculty of Philosophy
Taurida Academy Institute, Vernadsky Crimean Federal University

Статья поступила в редакцию	28.09.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	26.10.2025	
принята к публикации	27.11.2025	

Молодой преподаватель иностранного языка в российском вузе: его профессиональные компетенции и идентичность

И. С. Салихова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
irasalikhova@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются профессиональная идентичность и компетенции молодых преподавателей иностранного языка в российском вузе как предмет социологического исследования. Было проведено онлайн-анкетирование вузовских преподавателей иностранного языка по всей России (в фокусе внимания находятся молодые преподаватели в возрасте до 35 лет), а также использованы данные мониторинга Социологической лаборатории МГЛУ. Сформулировано авторское определение профессиональной идентичности преподавателей иностранных языков, основанное на концепции «вторичной языковой личности». Эта теория в данном случае является основополагающей, поскольку профессиональная идентичность преподавателей иностранного языка и педагогов-предметников отчетливо различаются. Автором также рассмотрено понятие «профессиональная компетенция» и ее существующие классификации. В ходе освоения нового языка у индивида формируется новая идентичность, сопоставимая с личностью носителя языка, ввиду погружения в культуру и осуществлению межкультурной коммуникации. В рамках эмпирического анализа профессиональные компетенции были разделены на три группы: знание, преподавание и использование иностранного языка в профессиональной и повседневной жизни, а также возможные трудности в процессе преподавательской деятельности. Преподавание языка невозможно без погружения в культуру страны, поэтому респонденты становятся «мостиками» между мирами для своих студентов, не только обучая основам языка, но и знакомя их с жизнью носителей языка. Однако, начиная преподавательский путь и не имея большого опыта работы, молодые специалисты могут сталкиваться с определенными проблемами, которые, в основном, связаны с отсутствием в вузе системы наставничества в период адаптации к новой профессиональной роли преподавателя.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессия, преподаватель иностранного языка, молодой преподаватель, преподаватель вуза, иностранный язык, иноязычное образование, изучение иностранных языков, вторичная языковая личность, профессиональные компетенции

Для цитирования: Салихова И. С. Молодой преподаватель иностранного языка в российском вузе: его профессиональные компетенции и идентичность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 107–115.

Original article

A Young Teacher of a Foreign Language at a Russian University: His Professional Competencies and Identity

Irina S. Salikhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
irasalikhova@list.ru

Abstract. The article examines the professional identity and competencies of young foreign language teachers at a Russian university as a subject of sociological research. An online survey of university foreign language teachers across Russia was conducted (the focus is on young teachers under the age of 35),

and monitoring data from the MSU Sociological Laboratory was also used. The author's definition of the professional identity of foreign language teachers was formulated, based on the concept of a "second language identity". This theory is fundamental, since the professional identity of foreign language teachers differs from other subject teachers. The author also examines the concept of "professional competence" and the existing classifications of this phenomenon. In the course of learning a new language, an individual develops a new identity comparable to that of a native speaker, due to immersion in culture and the implementation of intercultural communication. As part of the empirical analysis, professional competencies were divided into 3 groups: knowledge, teaching and use of a foreign language in professional and everyday life, as well as possible barriers in the teaching process. Language teaching is impossible without immersion in the culture of the country, so respondents become «bridges» between the worlds for their students, not only teaching the basics of the language, but also introducing them to the life of native speakers. However, starting a teaching career and not having much work experience, young professionals may face certain barriers, which are mainly related to the lack of a mentoring system at the university during the period of adaptation to a new professional teaching role.

Keywords: professional identity, profession, foreign language teacher, young teacher, university teacher, foreign language, foreign language education, teaching of foreign languages, second language identity, professional competencies

For citation: Salikhova, I. S. (2025). A young teacher of a foreign language at a Russian university: his professional competencies and identity. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 107–115. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ ИССЛЕДОВАНИЯ

Преподаватели иностранных языков (ИЯ) являются важным объектом социологического исследования, с точки зрения их процесса социализации и формирования языковой личности, а в дальнейшем вторичной языковой личности. Особого внимания заслуживают молодые педагоги в возрасте до 35 лет. В силу своего неопозданного возраста и отсутствия опыта они в отличие от старших коллег только вступают на свой преподавательский путь и сталкиваются с различными проблемами в процессе трудовой деятельности.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках социологического анализа деятельности преподавателей иностранного языка (*далее* ИЯ), мы сталкиваемся с понятиями профессиональной идентичности и профессиональной компетенции.

Основополагающим термином нашего исследования является понятие «идентичность», так как социально-профессиональная группа преподавателей испытывает чувство сопричастия к обществу преподавателей, в частности педагогов иностранного языка.

В зарубежных исследованиях понятие «профессиональная идентичность» определяется через призму «профессии» и связанных с ней ценностей, которые напрямую влияют на формирование человека как высококвалифицированного специалиста [Салихова, 2024].

В отечественных исследованиях акцент делается на междисциплинарный характер, поскольку профессиональная идентичность рассматривается в качестве синтеза элементов: поведенческих, эмоциональных, личностных и др.

Профессиональная идентичность формируется в процессе профессионального становления индивида. Условием развития преподавателя как компетентного в своей области специалиста является его умение взаимодействовать с профессиональным сообществом. Типы профессиональной идентичности высшей школы (по разным предметам) существенно не отличаются друг от друга. Отличительной особенностью преподавателей иностранного языка является, однако, появление феномена «вторичной языковой личности». Этот феномен связан с характером их работы. Перед тем, как начать преподавать иностранный язык, индивид сначала сам его изучает, погружается в культуру страны, знакомится с различными методиками преподавания, чтобы правильно и доходчиво донести до студентов не только знания, но и ценности, нормы и традиции, принятые в обществе носителей преподаваемого языка.

Теоретический анализ мотивировал следующее понимание профессиональной идентичности преподавателей ИЯ – это осознанное представление о себе как о субъекте профессиональной деятельности, возникающее в процессе двойной идентификации: с профессиональным статусом преподавателя ИЯ и с профессиональным сообществом.

Данная идентичность раскрывается через два взаимосвязанных процесса:

1. Идентификация со статусом преподавателя ИЯ. Данный аспект раскрывается через появление вторичной языковой личности, возникающей в процессе изучения иностранного языка. Изначально преподаватель сам учит язык, узнает культуру страны и только набравшись определенного опыта, начинает обучать других основам нового ИЯ. Для эффективной работы педагог должен владеть ИЯ на высоком профессиональном уровне, чтобы быть способным объяснить и заинтересовать обучающихся. Очень часто изучение ИЯ связывается с погружением в культурные особенности страны (традиции, нормы, обычаи и пр.), а также происходит посредством межкультурной коммуникации, которую преподаватель должен знать и уметь применять на практике.

Преподаватель осознает себя как активного носителя сформированной вторичной языковой личности, способного не только демонстрировать ее черты, но и целенаправленно создавать условия для ее становления у студентов, также педагог несет ответственность за формирование у обучающихся способности к межкультурному общению.

2. Идентификация с профессиональным сообществом. Преподаватель отождествляет себя с сообществом коллег, которые, как и он, прошли путь становления вторичной языковой личности, владеют специализированным языком описания межъязыковых процессов и разделяют ценности диалога культур.

Таким образом, профессиональная идентичность преподавателя ИЯ в вузе представляет собой рефлекслируемое единство личного статуса и корпоративной принадлежности. Это единство основано на экспертизе работы с «вторичной языковой личностью».

Понятия «профессиональная идентичность» и «профессиональная компетенция» взаимосвязаны. Например, А. Ю. Нестерова при рассмотрении этих двух терминов пишет об идентичности в структуре профессиональной компетентности – это «целостное психологическое образование, проявляющееся в формировании определенной системы ценностей и форм поведения, специфики понимания себя в процессе профессиональной деятельности, определяющее степень отождествления человека с профессией» [Нестерова, 2015, с. 43]. И. А. Зимняя при изучении профессионально-педагогической компетентности современного преподавателя иностранного языка определяет профессиональную компетентность как «готовность специалиста использовать свои личностные качества, опыт, а также умения,

навыки и приобретенные знания для профессиональной деятельности» [Иностранные языки в высшей школе ... , 2023, с. 352]. Таким образом, получается, что профессиональная идентичность будет отвечать на вопрос «кто я?», а профессиональная компетенция – «что я умею?»

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При подготовке материала использованы результаты:

1) авторского исследования «Профессиональная идентичность преподавателей ИЯ» (май–июнь 2025 года), онлайн-анкетирование путем адресной email-рассылки среди преподавателей ИЯ высших учебных заведений РФ (N = 754, $\Delta = \pm 3,5\%$).

В фокусе внимания в данной статье находятся молодые преподаватели в возрасте до 35 лет (N = 180, $\Delta = \pm 6,39\%$ при доверительной вероятности $\gamma = 0,95$). Данное исследование носит разведывательный характер ввиду малочисленности выборочной совокупности. По нашему мнению, были получены данные, заслуживающие внимания и дальнейшего использования.

2) вторичного анализа данных мониторинга удовлетворенности трудовой деятельности профессорско-преподавательского состава МГЛУ. Методом онлайн-анкетирования были опрошены преподаватели лингвистических и нелингвистических подразделений (N = 531, $\Delta = \pm 2,89$).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

При анализе профессиональной идентичности преподавателей выделяются различные классификации профессиональных компетенций (М. А. Бабичев и В. В. Карпов, И. Д. Сорвачева [Бабичев, Карпов, 2017; Сорвачева, 2022] и др.

И. А. Зимняя предлагает следующие виды компетенций: *инструментальные*, *межличностные* и *системные* [Иностранные языки в высшей школе: традиции и инновации, 2023]. Опираясь на данную квалификацию, к инструментальным мы относим компонент «знание» и «преподавание» ИЯ; к межличностным – использование ИЯ в профессиональной и повседневной жизни; системные компетенции включают в себя барьеры, возникшие в процессе преподавательской деятельности.

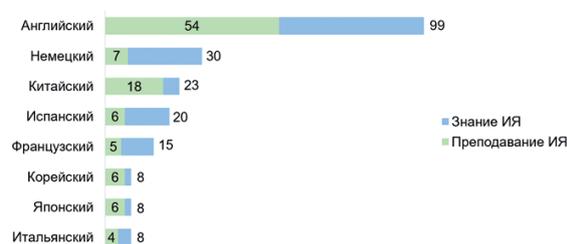
В ходе авторского исследования профессиональная идентичность молодых преподавателей ИЯ в возрасте до 35 лет проявляется также в идентификации со статусом преподавателя ИЯ («Что для Вас “быть преподавателем ИЯ”»)

и с профессиональным сообществом (соотнесение себя с кафедрой).

Разберем каждый из компонентов по отдельности.

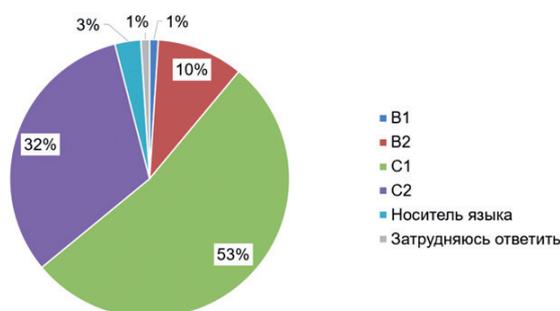
Знание и преподавание иностранного языка

В нашем исследовании мы разграничили знание и преподавание языка, так как логично предположить, что педагог может знать несколько иностранных языков, а преподавать один или несколько из них. Абсолютное большинство молодых преподавателей владеет английским языком (99 %), около трети – немецким (30 %) и примерно одна четвертая – китайским (23 %) (см. рис. 1).

Рис. 1. Знание и преподавание иностранного языка (ИЯ) молодыми преподавателями, в % (множественный ответ, молодые преподаватели в возрасте до 35 лет)

По самооценке респондентов 53 % оценивают свое знание иностранного языка на уровень С1, что соответствует уровню профессионального владения (Effective Operational Proficiency: Advanced). Треть (32 %) считает, что знает преподаваемый язык на уровень С2 – уровень владения в совершенстве (Mastery: Proficiency) (см. рис. 2).

Рис. 2. Субъективная оценка молодыми преподавателями (до 35 лет) уровня владения преподаваемого иностранного языка, в %

Довольно высокая доля субъективной оценки знания языка преподавателями объясняется наличием сертификата или диплома международного

образца, подтверждающего знание языка на высоком уровне. Среди всех возрастных категорий, молодежь в большем количестве имеет данные сертификаты (например, 52 % молодых преподавателей до 35 лет против 35 % педагогов в возрасте 46–60 лет), что может играть роль при поступлении в университет для продолжения обучения во вторичном секторе занятости, а также являться личным достижением человека.

В мониторинге Социологической лаборатории МГЛУ 2024 года, в котором принимали участие преподаватели иностранных языков лингвистических и нелингвистических профилей подготовки, была измерена самооценка уровня владения иностранным языком преподавателями-лингвистами: 49 % – знают язык на профессиональном уровне С1, 47 % – в совершенстве С2 и 4 % на уровне В2 [Станевич, 2025]. Также автор отмечает, что половина преподавателей сдают международные экзамены на подтверждение уровней С2 и С1, при чем подобные сертификаты имеют чаще выпускники МГЛУ, нежели преподаватели, получившие лингвистическое образование в других образовательных организациях.

Отдельно отметим существенную разницу, выявленную при сопоставлении данных авторского исследования и мониторинга: в авторском исследовании субъективная оценка знания ИЯ на уровне В2 составила 10 %, в то время как в мониторинге преподавателей-лингвистов профильного вуза – 4 %. Различие двух показателей может объясняться двумя факторами: 1) в фокусе анализа автора – молодые педагоги, не имеющие достаточного опыта для преподавательской деятельности; 2) в авторском исследовании принимали участие педагоги иностранного языка различных вузов, в том числе непрофильных, тогда как по данным мониторинга, где преподаватели работают в лингвистическом вузе.

Использование иностранного языка в профессиональной и повседневной жизни

Профессия педагога требует постоянного саморазвития и следования последним трендам и изменениям, особенно в области языка. Очень часто появляются новые слова или выражения, для описания тех или иных событий требуется специфическая лексика, могут появляться новые слова и сленги в разговорной речи и т. д. Все это требует тщательного погружения в культуру преподаваемого языка, поэтому очень часто преподаватели прибегают к дополнительным источникам получения информации для личностного и профессионального развития. Так, за последний год 78 %

ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В ВОЗРАСТНОМ РАЗРЕЗЕ, В % ПО СТОЛБЦУ (МНОЖЕСТВЕННЫЙ ОТВЕТ)

	Total	До 35 лет	36–45 лет	46–60 лет	Старше 60 лет
Чтение профессиональной литературы	83	78	84	84	85
Подготовка текстов для публикаций	60	52	61	62	72
Профессиональное общение с коллегами, студентами	76	79	75	77	72
Выступление на научной конференции или семинаре	46	36	47	48	61
Рецензирование научной работы (для журнала, конференции и пр.)	29	15	27	32	55
Проведение научного семинара	22	13	25	24	21
Посещение лекций, выступлений и т. д.	58	56	63	59	42
Чтение художественной литературы	76	76	72	75	90
Общение в туристических поездках	35	38	39	32	28

и 76 % респондентов в возрасте до 35 лет читали профессиональную и художественную литературу соответственно, 79 % общались с коллегами и студентами и 52 % готовили тексты публикаций на иностранном языке (см. табл. 1).

Интересы людей меняются в зависимости от возраста: с увеличением возраста растет доля тех, кто читает профессиональную и художественную литературу на ИЯ. Молодое поколение накапливает преимущественно коммуникативный и культурный капитал, в то время как старшее поколение обладает символическим капиталом в профессиональной сфере (рецензирование, руководство семинарами).

Очень часто высокая активность преподавателей на первых порах работы в вузе может быть связана и с проблемами демотивации, т. е. личность стремится выйти из зоны комфорта и самореализоваться в новой сфере, например, через участие в профессиональных конкурсах на ИЯ, создании открытых иноязычных ресурсов и т. д. [Яроцкая, 2023].

Следование профессиональной культуре во многом зависит от профессиональных компетенций, а также знания культуры и традиций преподаваемого ИЯ и его использования в повседневной жизни. Практически каждый второй молодой преподаватель (54 %) использует в устной речи заимствованные слова из преподаваемого языка, т. е. в какой-то степени можно сказать, что ИЯ стал неотъемлемой частью их повседневной жизни, и они, возможно интуитивно, или из-за простоты использования, употребляют иноязычные слова (см. рис. 3).

Высокий процент использования заимствований в устной речи не только подтверждает тезис об интеграции ИЯ в повседневность, но и с точки зрения теории интеракционизма может трактоваться как демонстрация групповой принадлежности, маркировки себя как члена особой, «билингвальной» субкультуры «вторичной языковой личности».

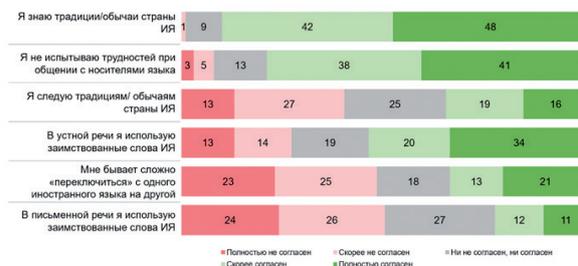

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Насколько вы согласны со следующими утверждениями, где 1 – совсем не согласен(-на), 5 – полностью согласен(-на)», в %, молодые преподаватели до 35 лет

Владение языком на высоком профессиональном уровне помогает педагогам общаться с носителями языка без каких-либо трудностей (79 %). Также изучение любого иностранного языка невозможно без погружения в культуру страны, ее обычаев, традиций, именно поэтому педагог не просто преподает иностранный язык, а также знакомит студентов с культурными особенностями носителей языка. Абсолютное большинство респондентов отметили, что знают традиции и обычаи страны преподаваемого ИЯ, но при этом

Таблица 2

КОДИФИКАТОР ОТВЕТОВ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО 35 ЛЕТ НА ОТКРЫТЫЙ ВОПРОС АНКЕТЫ: «ЧТО ДЛЯ ВАС ЗНАЧИТ «БЫТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ»?¹

№ кода	Категория	% от всех ответов	Описание
1	Образовательная миссия	29	Обучение языку, передача знаний, формирование компетенций
2	Наставничество и развитие личности	24	Упоминание роли наставника, поддержки, влияния на личность студента
3	Межкультурная коммуникация	23	Акцент на культурном обмене, понимание других культур
4	Профессиональное мастерство	19	Владение языком, методиками, научная деятельность, постоянное развитие
5	Мотивация и вдохновение	16	Стремление заинтересовать, увлечь студентов
6	Личная реализация	10	Удовлетворение от работы, самореализация, призвание
7	Работа как обязанность	8	Нейтральные или формальные ответы («работа», «преподавать»)
8	Негативная оценка профессии	3	Критика условий, отношения студентов, низкая мотивация

¹Примечание: сумма процентов превышает 100%, так как один ответ мог относиться к нескольким категориям.

около трети из них (35 %) им следуют. Несмотря на это, преподавателей иностранного языка можно назвать своего рода проводниками в культурный мир страны изучаемого языка.

В ходе авторского исследования было получено 116 ответов на открытый вопрос: *Что для Вас значит быть преподавателем иностранного языка в вузе?* Ответы были закодированы, и получены следующие категории (см. табл. 2).

Проведенный анализ позволяет выделить ядро профессии преподавателя иностранного языка (по мнению самих преподавателей). Оно складывается из трех смысловых категорий. Во-первых, это образовательная миссия (29 %). Она является базовой, заключается в передаче знаний и формировании компетенций, также это социально ожидаемая роль преподавателя иностранного языка. Некоторые респонденты отмечают, что быть преподавателем ИЯ – это передавать знания и языковую компетенцию студентам (респондент № 232, женщина, педагогический стаж от 5 до 10 лет).

Вторая по популярности смысловая категория – это наставничество и развитие личности обучающегося (24 %). Преподаватель видит себя не просто транслятором знаний, а ментором, влияющим на личность студента (*Быть не только преподавателем, но и ментором для студентов,*

оказывать психологическую поддержку (№ 146, женщина, педагогический стаж от 5 до 10 лет)).

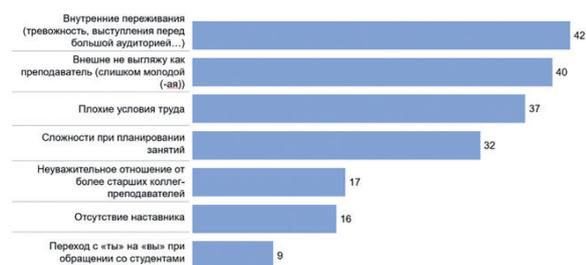
Третья составляющая ядра преподавателя ИЯ – это межкультурная коммуникация (23 %). Эта роль является в своем роде уникальной и специфичной для преподавателей иностранных языков. Данный факт можно назвать дифференцирующим фактором их идентичности по сравнению с другими педагогами. Таким образом, быть преподавателем ИЯ – это не просто учить языку (образовательная миссия), а формировать личность через призму другой культуры (синтез наставничества и межкультурной коммуникации). Например, для некоторых быть преподавателем ИЯ – это быть проводником между культурами, смыслами и профессиональными мирами. Это не просто передача языковых знаний, а сопровождение студентов в процессе их личностного и профессионального становления через язык (респондент №266, женщина, педагогический стаж от 5 до 10 лет)).

Владение иностранным языком на высоком профессиональном уровне во многом обусловлено пониманием и восприятием культуры страны изучаемого языка, что также подтверждается данными других социологических исследований. Например, В. А. Лапшов и А. В. Стельмах при изучении межкультурной коммуникации студентов вузов

современного мегаполиса полагают, что «имея некие базовые знания о культуре своих коммуникантов, студенты опираются на навыки общения, принятые в их культуре, в случае столкновения с представителями другой культуры» [Лапшов, Стельмах, 2018, с. 71]. Нельзя не согласиться с тем, что общение основывается на принятых культурных паттернах и должно также изучаться и применяться в процессе обучения и преподавания.

Барьеры, возникшие в процессе преподавательской деятельности

Начиная преподавательский путь и не имея большого опыта работы, молодые специалисты могут сталкиваться с рядом трудностей, которые осложняют рабочий процесс в период адаптации. Недавно получившие диплом о высшем образовании молодые педагоги в силу своего возраста внешне не всегда выглядят как работники университета (40 %) (см. рис. 4).

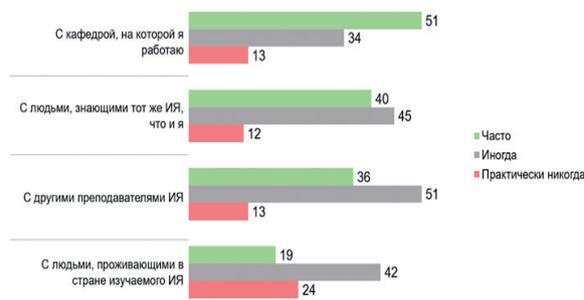
Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Что вызвало у Вас наибольшую сложность(-и) в период Вашей адаптации к профессии преподавателя?» (множественный ответ, молодые преподаватели в возрасте до 35 лет)

42 % респондентов до 35 лет испытывали трудности эмоционального характера: были внутренние переживания (тревожность, неуверенность в себе, вызванные выступлением перед большой аудиторией и т. п.). По нашему мнению, преодоление барьеров между преподавателем и аудиторией возможно с накоплением опыта и правильной и тщательной подготовкой к занятиям. Большая часть проблем может быть связана с отсутствием наставника на первых порах, который мог бы поделиться опытом, эмоционально поддержать, помочь скоординировать образовательный процесс и рассказать о тонкостях работы в университете.

В ходе анализа открытых вопросов было выявлено, что в качестве наставников для молодых преподавателей выступали их коллеги (47 %) – горизонтальное наставничество, руководство

университета (23 %) – вертикальное наставничество (*Моим наставником была и есть заведующая кафедрой, где я работаю* (респондент № 340, мужчина, педагогический стаж до 5 лет)), а также научные руководители и преподаватели, у которых респонденты учились (29 %) – преемственная модель. Наставничество также могло быть как горизонтальным, так и вертикальным (*Я преподаю там, где учился, так что уже знал всех. Наставниками, выходит, были все* (респондент № 381, мужчина, педагогический стаж от 5 до 10 лет)).

Отдельно отметим категорию «отсутствие поддержки и наставников» (16 %): некоторые педагоги писали о сложностях, возникших в процессе адаптации, так как они ни к кому не могли обратиться за помощью и советом (*Не было наставников, всё сама* (респондент № 213, женщина, педагогический стаж от 5 до 10 лет), *Наставников не было, адаптация была сложной* (респондент № 237, женщина, педагогический стаж от 5 до 10 лет)). Так, мы наблюдаем парадокс институционализации: с одной стороны, наставники есть, но система такой наставнической поддержки неравномерна. Часть неоплачиваемой наставнической эмоционально-профессиональной работы выполняют коллеги (47 %), а почти каждый четвертый респондент признался, что либо справлялся с адаптацией самостоятельно, либо говорил об отсутствии поддержки как таковой.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «С какими группами и в какой степени Вы испытываете чувство общности?», в %, молодые преподаватели в возрасте до 35 лет

Каждый второй молодой преподаватель (51 %) часто соотносит себя с кафедрой, на которой работает (см. рис. 5). Как мы отмечали выше, большинство опрошенных сказали о наличии наставнической поддержки при их адаптации к работе. Мы можем предположить, что наличие формального или неформального наставника формирует чувство групповой принадлежности, однако существующая

система наставничества работает как инструмент ситуативной помощи и не всегда справляется с задачей интеграции индивида в профессиональное сообщество (у некоторых молодых педагогов не было наставников в адаптационный период).

Респонденты испытывают также чувство общности с людьми, знающими тот же ИЯ (40 %) и другими преподавателями ИЯ (36 %), что может быть связано с погружением в профессиональное сообщество. По нашему мнению, важную роль в учебном процессе играет осознанность выбора профессии преподавателя ИЯ, потому что решение о возможности поделиться своими знаниями со студентами должно быть хорошо обдуманным, так как не каждый сможет найти подходящие слова и уметь объяснить материал.

Низкое чувство общности с носителями языка (19 %) при высокой идентификации с кафедрой свидетельствует о том, что для молодого преподавателя профессиональная идентичность формируется в большей степени через связь с формальными институциональными структурами, нежели через предмет (язык и культурой).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность педагога в высшей школе необходимо рассматривать комплексно, так как существуют различные компетенции, которыми он должен располагать и способности, которые он призван развивать. В авторском исследовании мы пришли к выводу, что понятия «профессиональная идентичность» и «профессиональные компетенции» взаимосвязаны, потому что идентичность связана с местом педагога внутри профессионального сообщества, а также с формированием его образа (*кто я?*), в то время как компетенции определяют его знания и навыки (*что я умею?*). Профессиональная идентичность преподавателей иностранных языков, в частности молодых (до 35 лет), будет отличаться от идентичности педагогов-предметников в виду формирования у первых «вторичной языковой личности» в процессе изучения ИЯ и погружения в культуру другой страны. Именно поэтому были рассмотрены такие профессиональные компетенции, присущие молодым преподавателям ИЯ, как инструментальные, межличностные и системные.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салихова И. С. Профессиональная идентичность: сущностные и межпредметные основания для анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 140–148.
2. Нестерова А. Ю. Основные аспекты соотношения профессиональных компетентностей и идентичности педагога // Наука и школа. 2015. № 1. С. 41–45.
3. Иностранные языки в высшей школе: традиции и инновации: монография / колл. авторов ; под науч. ред. М. В. Мельничук, Д. Г. Васьбиевой, А. Ю. Широких. М.: Прометей, 2023.
4. Бабичев М. А., Карпов В. В. Профессиональные компетенции преподавателя вуза на начальном этапе карьеры // Вестник ОмГУ. Экономика. 2017. № 3. С. 79–87.
5. Сорвачева И. Д. Профессиональные компетенции и компетентность педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74 (2). С. 212–215.
6. Станевич А. Ю. Уровень владения иностранными языками профессорско-преподавательским составом вуза и специфика их использования в профильном вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 162–170.
7. Яроцкая Л. В. Ситуация развития современной профессиональной личности в контекстах самообразования: преподаватель иностранного языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. Вып. 2 (847). С. 87–93.
8. Лапшов В. А., Стельмах А. В. Межкультурная коммуникация студентов вузов современного мегаполиса // Социология образования. 2018. № 6. С. 65–80.

REFERENCES

1. Salikhova, I. S. (2024). Professional identity: essential and interdisciplinary base for analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 140–147. (In Russ.)
2. Nesterova, A. Yu. (2015). Main aspects of the ratio of professional competence and identity of the teacher. Science and school, 1, 41–45. (In Russ.)

Социологические науки

3. Mel'nichuk, M. V. (Eds.). (2023). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole = Foreign languages in higher education*. Moscow: Prometej. (In Russ.)
4. Babichev, M. A., Karpov, V. V. (2017). Professional competences of a university teacher at the initial stage of career. *Herald of Omsk University. Economics*, 3, 79–87. (In Russ.)
5. Sorvacheva, I. D. (2022). Professional'nye kompetencii i kompetentnost' pedagoga = Professional competencies and competence of the teacher. *Problems of modern pedagogical education*, 74(2), 212–215. (In Russ.)
6. Stanevich, A. Yu. (2025). Level of proficiency in foreign languages by the academic staff and their use in a specialized university. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(859), 162–170. (In Russ.)
7. Yarotskaya, L. V. (2023). Modern professional's development situation in self-instruction contexts: foreign language professor. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 2(847), 87–93. (In Russ.)
8. Lapshov, V. A., Stelmakh, A. V. (2018). Intercultural communication of students of high schools of modern megapolis. *Sociology of education*, 6, 65–80. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салихова Ирина Сергеевна

аспирант кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Salikhova Irina Sergeevna

Post-graduate Student

Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.10.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	07.11.2025	
принята к публикации	08.11.2025	

Советский опыт наставничества и возможности его использования в современных условиях: социологический подход

А. Ю. Станевич

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lluviaconsol1@gmail.com*

Аннотация. В статье раскрывается суть такого явления, как наставничество с позиции советских ученых-педагогов, психологов и социологов. Целью статьи является реактуализация советского опыта наставничества и воспитания молодежи с учетом современных социокультурных вызовов. Через стратегические ориентиры государственной политики в статье производится переосмысление советской системы наставничества как социального института. Прежде всего, уточняется этимология понятия наставничества и определяется его отличие от смежных категорий (ментора, тьютора, коуча). Рассматривается педагогический подход к наставничеству, который сводится к уточнению характера отношений между наставником и наставляемым. Исследуется цель изучения наставничества советскими психологами и влияние наставников на молодежь. Автор приводит типологию личностно-мотивационных аспектов деятельности наставников. Анализ социологического подхода к наставничеству осуществляется преимущественно на материалах эмпирических исследований, проводившихся непосредственно на промышленных предприятиях. Подчеркивается критическая важность формирования актуальной теории наставнической деятельности. Она всемерно способствует реализации таких социально значимых целей, как формирование положительного отношения к профессии, помощь молодежи в адаптации к трудовому коллективу, оказание на молодых работников влияния на организацию досуга молодых работников и формирование их взглядов и убеждений. В статье автор приходит к выводу, что наставничество включает в себя постоянную работу с молодежью с целью оказания помощи в становлении на жизненном пути и приобретении профессиональных навыков, а также нравственное воспитание. Приводится концептуальная модель наставничества с перечислением его функций, а также объективных и субъективных характеристик.

Ключевые слова: наставничество, наставник, тьютор, ментор, коуч, молодежь

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации тема № 1022040800353-4-6.1.1; 5.9.1 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории» (FZNF-2023-0003).

Для цитирования: Станевич А. Ю. Советский опыт наставничества и возможности его использования в современных условиях: социологический подход // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 116–128.

Original article

The Soviet Experience of Mentoring and the Possibilities of its Use in Modern Conditions: the Sociological Approach

Anastasia Yu. Stanevich

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lluviaconsol1@gmail.com*

Abstract. The article reveals the essence of a phenomenon of mentoring from the position of Soviet scientists, educators, psychologists and sociologists. The purpose of the article is to re-actualize the Soviet experience of mentoring and educating young people within the account of modern socio-cultural challenges. Through the strategic guidelines of state policy, the article rethinks the Soviet mentoring system as a social institution. First of all, the etymology of the concept of mentoring is clarified and its difference from related categories (mentor, tutor, coach) is determined. The pedagogical approach to mentoring is considered, which boils down to clarifying the nature of the relationship between the mentor and the mentee. The purpose of studying mentorship by Soviet psychologists was to identify the features of the influence of mentors on young people. The author provides a typology of personal and motivational aspects of mentors' activities. The analysis of the sociological approach to mentoring is carried out mainly on the basis of empirical research conducted directly at industrial enterprises. The critical importance of the formation of an up-to-date theory of mentoring is emphasized, which sets such socially significant goals as the formation of a positive attitude to the profession, assistance to young people in adapting to the work collective, influencing young workers on the organization of leisure time for young workers and the formation of their views and beliefs. In the article, the author comes to the conclusion that mentoring includes constant work with young people in order to help them to find the path of life and acquire professional skills, as well as moral education. A conceptual model of mentoring is given with a list of its functions, as well as objective and subjective characteristics.

Keywords: mentoring, guide, mentor, tutor, coach, youth

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 1022040800353-4-6.1.1; 5.9.1 "Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history" (FZNF-2023-0003).

For citation: Stanevich, A. Yu. (2025). The Soviet experience of mentoring and the possibilities of its use in modern conditions: the sociological approach. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 116–128. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современная социально-экономическая реальность, характеризующаяся высокой динамикой изменений и обострением турбулентных процессов, определяет необходимость формирования высокопрофессиональных кадровых ресурсов как ключевого условия обеспечения национальной безопасности и технологического суверенитета Российской Федерации. В данном контексте особую актуальность приобретает реконструирование института наставничества, который традиционно выступал эффективным механизмом профессиональной адаптации, передачи актуальных знаний, практических компетенций и трудовых ценностей, а также духовно-нравственного воспитания нового поколения специалистов в коллективе.

Обращение к историческому опыту советской системы наставничества представляется не только закономерным, но и научно и практически обусловленным. Актуальность его изучения заключается в следующем. Советская модель наставничества, особенно в период форсированной индустриализации 1920–1930-х годов и послевоенного восстановления народного хозяйства 1946–1953 годов, была апробирована и на деле

доказала свою высочайшую эффективность, позволив в кратчайшие сроки интегрировать миллионы молодых людей в производственно-технологические процессы различных направлений, включая прорывные (атомная энергетика, космическая отрасль и т. д.). Наставничество представляло собой последовательную государственную систему, поддерживаемую на идеологическом, организационном и материальном уровнях, что обеспечивало ее устойчивость и всеохватность от октябрьского и пионерского шефства до заводских и фабричных цехов. Советский наставник («мастер-воспитатель») выполнял не только узкопрофессиональную обучающую функцию, но и выступал ключевым агентом социализации, формируя у молодежи мировоззрение, трудовую этику и чувство коллективной ответственности.

Необходимость реактуализации данного опыта напрямую соотносится с современными стратегическими ориентирами государственной политики. В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» непосредственно закрепляются положения, постулирующие развитие наставничества.

В разделе, касающемся задач в сфере труда и занятости, указывается на необходимость «развития системы наставничества в профессиональной сфере с целью поддержки и адаптации молодежи на первом рабочем месте, создания среды для формирования социальных навыков, повышения профессионального мастерства молодежи и передачи профессионального опыта»¹. Кроме того, такие ценности, как коллективизм, созидательный труд, взаимопомощь и преемственность поколений, закрепленные в Указе Президента Российской Федерации В. В. Путина от 9 ноября 2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей»², предполагают осмысление технологических процессов с опорой на накопленный культурно-исторический опыт, что также подчеркивает актуальность рецепции аксиологического фундамента советской модели труда.

Однако слепое копирование исторических образцов наставничества нецелесообразно и малоэффективно в условиях рыночной экономики, цифровой трансформации и изменившейся социальной структуры общества. Это порождает научную проблему, заключающуюся в необходимости комплексного социологического анализа советского опыта наставничества, его критического осмысления и рецепции, выделения инвариантных, вневременных элементов и их последующей трансформации в современную, гибкую модель профессионального и социального наставничества.

Таким образом, научная разработка данной проблематики является необходимой для выявления структурно-функциональных характеристик советской системы наставничества как социального института, разработки на основе релевантного исторического опыта конкретных механизмов и методик внедрения систем наставничества в современные организации реального сектора экономики, социальной сферы и государственного управления, а также формулирования предложений по нормативно-правовому и мотивационному обеспечению института наставничества для органов государственной власти и управленческих

структур, что соответствует духу и букве Основ государственной молодежной политики.

Исследование направлено на решение указанной проблемы путем анализа генезиса и эволюции системы наставничества в СССР и определения потенциала ее ключевых элементов для применения в современной российской практике.

ОТЛИЧИЕ НАСТАВНИЧЕСТВА ОТ СМЕЖНЫХ КАТЕГОРИЙ

Для выяснения сути данного явления необходимо начать с его этимологии. Обращаясь к определению наставничества, так или иначе приходится сталкиваться с его иностранными аналогами: mentor, tutor, preceptor, coach. Рассмотрим по очереди значение каждого. Исторически слово «ментор» происходит от греческого имени Mentor – так звали друга Одиссея, которому были поручены «заботы о доме и домохозяйстве... он же был и воспитателем сына Одиссея». Имя Mentor часто употребляется как нарицательное в смысле наставника или руководителя юношества³. В Толковом словаре русского языка «ментор» определяется как устаревший синоним «наставнику» с неодобрительной характеристикой⁴. В Оксфордском толковом словаре в качестве ментора понимается опытный и надежный советчик, а также опытный человек в компании или учебном заведении, который обучает и дает советы новичкам. Слово «тьютор» связывается с организацией процесса обучения и подразумевает частного учителя, занимающегося обучением одного студента или небольшой группы⁵. Слово «preceptor» является синонимом ментора или тьютора. Слово «коуч» может выступать либо синонимом слова «тьютор» либо обозначать спортивного инструктора или тренера⁶. В зарубежной литературе отмечается, что ментор скорее помогает справиться с трудностями на рабочем месте, а коуч выступает в качестве советчика в бизнес-среде [Garvey, Strokes, Megginson, 2018]. В другом источнике отмечается, что ментор дает своему подопечному специфические знания и навыки, а также дает советы «от более опытного и критически настроенного друга» [Taylor, Crabb, 2017, с. 21]. В то же время коуч

¹Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1307068392> (дата обращения: 11.09.2025).

²Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211090019> (дата обращения: 11.09.2025).

³Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. Т. 19: Мекенен – Мифу-Баня. 1896. С. 100.

⁴Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2007. С. 440.

⁵Concise Oxford American Dictionary. Oxford University Press, USA, 2006. С. 981.

⁶Там же, с. 170.

помогает прояснить цели своего подопечного, оценить его со стороны, увидеть возможности бизнес-развития. Необходимо отметить, что взаимодействие ментора со своим подопечным рассчитано на долгосрочный период (до нескольких лет), в то время как коучинг длится на протяжении 3–12 месяцев. Из всех иностранных аналогов наиболее близким по значению к русскому слову «наставник» является «ментор».

Обращаясь к терминологии наставничества, стоит отметить, что само слово «наставник» происходит из церковно-славянского языка и является производным от глагола «наставить» – показать путь, ввести, довести, привести, научить¹. В современной литературе наставник может толковаться как руководитель, учитель или классный воспитатель в среднем учебном заведении². Иногда трактуется как «руководитель молодых, начинающих в каком-нибудь деле»³.

Таким образом, при всей многозначности трактовок понятия «наставничество», выделим следующие сущностные черты, отличающие его от смежных категорий (ментор, тьютор, коуч): носит целостный характер воздействия, сочетающий профессиональное и личностное развитие; передает практический опыт и определяет нормы конкретной профессионально-социальной среды; формирует длительные и доверительные отношения, выстроенные на неформальной и бескорыстной основе; обладает ярко выраженной социальной и воспитательной функцией.

Под наставничеством мы будем понимать интегративный процесс целенаправленного взаимодействия опытного специалиста (наставника) и менее опытного сотрудника (наставляемого), ориентированный не только на развитие конкретных компетенций, но и на профессиональную и социокультурную адаптацию последнего, усвоение им трудовых и профессиональных ценностей и норм, а также формирование его личностной и гражданской зрелости.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К НАСТАВНИЧЕСТВУ: ОПЫТ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

В нашей стране первоначальный интерес к наставничеству возник еще в период индустриализации

в СССР в 1920–1930-е годы, а затем вновь актуализировался в период 1970–1980-х годов, когда рост числа рабочей молодежи вновь вызвал к жизни наставническое движение. Его целью был продекларирован не только быстрый ввод в профессию трудовой молодежи, но и воспитание у нее классового сознания и коммунистического мировоззрения. В частности, в феврале 1975 года было принято постановление Президиума ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О дальнейшем развитии массового движения наставников молодых рабочих и колхозников»⁴. В современных источниках отмечается, что «В 1960–1980-е годы в СССР сложилась система наставничества рабочей молодежи на производстве и система педагогического наставничества в советской школе, которая сегодня известна как традиционное наставничество» [Ладилова, Мишина, 2023, с. 91].

Интерес к феномену наставничества в тот период, прежде всего, проявили ученые, работающие в области педагогики, психологии и социологии.

Среди педагогов феномен наставничества наиболее последовательно изучался А. С. Батышевым, в разработанных им методических рекомендациях по управлению наставничеством содержится богатый эмпирический материал, который вполне может составить методологическую основу и для современных исследований. Свои выводы этот автор базирует на данных многочисленных опросов о роли наставника в жизни молодого работника, о подготовке наставника к своей работе, о трудностях в работе с молодыми специалистами, об эффективности контроля за работой наставника и др.

Так, А. С. Батышев предлагает характеристики отношения между наставником и его подопечным:

1. Доверительный характер отношений, наставник в постоянном контакте с подопечными. Знает все о своих подшефных.
2. Нерегулярный характер общения, которое происходит преимущественно по профессиональным вопросам.
3. Отсутствие близкого общения с подопечными, контакты носят частный характер по рабочим вопросам. Возможны ценностные конфликты.

Педагогическая суть наставничества, таким образом, напрямую зависит от характера отношений между участниками. В своей идеальной форме, предполагающей доверительные отношения и постоянный глубокий контакт, наставничество раскрывается как целостный воспитательный

¹Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин и др. М.: Рус. яз., 1999. С. 354.

²Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 7. С. 523.

³Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2007. С. 495.

⁴Постановление Президиума ВЦСПС и Бюро ЦК ВЛКСМ. Постановление "О дальнейшем развитии массового движения наставников молодых рабочих и колхозников": Протокол № 4/Б - 16/5 - а от 24 февраля 1975 года. О дальнейшем развитии массового движения наставников молодых рабочих и колхозников. М.: б. и., 1975.

процесс. Оно выходит за рамки обучения, интегрируя профессиональное становление с личностным развитием и духовно-нравственным влиянием, по отношению к которому наставник выступает ролевой моделью. Однако при сведении общения к нерегулярным, сугубо профессиональным или формальным контактам педагогическая суть редуцируется. В такой модели наставничество теряет воспитательный потенциал и превращается в инструментальное консультирование или решение оперативных задач, что минимизирует эффект воздействия на наставляемого.

Из ученых, разработавших данную проблематику в рамках психологического подхода, прежде всего, можно упомянуть И. С. Гичана, который проводил эмпирические исследования с целью выявления особенностей влияния наставников на молодежь. Он, в частности, приходит к важному выводу: если между наставником и наставляемым установлены адекватные эмоционально-психологические отношения, то принятые в обществе и на рабочем месте социальные нормы и правила становятся понятными для молодых работников. Как видно из результатов исследования, наибольшая психологическая близость молодого рабочего наблюдается именно с наставниками, коллеги по работе находятся лишь на втором месте [Гичан, 1983] (табл. 1).

Результаты опроса, проведенного И. С. Гичаном также показали, что между наставником и наставляемым есть тесная психологическая связь: «62 % опрошенных молодых рабочих оценили свои отношения с наставником в 5 баллов, и 20 % – в 4 балла» [там же, с. 13]. Также было выяснено, что помимо помощи с включением в трудовую жизнь, большую роль играет личный положительный пример наставника в труде и в жизни. В целом, эталонная функция наставника отмечается и другими учеными-психологами А. А. Любаром, И. И. Малкиным, И. Г. Столяром и др. [Любар, Тхоржевский, 1982, Малкин, 1976, Столяр, 1982].

В социологии данную функцию можно сопоставить со «значимым другим» – индивидом, на которого равняются при формировании собственных убеждений и действий.

Отдельного внимания как с точки зрения психологии, так и социологии заслуживает типология личностно-мотивационных аспектов деятельности наставников, предложенная И. С. Гичаном и А. С. Батышевым [Гичан, 1983; Управление наставничеством: метод. рекомендации, 1983]:

1. «Равноправные» (~40 % наставников). Высококласные специалисты и товарищи для молодых. Занимают активную жизненную позицию, посещают лекции, посвященные развитию психолого-педагогической культуры, обладают индивидуальным стилем ведения воспитательной работы. Реализуют социальный контроль за подопечными с помощью влияния коллектива, выстраивают доверительные отношения, учат брать на себя ответственность, при этом подстраховывая, демонстрируют личный трудовой пример (ударничество и т. п.). Самый благоприятный тип, преимущественно с высшим и среднеспециальным образованием.

2. «Ситуационные» (~50 % наставников). Занимаются профессиональной подготовкой молодежи, но не уделяют внимание вопросам воспитания. Наставники данного типа – инструкторы. Отношения с молодежью строятся в официальном ключе, осуществляется жесткий социальный контроль за подшефными с применением санкций. Крайне редко хвалят или одобряют работу подопечных. Воспитательная работа проводится, как правило, только в случае нарушений (опоздание, прогул и т. д.). Психологическое состояние молодежи при взаимодействии с такими наставниками – растерянность и потеря чувства самостоятельности. Как правило, имеют среднее образование, нередко ниже, чем у их подшефных, на почве чего также могут возникать конфликты.

Таблица 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО С ЧЛЕНАМИ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА,
ПЯТИБАЛЛЬНАЯ ШКАЛА

Вопросы суждения	Наставником	Товарищами по работе	Товарищами по интересам	Мастером	Бригадиром	Начальником цеха
Наиболее близкие взаимоотношения у меня с...	4,3	3,75	3,7	2,9	2,85	2,1
Наиболее уверенно я чувствую себя в отношении с...	4,27	4,2	3,94	2,76	2,73	2,08
Чаще всего я делюсь своими жизненными планами на будущее с...	3,9	3,7	3,6	2,9	2,46	1,8

3. «Формальные» (~10 % наставников). Наставники-практики, не осознающие педагогической и воспитательной цели своей работы, несут бремя наставничества не по своему желанию (были назначены, выбраны без согласия). Неохотно делятся опытом с подопечными, бессистемно и отрывочно демонстрируют профессиональные навыки и умения, склонны загружать подопечных рутинной и простой работой, чтобы не объяснять нового. Могут видеть «ущемление своего авторитета» при передаче своего опыта. Самый нежелательный тип в коллективе, часто с неполным средним образованием.

Предложенный подход позволил выявить, что важной составляющей труда наставника является не только его профессиональные навыки, но еще и понимание установок, мотивов и потребностей молодых работников. Но, к сожалению, в советское время этому не уделялось должного внимания. «В школах и университетах рассматриваются главным образом теоретические вопросы воспитания, что касается педагогической практики наставничества, то она не находит нужного освещения, что отрицательно сказывается на повседневной деятельности наставников» [Управление наставничеством ..., 1983, с. 29].

Отсюда вытекает необходимость в образовании самих наставников, причем не только на рабочих местах, но и в учебных заведениях.

С позиций психологического подхода наставничество предстает не просто как процесс передачи знаний, а как динамичная система межличностных отношений, основанная на механизмах доверия, идентификации и конструктивной обратной связи. Ключевым психологическим условием его эффективности является способность наставника выступить в роли эмоционально значимой фигуры (ролевой модели), которая обеспечивает не только профессиональное обучение, но и психологическую поддержку, способствуя социальной адаптации, развитию самооценки и личностному росту подопечного.

Психолого-педагогический подход создает фундаментальные предпосылки для более глубокого социологического анализа наставничества, существенно расширяя и обогащая его. Изучая микроуровень (мотивы, установки и механизмы взаимодействия индивидов), он предоставляет социологии необходимый инструментарий для объяснения того, как именно реализуются макросоциальные функции наставничества (воспроизводство кадров, трансляция норм и ценностей, укрепление социального капитала). Фокусируясь на феномене доверия как основе отношений, психолого-педагогическая оптика позволяет социологии перейти

от констатации наставничества как социального института к анализу его внутренней «социальной ткани» – тому, как в конкретных практиках выстраиваются социальные связи, формируется лояльность профессиональной культуре и воспроизводятся неформальные нормы. Этот подход позволяет социологии объяснить, как именно в процессе наставничества воспроизводятся социальные нормы, укрепляется трудовая и профессиональный капитал и транслируются ценности, обогащая понимание его институциональной роли наставничества.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К НАСТАВНИЧЕСТВУ: ОПЫТ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Что касается *социологического подхода*, то целая плеяда отечественных исследователей в лице И. А. Громова, Н. Р. Ерошиной, А. С. Лобанова, В. В. Пермякова, А. В. Сеницыной, С. А. Лисицина, И. С. Урсу и других реализовывала его применительно к изучению феномена наставничества [Наставничество в производственных коллективах: формы и методы работы, 1977; Лобанова, Пермяков, 1978; Сеницына, Тарасюк, 1981; Лисицина, Урсу, 2010; Громов, Урсу, 1992]. В качестве объектов их исследований выступали функции наставника, его качества, оценка эффективности его деятельности и др. Исследования непосредственно проводились на промышленных предприятиях, поскольку именно там более всего были востребованы наставники. Рабочая молодежь не всегда осознанно делала свой профессиональный выбор, фиксировались многочисленные случаи нарушения дисциплины, поэтому наставнику было необходимо не только привить любовь молодым людям к профессии, но еще и помочь им адаптироваться в трудовом коллективе, а также, по возможности, оказать определенное влияние на организацию их досуга и формирование социально значимых взглядов и убеждений.

В этой связи особого внимания заслуживает эмпирическое исследование проблемы наставничества, проведенное социологами И. А. Громовым и Н. Р. Ерошиной на промышленных предприятиях в начале 1970-х годов. Исследователи рассматривали наставничество в качестве социального института, поскольку, во-первых, оно объединяет социальные группы людей, выполняющих социально значимые функции, а во-вторых, представляет собой добровольную организацию личностей, которые выполняют свои социальные роли (и функции) на общественных началах [Наставничество в производственных коллективах ..., 1977].

При определении сущности наставничества данные ученые придерживались *деятельностного подхода*. По их мнению, наилучшим образом охарактеризовать наставника можно было с помощью объективных и субъективных показателей. К *объективным показателям* относятся:

1. Степень добровольности принятия обязанностей наставника. Было выявлено, что большинство профессионалов становятся наставниками добровольно, а насильно назначенные вскоре отказываются от этой деятельности.

2. Объем общественной нагрузки наставника – это количество подопечных на настоящий момент, за все время работы и средний стаж наставничества. Как показало исследование, среднее число одновременно опекаемых наставником подопечных равнялось двум молодым специалистам.

3. Характер воспитательного воздействия на подопечных. Было отмечено, что несмотря на полифункциональность наставника, его важнейшая функция заключалась в воспитании добросовестного отношения к труду и закрепление молодежи на рабочих местах. Вместе с тем подчеркивается особенность сферы влияния наставнической деятельности, которая распространяется не только на рабочее, но и на свободное время. В частности, было выявлено, что «Примерно пятая часть наставников на прямой вопрос: «Знаете ли Вы, как Ваш подопечный проводит свободное время?» – ответила отрицательно» [там же, с. 22]. Данный факт указывал на необходимость расширения наставнической деятельности, как на рабочем месте, так и вне его.

4. Участие в соревновании «Лучший наставник молодежи». Наставническая деятельность, по мнению авторов, может быть оценена и по *субъективным показателям*.

Мотивация наставника. Исследователи приводят результаты опроса, в которых доминирующим мотивом деятельности наставников является осознание долга перед обществом и молодежью. В качестве основных мотивов выделяются также желание передачи собственного опыта и возможность лучше узнать людей (см. табл. 2) [там же, с. 28].

Субъективная оценка эффективности. Проведенное социологами исследование выявило связь оценки эффективности наставника и стажа его работы (табл.3) [там же, с. 26].

Было бы ошибочно предполагать, что всякий высококвалифицированный специалист может шефствовать над молодежью. И. А. Громов и Н. Р. Ерошина отмечают барьеры, которые препятствуют становлению профессионала, одновременно обладающего высокими нравственными качествами, в качестве наставника. «...Почти 15 процентов наставников считает: их шефской работе мешает отсутствие

Таблица 2

ЧТО ВАМ ДАЁТ РАБОТА НАСТАВНИКА? (%)

Осознание выполненного долга перед обществом, перед молодым поколением	24,5
Хочется передать свой опыт, знания	21,0
Нравится роль педагога, воспитателя	8,1
Повышает авторитет	3,2
Расширяет кругозор	8,3
Позволяет лучше узнать людей	19,6
Не даёт останавливаться на достигнутом	5,8
Помогает «оставаться молодым»	9,5

Таблица 3

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАСТАВНИЧЕСТВА (%)

Оценка эффективности наставничества	Стаж наставнической работы	
	1-й год	более 10 лет
Облегчает вхождение молодых рабочих в коллектив	29,4	30,75
Способствует быстрейшему повышению профессионального мастерства молодых рабочих	58,8	38,5

воспитательных навыков» [Наставничество в производственных коллективах ... , 1977, с 29]. Авторы отмечают, что воспитательные навыки могут появиться по мере увеличения стажа наставнической работы, однако очевидно, что существует необходимость в работе с наставниками и в формировании у них определенных компетенций.

Советский опыт может быть вполне востребован и в настоящее время, когда должного внимания обучению наставников практически не уделяется, хотя в этом ощущается значительная потребность. Исследование И. А. Громова и Н. Р. Ерошиной раскрывает ключевые потребности в тематических лекциях по следующим дисциплинам: педагогика и психология (27,9 %) и юридические вопросы (25,4 %). В другом источнике также отмечается необходимость наличия у наставника воспитательных навыков: «Мы стремимся к тому, чтобы наставник, кроме профессиональной подготовки и высоких моральных качеств, имел способность к воспитательной работе, был по-настоящему добрым, внимательным и в то же время строгим и принципиальным, отзывчивым и чутким

Социологические науки

товарищем, человеком щедрой души... Он – активный боец идеологического фронта, призванный оказывать глубокое влияние на идейно-нравственное формирование личности молодого человека» [Наставник - активный воспитатель молодежи, 1976, с. 78]. Таким образом, наставник должен обладать как профессиональными качествами, так и соответствующими личностными, нравственными и воспитательными характеристиками.

Обучение наставников неразрывно связано с рецепцией эффективности их деятельности, которая может быть оценена, как минимум, по двум основным критериям. Первый критерий – это влияние на производственный процесс подшефной молодежи, куда входит сокращение текучести кадров и ошибок в работе, уменьшение непроизводительных потерь рабочего времени. Второй – это вклад наставника в воспитание своего подопечного. Выбор профессии молодым специалистом не всегда оказывается целенаправленным, но с помощью наставника может превратиться в четко сформулированное решение продолжать развиваться в рамках выбранного направления. Здесь стоит отметить важность взаимодействия всех участников процесса: не только наставника и его подопечного, но и наставника и семьи наставляемого. Основная трудность при взаимодействии с семьей заключается в том, что иногда возможно расхождение ориентаций наставляемого: родители и наставник могут воздействовать на молодого специалиста несогласованно, прививая разные ценности и ставя разные цели. Как следствие, молодой специалист нередко меняет работу и не может четко сформулировать свой профессиональный путь. «Именно поэтому нужны непосредственные контакты наставников молодежи с родителями, ибо единство задач и требований – неременное условие действенности воспитания» [Наставничество в производственных коллективах ..., 1977, с. 38].

Актуальным представляются выводы из исследования, проведенного А. С. Лобановым и В. В. Пермяковым по изучению опыта трудовых коллективов заводов и колхозов СССР. Ученые утверждали, что наставник – это «не только учитель, но и добрый советчик, и настоящий друг, и образец для подражания, идеал, с которого можно брать пример... Вот почему наставником нельзя быть по обязанности» [Лобанов, Пермяков, 1976, с. 8]. Солидаризируясь с ними, А. В. Синицкая также отмечает, что «основой воспитательного мастерства наставника является осознание им своей роли воспитателя» [Роль наставничества в формировании личности молодого рабочего, 1981, с. 85]. Таким образом, преобладал подход, при котором наставничество рассматривалось в качестве работы по призванию.

Как упоминалось выше, «наставники по долгу службы» хуже выполняли обязанности и конфликтовали со своими подопечными. Данный тезис также подтверждается исследованием И. А. Громова и Н. Р. Ерошиной: «именно среди группы “назначенных” наибольший процент лиц, собирающихся отказаться от этой общественной нагрузки» [Наставничество в производственных коллективах ..., 1977, с. 10]. Среди наставников со средней и низкой степенью удовлетворенности выполнения своих функций наблюдается их частая сменяемость. У тех, кто выполняет свою миссию по принуждению, «число молодых рабочих, полюбивших избранную профессию, составило всего лишь 17%» [Управление наставничеством ..., 1983, с. 44].

Приведенные примеры демонстрируют, что назначенные наставники хуже способствуют адаптации новичка на рабочем месте, а в четверти случаев вообще затрудняются с определением степени адаптации своего подопечного [Роль наставничества в формировании личности молодого рабочего, 1981, с. 18–19] (см. табл. 4).

Таблица 4

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ФОРМОЙ НАЗНАЧЕНИЯ НАСТАВНИКА И ОТНОШЕНИЕМ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО С КОЛЛЕКТИВОМ (в %)

Отношения новичка с коллективом	Форма назначения наставников		
	по собственной инициативе, добровольно	предложили выполнять функции наставника, спросив согласие	назначили наставником
Отношения сложились	78	72	60
Неопределенные отношения	8	10	16
Отношения не сложились	3	1	1
Наставники не знают, как оценить отношения новичка с коллективом	11	17	23

Формально назначенные наставники сохраняют поверхностные контакты со своими подопечными, не заинтересованы в их продвижении, а в будущем намерены отказаться от своей роли. Соответственно, те наставники, которые сознательно и добровольно берут на себя эту роль, добиваются больших успехов. Данный факт важно принимать во внимание при формировании движения наставничества.

Социальные функции наставников, выделяемые А. С. Лобановым и В. В. Пермьяковым, сходятся с теми, что предлагали И. А. Громов и Н. Р. Ерошина: 1) помощь во вхождении в трудовой коллектив; 2) помощь в овладении профессией; 3) нравственное и идейно-политическое воспитание молодежи. Вместе с тем, добавляется и четвертая функция: осуществление социального контроля за деятельностью молодого человека.

Особенностями представления советской модели наставничества можно считать следующее: 1) наставничество, главным образом, должно способствовать развитию рабочего класса; 2) предполагается, что наставник должен обладать воспитательными компетенциями; 3) наставничество представляет из себя социальный институт, который передает социальный опыт и формирует конкретные качества у наставляемых.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К НАСТАВНИЧЕСТВУ: ОПЫТ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Перейдем к рассмотрению современных работ, посвященных изучению наставничества. Социолог Е. В. Урываева определяет наставничество «как одну из форм обучения на рабочем месте. Эта форма обучения характеризуется тем, что наставник обычно выполняет весь круг задач по обучению своих подопечных без освобождения от основной работы» [Урываева, 2006, с. 34]. Согласно данной трактовке, наставник – это не только призвание, но и труд, который реализуется дополнительно вместе с основным функционалом работника. В данном случае становится очевидным, что дополнительный труд требует системы поощрения – моральной или материальной.

Некоторые авторы рассматривают социальный феномен наставничества с точки зрения *институционального подхода*, в то же время, определяя наставничество как элемент процесса *социализации*. Так, в понимании А. Т. Гаспаришвили и О. В. Крухмалева, наставничество – это социальный институт, «обеспечивающий процесс преемственности культуры, норм, ценностей, навыков и умений путем передачи профессионального опыта» [Гаспаришвили, Крухмалева,

2019, с. 110]. Авторы делают упор на понимание наставничества как процесса передачи профессиональных навыков и компетенций: «реализация функций наставничества была сосредоточена в основном в системе специальной подготовки кадров» [там же, с. 112]. При этом отмечается, что наставничество является ограниченным с точки зрения сфер его использования. По мнению ученых, наставничество реализуется «в творческих, личностно ориентированных сферах: *в науке* (понятие «научной школы» базируется на персональном участии ученого в становлении его учеников); *искусстве* (авторские школы, мастерские); *педагогическом образовании* (введение молодого педагога в процесс учебной деятельности, особенно на ступенях начального и общего среднего образования); *спорте* (ученик-тренер)» [там же, с. 112]. В дополнение можно привести также и другие сферы востребованности наставничества, например, бизнес и государственное управление.

М. В. Кларин полагает, что наставничество создает основу корпоративной культуры организации. Успех молодого специалиста зависит не только от квалификации, но и неформальной стороны взаимодействия [Кларин, 2016].

Е. А. Князькова и Н. А. Береза, опираясь на «Основы государственной молодежной политики до 2025 года», выделяют следующие направления наставничества современной молодежи: 1) профессиональная подготовка; 2) социально-нравственное воспитание; 3) патриотическое воспитание [Князькова, Береза, 2018, с. 74].

Нельзя не согласиться, что актуальное состояние российского общества требует работы с молодыми людьми не только в аспекте помощи с вхождением в профессию, но и в аспекте воспитания нравственных и патриотических чувств. Так, политолог Л.Л. Иванова полагает, что одной из функций наставничества является формирование «позитивных ценностей – уважение к правам и достоинству человека и гражданина, добросовестности, дисциплинированности, гражданской и правовой активности, сознательного и творческого отношения к государственной службе» [Иванова, 2012, 132].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования наставничества, отметим его особенности как социального института:

1. Наличие статусно-ролевой системы: есть наставники, а есть наставляемые; все они выполняют определенные роли (функции) согласно своему статусу.

2. Наличие единой системы целей, задач и форм деятельности.

3. Массовый характер движения, обеспечивающий взаимодействие социальных групп молодежи и наставников.

4. Выполнение социально-значимых функций, а именно нравственно-воспитательная составляющая наставнической деятельности, которая затрагивает как рабочее, так и свободное время молодежи.

Именно совокупность нравственных и воспитательных качеств делает профессионала наставником. Пожалуй, в этом и состоит отличие наставника от ментора (слово считается устаревшим в русском языке и носит негативную коннотацию), тьютора (инструктора в рамках образовательной деятельности) и коуча (отношения, направленные на достижение конкретной цели).

Теоретический анализ советского опыта и современных подходов позволяет сформулировать важный вывод о том, что наставничество включает в себя постоянную работу с молодежью с целью оказания помощи в становлении на жизненном пути и приобретения профессиональных навыков, а также нравственное воспитание. Наставнику важно иметь навыки нравственного воспитания молодежи, чтобы обеспечить стабильное и четкое формирование взглядов и убеждений молодого человека. Большого эффекта можно будет добиться, если наставник будет взаимодействовать с семьей своего подопечного.

Важно отметить наличие позитивного взаимодействия наставника и наставляемого. Наставник должен быть осведомлен о результатах работы и обучения своего подопечного, а также о содержании его досуга. Здесь существует необходимость рационализации свободного времени молодых людей, поскольку деструктивный досуг или плохая компания не будут способствовать профессиональному становлению и могут пагубно влиять на переоценку ценностей.

Социально необходимая потребность в передаче знаний, норм и ценностей, в профессиональной адаптации и становлении специалистов актуализировала запрос на наставников. Наставник – высококвалифицированный профессионал, который обладает рядом характеристик.

В качестве его *объективных характеристик* можно выделить:

1) степень добровольности (практический опыт показал, что несмотря на то, что должность наставника может быть назначаемой, лучший результат показывают воспитанники тех, кто стал наставником в добровольном порядке);

2) объем нагрузки (общий стаж наставника и количество подопечных на настоящий момент, а также общее число подопечных за всю наставническую деятельность и объем времени, потраченный на одного подшефного);

3) наличие воспитательных навыков (либо врожденных, отмечаемых посредством самооценки, либо в результате приобретения педагогического образования или прохождения педагогических курсов);

4) результаты деятельности подопечных (успехи в учебе, продвижение по службе, поощрения, награды и победы в конкурсах и т. д.).

Субъективные характеристики социально-психологической направленности включают: *мотивацию наставника и субъективную оценку его эффективности.*

Предполагается, что наставник реализует ряд функций. Прежде всего, функцию *воспитания добросовестного отношения к труду*. В современном российском обществе в целом наблюдается проблема отсутствия у людей чувства ответственности за свои рабочие действия и поведение. Корректировка отношения к труду, понимание его важности и значимости, прививание чувств любви к своему делу поможет нивелировать данную проблему.

Следующая функция связана с *помощью в адаптации и трансляцией норм и ценностей*. Наставник уже был когда-то на месте своего подопечного, поэтому знает все этапы профессионального пути. Этот опыт работы и знание коллектива помогут подопечному адаптироваться к новому рабочему или учебному месту.

Важное место также занимает *воспитание нравственно-патриотических качеств*. На протяжении всей своей жизни индивид находится в процессе социализации, взаимодействует с различными агентами. Наставник может стать таким агентом, который помимо профессиональной культуры сможет привить своему подопечному общечеловеческие качества, научит конструктивно

Рис. 2. Концептуальная модель наставничества

В качестве результата обобщения теоретических источников предлагается концептуальная модель наставничества.

взаимодействовать с обществом и, что немало важно, станет для него агентом политической социализации.

Функция социального контроля предполагает предупреждение возникновения ошибок как на работе или на учебе в целом, так и в отдельных жизненных ситуациях, в частности. Само осознание того, что за тобой присматривают, заставляет подопечного более осознанно и внимательно относиться к своей работе.

Наконец, *тандем наставника и наставляемого* представляет собой обязательное взаимодействие, которое происходит в различных сферах. Безусловно, затрагивается рабочая и учебная сфера, где наставляемый получает профессиональные компетенции. Особого внимания заслуживает сфера, свободная от работы, и этот момент остается дискуссионным.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд элементов советской системы наставничества, сохраняющих свою актуальность и способных быть продуктивно интегрированными в современную российскую практику. В первую очередь, это ценность неформального, личностно ориентированного взаимодействия, при котором опытный специалист передает не только профессиональные компетенции, но и корпоративную культуру, этические нормы и жизненный опыт. Во-вторых, востребованным остается институт общественного признания, пусть и в модернизированной форме: система нематериальных поощрений (грамоты, знаки отличия, общественное признание)

выступала мощным мотивационным фактором, укреплявшим социальный статус наставника. Наконец, полезным может быть организационный принцип закрепления наставника за конкретным молодым специалистом, что в советское время обеспечивало адресность и персональную ответственность в процессе адаптации.

Вместе с тем не все элементы наставничества из советского прошлого могут быть востребованы в современной России. К ним относится, например, преобладание формализма и декларативности, когда массовость движения достигалась за счет административного давления, что обесценивало реальное содержание работы. Кроме того, необходим отказ от иллюзии, что наставническая деятельность может быть сугубо альтруистической и эффективной – для ее функционирования необходима разработка системы определенных норм и санкций – конкретных материальных стимулов.

Где должна заканчиваться сфера влияния наставника, зависит ли это от конкретного случая? А можно ли воспитать ответственного гражданина, не имея сведений о его увлечениях и времяпровождении? Должен ли наставник взаимодействовать с родителями своего подопечного? Несмотря на наличие тесной связи между наставником и наставляемым, существует тонкая грань, разделяющая наставника от начальника, коллеги и друга. Вместе с этим, не стоит забывать об этимологическом значении слова «наставник» – это тот, кто учит, ведет и показывает своему наставляемому путь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Garvey R., Strokes P., Megginson D. *Coaching and Mentoring: Theory and Practice*. SAGE Publications, 2018.
2. Taylor, M., Crabb, S. *Business Coaching & Mentoring for Dummies*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc. 2017.
3. Ладилова Н. А., Мишина И. А. *Наставничество в России: от истоков к современности*. М.: Академия Минпросвещения России, 2023.
4. Гичан И. С. *Психологические проблемы наставничества*. Киев: Вища шк., 1983.
5. Любар А. А., Тхоржевский Д. А. *Наставничество в воспитании учащихся общеобразовательной школы*. Киев: Рад. школа, 1982.
6. Малкин И. И. *Психолого-педагогические основы наставничества: учебное пособие*. Казань: Казан. пед. ин-т, 1976.
7. Столяр И. Г. *Наставничество на производстве*. М.: Экономика, 1982.
8. *Управление наставничеством: Метод. рекомендации* / Всесоюз. науч.-метод. центр проф.-техн. обучения молодежи; разработ. А. С. Батышевым. М.: ВНИЦ Госпрофобра СССР, 1983.
9. *Наставничество в производственных коллективах: Формы и методы работы* / И. А. Громов, Н. Р. Ерошина ; О-во "Знание" РСФСР, Ленингр. организация. Ленинград: Знание, 1977.
10. Лобанов А. С., Пермьяков В. В. *Наставничество в трудовом коллективе*. М.: Знание, 1978.
11. Сеницкая В. А., Тарасюк П. Е. *Воспитательная работа в производственном коллективе*. Киев: Техніка, 1981.
12. Лисицин С. А., Урсу И. С. *Социология социально-педагогической деятельности*. СПб.: ЛОИРО, 2010.

13. Громов И. А., Урсу И. С. Социология коллектива, личности и образования: теория, методология и методика социологического исследования (для факультетов дополнительных педагогических специальностей). СПб.: Образование, 1992.
14. Наставник – активный воспитатель молодежи / сост. А. Т. Иванов. М.: Политиздат, 1976.
15. Роль наставничества в формировании личности молодого рабочего: сб. науч. тр. Л.: ВПШК, 1981.
16. Урываева Е. В. Персонал в бизнес-организациях: обучение и развитие в современных условиях: дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2006.
17. Гаспаршвили А. Т., Крухмалева О. В. Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и новые реалии // Образование и воспитание. 2019. № 5. С. 109–115.
18. Кларин М. В. Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века // ЭТАП. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-nastavnichestvo-novye-cherty-traditsionnoy-praktiki-v-organizatsiyah-xxi-veka> (дата обращения: 30.03.2025).
19. Князькова Е. А., Береза Н. А. Вопросы актуальности института наставничества в молодежных сообществах на местном уровне // Вопросы управления. 2018. № 5 (35). С. 72–78.
20. Иванова Л. Л. Наставничество на государственной гражданской службе: институциональный аспект // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2012. № 4. С. 130–138.

REFERENCES

1. Garvey, R., Strokes, P., Megginson, D. (2018). *Coaching and Mentoring: Theory and Practice*. SAGE Publications.
2. Taylor, M., Crabb, S. *Business Coaching & Mentoring for Dummies*. (2017). Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.
3. Ladilova, N. A., Mishina, I. A. (2023). *Nastavnichestvo v Rossii: ot istokov k sovremennosti = Mentoring in Russia: from the origins to the present*. Moscow: Akademiya Minprosveshcheniya Rossii. (In Russ.)
4. Gichan, I. S. (1983). *Psihologicheskie problemy nastavnichestva = Psychological problems of mentoring*. Kiev: Vishcha shk. (In Russ.)
5. Lyubar, A. A., Tkhorzhevsky, D. A. (1982). *Nastavnichestvo v vospitanii uchashchihsya obshcheobrazovatel'noj shkoly = Mentoring in the education of students of secondary school*. Kyiv: Rad. Shkola. (In Russ.)
6. Malkin, I. I. (1976). *Psihologo-pedagogicheskie osnovy nastavnichestva = Psychological and Pedagogical Foundations of Mentoring*. Kazan: Kazan Ed. Un. (In Russ.)
7. Stolyar, I. G. (1982). *Nastavnichestvo na proizvodstve = Mentoring in production*. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
8. Batyshev, A. S. (1983). *Upravlenie nastavnichestvom: Metod. rekomendacii = Mentoring Management: Methodical Recommendations / All-Union Scientific and Methodical Center of Prof.-Techn. training of youth*. Moscow: w/o. (In Russ.)
9. Gromov, I. A., Eroshina, N. R. (1977). *Nastavnichestvo v proizvodstvennyh kollektivah: (Formy i metody raboty) = Mentoring in Production Collectives: (Forms and Methods of Work)*. Leningrad: Znanie. (In Russ.)
10. Lobanov, A. S., Permyakov, V. V. (1978). *Nastavnichestvo v trudovom kollektive = Mentoring in the labor collective*. Moscow: Znanie Publ. (In Russ.)
11. Sinitskaya, V. A., Tarasyuk, P. E. (1981). *Vospitatel'naya rabota v proizvodstvennom kollektive = Educational Work in Production Collective*. Kiev: Technika. (In Russ.)
12. Lisitsin, S. A., Ursu, I. S. (2010). *Sociologiya social'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti = Sociology of socio-pedagogical activity*. St. Petersburg: LOIRO. (In Russ.)
13. Gromov, I. A., Ursu, I. S. (1992). *Sociologiya kollektiva, lichnosti i obrazovaniya: teoriya, metodologiya i metodika sociologicheskogo issledovaniya (dlya fakul'tetov dopolnitel'nyh pedagogicheskikh special'nostej) = Sociology of the collective, personality and education: theory, methodology and methods of sociological research (for faculties of additional pedagogical specializations)*. St. Petersburg: Obrazovanie. (In Russ.)
14. Ivanov A. T. (1976). *Nastavnik – aktivnyj vospitatel' molodezhi = A mentor is an active educator of young people*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
15. Rol' nastavnichestva v formirovanii lichnosti molodogo rabocheho = The role of mentoring in the formation of the personality of a young worker. The Collection of Scientific Issues. Leningrad: VPSHK, 1981. (In Russ.)
16. Uryvaeva, E. V. (2006). *Personal v biznes-organizacijah: obuchenie i razvitie v sovremennyh usloviyah = Personnel in Business Organizations: Learning and Development in Modern Conditions: PhD in Sociology*. Volgograd. (In Russ.)

17. Gasparishvili, A. T., Krukhmaleva, O. V. (2019). Mentoring as a social phenomenon: modern challenges and new realities. *Obrazovanie I Vospitanie*, 5, 109–115. (In Russ.)
18. Klarin, M. V. (2016). Modern mentoring: new features of traditional practice in organizations of the XXI century. *ETAP*, 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-nastavnichestvo-novye-cherty-traditsionnoy-praktiki-v-organizatsiyah-xxi-veka> (accessed: 30.03.2025). (In Russ.)
19. Knyazkova, E. A., Bereza, N. A. (2018). Issues of relevance of the institution of mentoring in youth communities at the local level. *Voprosi Upravleniya*, 5(35), 72–78. (In Russ.)
21. Ivanova, L. L. (2012). Mentoring in the state civil service: an institutional aspect. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 4, 130–138. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станевич Анастасия Юрьевна

кандидат социологических наук

доцент кафедры социологии

Московского государственного лингвистического университета

старший научный сотрудник научно-проектного отдела научно-инновационного управления

Государственного академического университета гуманитарных наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanevich Anastasia Yurievna

PhD (Sociology)

Associate Professor of the Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)

Moscow State Linguistic University

Senior Researcher

Scientific and Design Department of Scientific and Innovation Management

State Academic University of Humanities

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.09.2025
07.11.2025
27.11.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Социокультурные риски миграции: опыт и восприятие в принимающем сообществе (на примере Республики Адыгея)

О. А. Чистякова

Академия управления МВД России, г. Москва, Россия
olga_Melnikova08@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются процессы социокультурных рисков миграции в Республике Адыгея. С усилением миграционных потоков межкультурное взаимодействие мигрантов и принимающего общества обретает дополнительные риски, если это общество является поликультурным и полиэтничным, к каковым относится большинство российских регионов. Важнейшими задачами, возникающими перед нынешним поликультурным обществом, являются формирование межэтнической толерантности, реализация ее коммуникативного потенциала и тем самым преодоление негативных тенденций в сфере межэтнических отношений. В связи с нарастающим этнокультурным разнообразием, обусловленным активизирующимися миграционными процессами, требуется научное переосмысление традиционных моделей интеграции и выработки новых стратегий интеграции мигрантов. Автор рассматривает поликультурное пространство как систему, фиксирующую динамичные взаимодействия и взаимовлияния, уровень интегративности, межкультурного диалога, появление новых форм идентичности, ценностей и социальных практик. Под поликультурным пространством применительно к российским регионам предложено понимать пространство региона, которое характеризуется как пространство, наполненное разными этническими и религиозными традициями, этнокультурными объектами и событиями, людьми, относящимися к разным этносам и религиям, а также практиками межкультурного и межконфессионального взаимодействия. На основе комбинированной методологии (анкетирование, глубинные и экспертные интервью, контент-анализ документов) в Республике Адыгея выявлены ключевые тенденции: преобладание долгосрочных миграционных стратегий (72 %), высокий образовательный уровень мигрантов (68 %) при низкой конвертации их квалификации (83 %), а также амбивалентное отношение принимающего сообщества (57 % позитивных оценок при 62 % экономических опасений). Результаты показали, что успешность интеграции зависит от уровня доверия и программ поддержки на региональном уровне. Практическая значимость работы определяется разработкой трехуровневой системы рекомендаций по оптимизации миграционной политики в поликультурном регионе.

Ключевые слова: миграция, социокультурные риски, социальные поля, принимающее сообщество

Для цитирования: Чистякова О. А. Социокультурные риски миграции: опыт и восприятие в принимающем сообществе (на примере Республики Адыгея) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4 (861). С. 129–135.

Original article

Sociocultural Risks of Migration: Experience and Perception in the Host Community (using the Republic of Adygea as an Example)

Olga A. Chistyakova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
olga_Melnikova08@mail.ru

Abstract.

The article is devoted to the study of the processes of socio-cultural risks of migration in the Republic of Adygea. With the increase in migration flows, the intercultural interaction of migrants and the host society acquires additional risks if this society is multicultural and multiethnic, which most Russian regions belong to. The most important tasks facing the current multicultural society are the formation of interethnic tolerance, the realization of its communicative potential and thereby overcoming negative trends in the field of interethnic relations. Due to the growing ethnic and cultural diversity caused by the intensifying migration processes, a scientific rethinking of traditional integration models and the development of new integration strategies for migrants is required. The author considers the multicultural space as a system that captures dynamic interactions and mutual influences, the level of integrativity, intercultural dialogue, the emergence of new forms of identity, values and social practices. Multicultural space in relation to Russian regions is proposed to be understood as the space of a region, which is characterized as a space filled with different ethnic and religious traditions, ethnocultural objects and events, people belonging to different ethnic groups and religions, as well as practices of intercultural and interfaith interaction. Based on a combined methodology (questionnaires, in-depth and expert interviews, content analysis of documents), key trends have been identified in the Republic of Adygea: the predominance of long-term migration strategies (72%), the high educational level of migrants (68%) with a low conversion of their qualifications (83%), as well as the ambivalent attitude of the host community (57% positive ratings with 62% of economic concerns). The results showed that the success of integration depends on the level of trust and support programs at the regional level. The practical significance of the work is determined by the development of a three-level system of recommendations for optimizing migration policy in a multicultural region.

Keywords:

migration, socio-cultural risks, social fields, host community

For citation:

Chistyakova, O.A. (2025). Sociocultural risks of migration: experience and perception in the host community (using the Republic of Adygea as an example). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(861), 129–135. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Миграция – одно из ключевых явлений современного общества, оказывающее влияние на экономику, демографию и культурный ландшафт регионов. Она является неизбежным и многогранным процессом, влияющим на социально-экономическое развитие стран и требующая регулирования для усиления позитивных эффектов. В мировом населении международная миграция, несмотря на относительно небольшую долю (3,6 % в 2024 году), в абсолютном выражении 281 млн человек в 2024 году¹, оказывает значимое влияние на демографию, экономику и культуру принимающих стран.

Среди крупнейших держав мира Россия выделяется как одно из самых привлекательных направлений для миграции. Это подтверждается ее позицией в первой пятёрке глобального рейтинга, куда также входят США, Германия, Саудовская Аравия и Великобритания, согласно данным исследования 2024 года².

Основное количество миграционных потоков в Россию направлены из стран Центральной Азии (на начало 2024 года численность мигрантов, проживающих на территории РФ составила порядка 6,1 млн человек) и стран СНГ.

В связи с бесспорной значимостью миграции как феномена для развития общества, социологи и ученые активно занимаются изучением процессов миграции. Фундаментальный труд Э. Г. Равенштейна «Законы миграции», созданный в период 1885–1889 годов, положил начало систематическому изучению миграционных процессов [Ravenstein, 1885].

Основы исследования миграционных перемещений населения и адаптационное поведение мигрантов были заложены еще в 1920-1930-е годы в работах основателей чикагской школы Р. Парка и А. Смолла [Чикагская школа социологии, 2015].

Динамичные процессы адаптации и конкуренции мигрантов и принимающего населения в условиях конкретной социально-пространственной среды представлены в теории экологии человека, разработанной в начале XX века Робертом Парком и Родериком Маккензи [Парк, 1998; Маккензи, 2008]. Исследователи предлагают воспринимать населенный пункт как экологическую систему, где распределение пространства и ресурсов

¹International Organization for Migration. World Migration Report 2024 // International Organization for Migration: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2024-interactive/> (дата обращения: 24.02.2025).

²Там же.

происходит на основе конкурентных отношений между группами населения.

Перемещение мигрантов в новый регион приводит к формированию конкурентной среды в борьбе за трудовые позиции, жилищный фонд, социальные гарантии и иные материальные блага. Подобная конкуренция может стать катализатором как деструктивных процессов (обострение конфликтов, социальная напряженность), так и конструктивных (технологическое обновление, экономический рост) [Чистякова, 2025].

Социальная адаптация как усвоение общих социальных норм исследуется в социологических работах Ф. Бока [Бок, 1970].

Большое внимание вопросам миграции населения и трудовых ресурсов, социально-политическим аспектам миграционных процессов уделяют отечественные исследователи, такие как: : Г. Ф. Морозова [Гольдин, Морозова, Осипов, 2012], Л. Л. Рыбаковский [Рыбаковский, 2007], Т. И. Заславская [Zaslavskaya, Rybakovsky, 1978], Ю. А. Зубок и В. И. Чупров [Зубок, Чупров, 2017] и другие.

Таким образом, социологический исследовательский корпус охватывает изучение широкого спектра аспектов миграции – от экономических и политических до социокультурных, что способствует комплексному пониманию миграционных процессов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Социально-экономическое развитие России напрямую связано с миграционными процессами, так как естественная убыль населения продолжает расти. Отчет Росстата фиксирует увеличение демографических потерь на 20,4 % – с 495,2 тыс. до 596,2 тыс. человек, что делает миграцию необходимым фактором поддержания численности населения¹.

В то же время Россия является страной регионов и представляет собой многослойное социокультурное и экономическое пространство, в котором взаимодействие и сотрудничество регионов играют ключевую роль в стабильности и процветании государства.

Однако динамичные социальные процессы характерные для мирового сообщества первой четверти XXI века вносят свои коррективы в развитие не только отдельных стран, но и регионов внутри конкретной страны. В социологии культуры появилось такое понятие, как «социокультурные риски»,

представляющие собой. По мнению некоторых ученых угрозы возникают в результате социокультурных изменений. Они могут привести к дезинтеграции общества, к утрате традиционных ценностей, к межэтническим конфликтам и снижению социальной стабильности [Зубок, Чупров, 2017]. Эти риски связаны с процессами миграции, модернизации, глобализации и трансформации культурных норм, которые способны вызвать напряженность, отчуждение и проблемы адаптации в социокультурной среде. Таким образом, социокультурные риски отражают опасности, связанные с нарушением гармонии между социальными группами и культурными традициями в условиях динамичных социальных изменений (*социокультурная адаптация* мигрантов осложняется проблемами трудоустройства, жилищными трудностями, рисками асоциального поведения и межэтническими противоречиями, что провоцирует стрессовые реакции и агрессивные проявления [Чистякова, 2025]).

Региональный опыт взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества имеет огромное значение в социально-экономическом, политическом и культурном пространстве страны.

Одним из регионов, представляющим исследовательский интерес в анализе уровня интеграции мигрантов, является Республика Адыгея. Это субъект Российской Федерации, расположенный на Северном Кавказе. Его региональная специфика определяется уникальным сочетанием географических, этнических, культурных и экономических факторов.

Автор при исследовании миграционных процессов в поликультурном пространстве Республики Адыгея счел нужным применить методологический конструкт, основанный на концепции трех стадий миграции Т. И. Заславской, Л. Л. Рыбаковского и Л. Л. Шамилевой, что позволило рассматривать интеграцию как динамический и поэтапный процесс.

Теория социальных полей Пьера Бурдьё дала возможность, во-первых, представить интеграцию как борьбу за культурный, экономический и социальный капитал в условиях пересечения и взаимодействия различных социальных полей, а во-вторых, рассмотреть процесс трансформации габитуса мигрантов в новых для них социокультурных условиях.

Безусловно, неоценимый вклад в реализацию поставленных задач внесли интеграционная стратегия Дж. Берри и научный подход В. И. Мукомеля и ряда других ученых, фокусирующийся на индикаторах адаптации и интеграции мигрантов.

Эмпирическая база исследования включала результаты социологических опросов,

¹Оперативные данные Росстата за 2023–2024 годы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.05.2025).

проведенных в 2022 и 2023 годах, при которых опрошено по 400 респондентов мигрантов и принимающего населения. Проведено пять глубинных интервью с мигрантами и восемь с местными жителями Адыгеи. Учен вторичный анализ ранее полученных данных, опросов ВЦИОМа, статистических данных Росстата, МВД РФ.

Миграционный рейтинг России за 2024 год выделяет Республику Адыгея как одного из лидеров по приросту населения. Регион достиг показателя 3,7 % мигрантов на тысячу населения и занял пятое место в общероссийском рейтинге.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО МИГРАНТОВ, ПРИБЫВШИХ
В РЕСПУБЛИКУ АДЫГЕЯ В 2020–2024 ГОДАХ

№ п / п	Год	Количество мигрантов, прибывших на территорию Республики Адыгея
1.	Январь – июль 2024	1574
2.	Январь – июль 2023	1860
3.	2022	5354
4.	2021	5475
5.	2020	5408

Наблюдается снижение количества мигрантов в период январь-июль 2024 года по сравнению с аналогичным периодом 2023 года (на 286 человек)¹, что вызвано различными причинами, в том числе из-за СВО и введенных санкций. Основным количеством иностранцев, прибывших в 2022 году, являлись жители следующих стран: Туркменистана, Украины, Армении и Таджикистана.

В то же время, наряду с позитивными эффектами (восполнение трудовых ресурсов, культурный обмен), миграция несет в себе и *социокультурные риски*. Они связаны с интеграцией и их взаимодействием с местным населением.

Фундаментальной проблемой интеграции мигрантов является существенная культурная разница с местным населением, которая проявляется через несовпадение ценностных систем, поведенческих моделей, религиозных взглядов и языковых барьеров. При этом мигранты, включая тех, кто приезжает в Адыгею, вносят существенный вклад в экономическое и демографическое развитие

¹Республика Адыгея в цифрах 2022 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/79_Республика%20Адыгея%20в%20цифраx_2022.pdf (дата обращения: 05.2023).

регионов. Однако их успешная адаптация затруднена из-за отсутствия эффективных механизмов поддержки и слабой интеграции в социальную и культурную жизнь региона. Важным фактором является гендерная специфика миграции, поскольку представители разных полов сталкиваются с различными проблемами, что требует создания дифференцированных интеграционных стратегий. Без целенаправленной политики интеграции формируются этнические общины, растет социальная изоляция мигрантов и повышается риск возникновения конфликтов.

Таблица 2

ОТНОШЕНИЕ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ
АДЫГЕЯ К МИГРАНТАМ

№ п / п	Ответы респондентов	(в %)
1.	Мигранты должны знать и уважать традиции и обычаи принимающего сообщества, но не обязаны следовать им.	62,6
2.	Мигранты обязаны придерживаться традиций и обычаев принимающего сообщества	26
3.	Мигранты не должны следовать традициям принимающей стороны, поскольку у них есть свои собственные	10,7
4.	Хорошо знакомы с культурой мигрантов	5,3
5.	Не интересовались культурой мигрантов и не разбираются в ней	12,3

Вышеприведенные данные отчетливо демонстрируют, что для мигрантов, прибывших из Центральной Азии, интеграция в поликультурную Адыгею проходит не столь гладко как для мигрантов, так и для принимающего населения [Чистякова, 2025]. *Возникает конфликт интересов*, когда местное население настаивает на соблюдении мигрантами культурных норм, но само не стремится к познанию их традиций и обычаев.

Согласно данным ВЦИОМ² значительная часть россиян относится к трудовым мигрантам негативно: в 2021 году 41 % опрошенных и в 2023 году 40 % респондентов не видят очевидных положительных эффектов для российской экономики. В связи с этим возникает вопрос о социокультурных рисках взаимодействия мигрантов и регионального принимающего сообщества.

²Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie> (дата обращения: 18.10.2023).

Социологические науки

Данные свидетельствуют о том, что жители Адыгеи воспринимают внешних мигрантов как конкурентов за ограниченные ресурсы [Чистякова, 2025].

Таблица 3

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ АДЫГЕИ К МИГРАНТАМ

№ п / п	Отношение местного населения к мигрантам	(в %)
1.	Считают мигрантов «рабочей силой, которой нам не хватает».	31,3
2.	Мигранты занимают рабочие места, дефицит которых местные жители фиксируют и для самих себя.	62,5

Социальная дистанция: сходство ценностей между мигрантами и принимающим сообществом влияет на решение о том, кто останется в стране, а кто уедет. *Брачная стратегия* мигрантов тесно связана с их миграционными планами: ориентация на создание семьи в России указывает на долгосрочные намерения, в то время как сохранение семейных связей или планов по заключению брака на родине демонстрирует временный характер пребывания.

Таблица 4

ОТНОШЕНИЕ МИГРАНТОВ К БРАКУ [ЧИСТЯКОВА, 2025]

№ п / п	Ответы мигрантов Адыгеи	(в %)
1.	Состоят в браке с представителем своей страны.	34
2.	Планируют вернуться для заключения брака в стране происхождения.	30
3.	Рассматривают возможность брака в России с соотечественником.	9
4.	Мечтают о браке с россиянином / россиянкой	13
5.	Не планируют вступать в брак в ближайшем будущем	23
6.	Отказались отвечать на этот вопрос.	7,7

Результаты приведенных исследований свидетельствуют о краткосрочных планах пребывания на территории Республики Адыгея.

Культурный шок и конфликт идентичностей – мигранты испытывают *стресс* из-за различий в традициях, нормах поведения, религиозных

практиках. В принимающем сообществе может возникать *недоверие* к чужим обычаям, что усиливает социальную дистанцию.

Формирование этнических анклавов и сегрегация – диаспоры помогают мигрантам адаптироваться, но при этом *изолируют* их от основного общества. В Адыгее, например, выходцы из Центральной Азии часто селятся компактно, что часто вызывает *напряженность* у местных жителей.

По результатам авторских социологических исследований восприятие миграции в принимающем сообществе (на примере Адыгеи) показывают, что жители Адыгеи: *негативно оценивают* рост числа мигрантов (особенно из стран с иной культурой); считают, что мигранты *не стремятся к интеграции*, сохраняя свою идентичность; опасаются *криминализации* и снижения уровня безопасности [Чистякова, 2025].

Отношение принимающего сообщества:

- 57 % положительно оценивают вклад мигрантов;
- 62 % видят в них экономических конкурентов;
- 34 % отмечают культурные различия как проблему.

Структурные барьеры интеграции:

- *Языковая эксклюзия:* 45 % мигрантов испытывают трудности при обращении в госучреждения.
- *Непризнание квалификации:* 61 % не могут подтвердить дипломы, полученные в РФ.
- *Социальная сегрегация:* 28 % мигрантов проживают в этнических анклавах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, данные авторского исследования и исследований ВЦИОМ демонстрируют противоречивость интеграционных процессов мигрантов в принимающее российское сообщество:

1. Высокий человеческий капитал мигрантов не находит адекватного применения в региональной экономике.
2. Сохраняется значительный разрыв между *формальными (правовыми)* и *неформальными (культурными)* механизмами интеграции.
3. Локальные традиции гостеприимства нивелируются экономическими стереотипами.

Социокультурная интеграция мигрантов в полиэтничном регионе, таком как Республика Адыгея, требует комплексной стратегии, основанной на принципах диалога культур, двусторонней адаптации – как мигрантов к нормам принимающего общества, так и принимающего сообщества

к принятию и включению мигрантов. Данный подход не только минимизирует конфликты и социальную напряженность, но и способствует формированию устойчивого поликультурного пространства, в котором мигранты становятся активными участниками экономической, социальной и культурной жизни региона (поля Бурдые). Эмпирические данные

подтверждают, что успешная интеграция возможна только при сочетании усилий мигрантов (адаптация к нормам) и принимающего сообщества (готовность к диалогу). Стратегия диалога культур, реализуемая в Адыгее фрагментарно, требует системного внедрения, что позволит превратить миграцию в ресурс развития региона, а не источник конфликтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48. Issue 2. P. 167–227.
2. Чикагская школа социологии: сборник переводов / под ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2015.
3. Парк Р. Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. 1998. № 3. С. 167–176.
4. Маккензи Р. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. № 1. С. 232–246.
5. Чистякова О. А. Интеграция мигрантов в поликультурное пространство российских регионов (на примере Республики Адыгея): автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2025.
6. Бок Ф. К. Культурный шок и адаптация мигрантов // Culture shock: A reader in modern cultural anthropology. 1970. С. 177–182.
7. Гольдин Г. Г., Морозова Г. Ф., Осипов А. Г. Миграция и межэтнические отношения в современной России. М.: Наука, 2012.
8. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий. М., 2007.
9. Zaslavskaya T. I., Rybakovsky L.L. Migration processes and their regulation in socialist society // Sociological Researches. 1978. № 1. P. 56–66.
10. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57–67.

REFERENCES

1. Ravenstein, E.G. (1885). The Laws of Migration. Journal of the Statistical Society of London, 48 (2), 167–227.
2. Efremenko, D. V. (Ed.). (2015). Chicago school of sociology: Collection of translations. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
3. Park, R. E. (1998). Human migration and the marginal man. Social Sciences and Humanities. Series 11. Sociology, 3, 167–176. (In Russ.)
4. McKenzie, R. (2008). Ecological approach to the study of human community. Issues of Social Theory, 2(1), 232–246. (In Russ.)
5. Chistyakova, O.A. (2025). Integration of migrants into the multicultural space of Russian regions (on the example of the Republic of Adygea): Abstract of candidate's dissertation in social sciences. Maikop. (In Russ.)
6. Bock, F. K. (1970). Culture shock and migrant adaptation. Culture shock: A reader in modern cultural anthropology, 177–182. (In Russ.)
7. Goldin, G. G., Morozova, G. F., Osipov, A. G. (2012). Migration and interethnic relations in modern Russia. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Rybakovsky, L. L. (2007). History and theory of population migration. Book 3: Theory of three stages. Moscow. (In Russ.)
9. Zaslavskaya, T. I., Rybakovsky, L. L. (1978). Migration processes and their regulation in socialist society. Sociological Researches, 1, 56–66.
10. Zubok, Y. A., Chuprov V. I. (2017). Threats in a transforming habitat as a factor of social risks: Forecasting and regulation. Sociological Research, 5, 57–67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чистякова Ольга Александровна
заведующий кабинетом кафедры
информационных технологий
Академии управления МВД России

ABOUT THE AUTHOR

Chistyakova Olga Aleksandrovna
Head of the Department of Information Technologies
Academy of Management
Ministry of Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию	11.09.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	21.10.2025	
принята к публикации	27.11.2025	

Научная статья
УДК 316.3

Эволюция теорий управления социальными системами сквозь призму классических и современных подходов

Н. П. Поплевкин

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
obssss@mail.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в проведении всестороннего анализа эволюции теоретических подходов к управлению социальными системами – от классических концепций до современных моделей. Для достижения этой цели применены методы теоретического, сравнительного и критического анализа, методы синтеза, а также реализован междисциплинарный подход. Выбор указанных методов обусловлен необходимостью глубокого осмысления исторической динамики управленческой мысли, выявления взаимосвязей между различными парадигмами, критической оценки их сильных и слабых сторон в контексте меняющихся социальных реалий, а также интеграции знаний из смежных областей с целью формирования целостного представления о развитии управления. В статье рассматривается развитие ключевых управленческих парадигм, выявлены их сходства, различия и критические точки пересечения взглядов. Особое внимание уделяется трансформации представлений о роли человека в системе управления, возрастанию значения нематериальных факторов и гуманизации управления, а также переходу к моделям, ориентированным на развитие человеческого потенциала. По итогам анализа сделан вывод о критической важности междисциплинарного синтеза и интеграции различных подходов для создания устойчивых моделей управления социальными системами в современных условиях.

Ключевые слова: социальные системы, гуманизация управления, самоорганизация, адаптация, цифровизация

Для цитирования: Поплевкин Н. П. Эволюция теорий управления социальными системами сквозь призму классических и современных подходов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 4(861). С. 136–144.

Original article

Evolution of theories of social systems management through the prism of classical and modern approaches

Nikolai P. Poplevkin

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
obssss@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to conduct a comprehensive analysis of the evolution of theoretical approaches to the management of social systems – from classical concepts to modern models. To achieve this goal, the methods of theoretical, comparative and critical analysis, synthesis methods are used, and an interdisciplinary approach is implemented. The choice of these methods is due to the need for a deep understanding of the historical dynamics of management thought, identifying the relationships between different paradigms, critically assessing their strengths and weaknesses in the context of changing social realities, as well as integrating knowledge from related fields in order to form a holistic view of the development of management. In the course of the study, the development of key management paradigms was analyzed, their similarities, differences and critical

points of intersection of views were identified. Particular attention is paid to the transformation of ideas about the role of man in the management system, the increasing importance of intangible factors and the humanization of management, as well as the transition to models focused on the development of human potential. Based on the analysis, a conclusion was made about the critical importance of interdisciplinary synthesis and integration of various approaches to create sustainable models of social systems management in modern conditions.

Keywords: social systems, humanization of management, self-organization, adaptation, digitalization

For citation: Poplevkin N P. (2025). Theoretical Analysis of Sociological Approaches to Effective Management of Social Facilities. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University of Social Sciences*, 4(861), 136–144. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество представляет собой сложную социальную систему. Она характеризуется множеством взаимосвязанных элементов и высокой динамичностью развития. Управление такими системами является одной из ключевых задач современной социологии и управленческой науки, особенно в условиях интенсивных социальных трансформаций и усложнения организационных структур [Давыдов, 2019].

В различных научных источниках под понятием «управление социальными системами» нередко подразумевается целенаправленное воздействие субъектов управления (руководителей, органов власти, организаций) на различные социальные группы, сообщества и общество в целом с целью обеспечения устойчивости, согласованности и развития социальных процессов¹. В данном контексте особое значение приобретают различные теории управления социальными системами. Теоретические подходы позволяют глубоко понять природу таких систем, выявить механизмы их функционирования и определить перспективные направления их развития.

В условиях современного социума, который характеризуется глобализацией, цифровизацией, высокой степенью неопределенности и ускорением социальных изменений [Садовая, Сауткина, Зенков, 2019], традиционные теоретические подходы к управлению оказываются достаточно эффективными. Возникает необходимость переосмысления накопленного опыта управленческой мысли и поиска новых концептуальных оснований, при формировании которых учитываются нелинейность социальных процессов, возрастающая

роль человеческого фактора и влияние цифровых технологий. В связи с этим особый интерес представляет комплексный анализ эволюции теорий управления социальными системами, включающий рассмотрение классических, неоклассических и современных подходов к управлению. Такой анализ позволит выявить ключевые особенности каждого этапа развития управленческой мысли, определить их вклад в понимание социальных процессов и продемонстрировать необходимость междисциплинарного синтеза в исследовании социальных систем.

Социальная система предстает как целостное единство взаимосвязанных субъектов – индивидов, групп и организаций, объединенных общими нормами, ценностями и интересами². Управление такими системами направлено на упорядочение социальной сферы, координацию действий участников и создание условий для достижения социально значимых целей. Особенности управления социальными системами обусловлены фундаментальными характеристиками объекта – общества и его многообразных компонентов. К ключевым чертам относятся субъектность входящих элементов (людей и групп), высокая сложность и неопределенность социальных процессов, их многоуровневый и многофакторный характер, глубокая культурно-ценностная обусловленность управленческих решений, а также постоянная динамичность и изменчивость социальной среды [Субъектность в современном обществе: социально-философский аспект, 2022]. Понимание и учет этих особенностей критически важны. Они требуют непрерывного совершенствования теоретических подходов и методов управления с учетом современных вызовов и тенденций развития общества.

¹Социальное управление // Административное право : энциклопедия. URL: https://administrative_law.academic.ru/424/Социальное_управление (дата обращения: 18.05.2025).

²Система социальная // Социологический словарь Socium. URL: https://socium.academic.ru/448/Система_социальная (дата обращения: 18.05.2025).

РАННИЕ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ: РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Этот процесс совершенствования теории и практики управления отражен в историческом развитии управленческой мысли, традиционно начинающемся с Классической школы управления. Она возникла под влиянием индустриальной революции, масштабного роста производства и необходимости повышения эффективности труда в условиях усложнения промышленных предприятий. Классический подход характеризовался стремлением применить к управлению принципы рациональности, систематизации и стандартизации воспроизводя организацию, прежде всего, как механизм, а работника – как ее составную часть.

Фредерик Тейлор как основатель классической модели управления заложил фундамент для развития теории управления, основанной на рационализации и стандартизации рабочих процессов. Его подход характеризуется тщательным анализом операций с целью оптимизации использования производственных ресурсов и повышения производительности труда. В основе его концепции лежит механистическое разделение обязанностей между руководителями и исполнителями, при котором каждый выполняет строго определенные функции в соответствии с установленными нормами.

Тейлор рассматривал социальное партнерство и производственную солидарность как естественные результаты слаженной работы индустриальной системы. Он полагал, что принципы управления материально-техническими процессами в промышленности отражают универсальные законы управления обществом в целом. По его мнению, общество представляет собой огромный индустриальный механизм, в котором социальные процессы сводятся к закономерностям развития производства, исключая влияние субъективных и культурных факторов [Тейлор, 2021]. Такой взгляд полностью соответствует индустриальной парадигме общественных наук конца XIX – начала XX века.

Классическая парадигма управления по Тейлору представляет собой систему, основанную на научном подходе к организации труда, но ограниченную механистическим восприятием человека и недостаточным учетом социальных и психологических аспектов трудовой деятельности.

Именно этот аспект менеджмента стал предметом изучения и осмысления А. Файоля, который сосредоточил внимание на управлении организацией как единым целым и роли руководителя. Опираясь на обширный практический опыт,

Файоль впервые четко сформулировал управление (администрирование) как самостоятельную функцию предприятия. Согласно учению Файоля, она равнозначна традиционным технической, коммерческой и финансовой функциям. Файоль выделил пять базовых функций управления – планирование (предвидение), организация, распоряительство, координация и контроль – тем самым заложив основу универсального управленческого цикла, применимого к любым типам организаций.

Файоль также сформулировал четырнадцать принципов управления, среди которых – разделение труда, единоначалие, единство направления, скалярная цепь (четкая вертикальная линия полномочий от высшего руководства к низшим уровням), корпоративный дух, подчинение индивидуальных интересов общим интересам и справедливость. Эти принципы выступают в роли гибких ориентиров, призванных обеспечить эффективное администрирование предприятия, а также гармонизацию организационной структуры и взаимодействия персонала [Файоль, 2024]. Таким образом, Файоль создал первую комплексную и систематизированную модель управления, охватывающую всю совокупность управленческих процессов на уровне организации в целом.

Если подход Файоля представляет собой практическое руководство по управлению предприятием для достижения максимальной производительности и порядка, то М. Вебер выбрал иной путь – теоретическое исследование природы власти и структур организаций. В отличие от нормативных предписаний Файоля, Вебер анализировал типы легитимности господства – традиционную, харизматическую и рационально-легальную, а также исторически обусловленные формы социальной организации. Его задача заключалась не в практических рекомендациях, а в глубоком понимании механизмов функционирования и социальных последствий доминирующих организационных форм.

Главным вкладом Вебера в науку управления стала концепция бюрократии как «идеального типа» рационально-правовой организации – абстрактной модели, служащей эталоном для выявления характерных черт реальных структур. Модель бюрократии базируется на иерархии, формальных правилах, четком разделении труда, безличных отношениях, а также профессиональной квалификации при найме сотрудников в организацию и их продвижении по службе. Концепция, разработанная Вебером, стала фундаментальным аналитическим инструментом для описания формализованных структур, которые классическая школа управления стремилась оптимизировать.

Однако Вебер не ограничивался лишь описанием эффективности бюрократии. Он предупреждал о негативных последствиях тотальной рационализации производства. Метафора «железной клетки» сообразно ситуации, в которой человек оказывается подчиненным обезличенным бюрократическим правилам, теряя творческий потенциал и гибкость. В этой «клетке» свобода и спонтанность личной инициативы подавляются несгибаемой логикой эффективности и контроля [Вебер, 2016].

На фоне постепенного осознания ограничений формально-рациональной модели организации М. Вебера возникла Школа человеческих отношений, ключевой фигурой которой стал Э. Мэйо. Его исследования, включая знаменитые Хоторнские эксперименты, показали, что внимание исследователей к сотрудникам значительно повышает производительность и удовлетворенность, независимо от объективных изменений условий труда [Бурганова, Савкина, 2021, с. 67].

Главным открытием Школы человеческих отношений стало понимание организации не только как формальной структуры с установленными правилами, но и как сложной социальной системы. Внутри нее складываются неформальные группы с собственными установками, ценностями и лидерами, которые существенно влияют на поведение сотрудников. Социальные и психологические факторы – внимание руководства, чувство принадлежности, межличностное взаимодействие и благоприятный климат часто оказывают более сильное воздействие на результаты труда, нежели физические условия или формальные стимулы [там же].

СИСТЕМНЫЕ ПАРАДИГМЫ: СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ И АВТОПОЭТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Последователи Школы человеческих отношений не дали исчерпывающего ответа на вопрос о месте организации в широкой социальной структуре и ее функциях в обществе. Для полноценного понимания роли организаций потребовалось выйти за рамки изучения внутренних процессов и обратить внимание на их взаимодействие с внешней средой. Этот аспект стал центральным в исследованиях американского социолога Талкотта Парсонса.

В рамках своей теории структурного функционализма Т. Парсонс рассматривал организации как особый тип социальных систем, ориентированных на достижение специфических целей, важных для общества. В своих трудах он предложил схему AGIL (Adaptation – адаптация, Goal attainment – достижение цели, Integration – интеграция,

Latency – поддержание норм), согласно которой любая социальная система должна выполнять четыре универсальные функции:

- 1) адаптироваться к внешней среде;
- 2) достигать поставленных целей;
- 3) интегрировать внутренние элементы;
- 4) поддерживать культурные нормы.

Применяя модель AGIL к организациям, Т. Парсонс классифицировал их в зависимости от доминирующей функции, которую они выполняют в обществе. Так, производственные организации отвечают за адаптацию к внешним условиям; политические структуры – за достижение целей; судебная система обеспечивает интеграцию посредством регулирования конфликтов; образовательные и культурные учреждения поддерживают культурные нормы и ценности. Таким образом, Парсонс отразил роль организаций в контексте их вклада в функционирование общества на макроуровне. [Парсонс, 2018].

Парсонс рассматривал внутреннюю структуру организации не как самоцель, а как средство для выполнения социальных функций. Формальные роли, иерархия и правила выступают механизмами реализации задач модели AGIL внутри организации: координации деятельности (G), адаптации к внешним требованиям (A), интеграции членов организации (I) и поддержания компетенций и ценностей (L).

В отличие от предыдущих школ управления, сосредоточенных преимущественно на внутренних процессах, Парсонс расширил анализ, включив во внимание взаимодействие организаций с внешней средой – другими институтами, экономикой и культурой.

Дальнейшее развитие системной теории в трудах немецкого социолога Н. Лумана не только углубило анализ взаимодействия социальных систем со средой, но и позволило кардинально переосмыслить сущность социальных систем и их границ. Луман предложил новый взгляд на социальные системы и ввел понятие операциональной замкнутости. Он отошел от парсоновского понимания социальных систем как совокупности действий индивидов, ориентированных на общие ценности и нормы, предложив альтернативную концепцию.

В теории Лумана социальные системы, включая организации, рассматриваются не как совокупность индивидов или их действий, а как системы коммуникаций. Организация выступает в роли автопоэтической системы – она воспроизводит саму себя через непрерывный процесс принятия решений. При этом решения не принимаются индивидами «внутри» системы; сами решения являются элементами системы, которые

связываются между собой и порождают новые решения. В результате этого процесса возникают эмерджентные свойства организации – структура, паттерны взаимодействия и поведение, присущие системе в целом и не сводимые к отдельным элементам [Луман, 2007].

Индивиды (психические системы) и их сознание не находятся «внутри» социальной системы организации, а составляют ее среду. Организация использует людей как среду для своего существования, но сама состоит исключительно из коммуникаций, включая решения. По Луману, организация является операционально замкнутой системой: она воспроизводит собственные элементы на основе уже существующих внутри себя и не зависит от внешних элементов в условиях своего надежного функционирования. При этом замкнутость не означает изоляции – система структурно сопряжена со средой и реагирует на ее возмущения, которые влияют на принимаемые решения, не нарушая внутреннюю логику самовоспроизводства [Луман, 2007].

Такое понимание организации радикально меняет подход к управлению социальными системами. Управление уже не может сводиться к простому внешнему воздействию или контролю с целью предсказуемого изменения состояния системы. Поскольку система воспроизводит себя изнутри, ее функционирование определяется сложными эмерджентными свойствами, возникающими в процессе самовоспроизводства. Эти свойства системы не поддаются прямому внешнему конструированию или точному прогнозированию. Вместе с тем при всей своей аналитической силе такие абстрактные подходы имеют ограничения. Вопросы мотивации сотрудников, особенности их взаимодействия и властные отношения внутри организации оказываются менее заметными и менее доступными для анализа в практической управленческой деятельности¹. Таким образом, несмотря на значительный вклад этих теорий в понимание организаций на макроуровне, имеет смысл дополнить их другими подходами.

¹Например, в исследовании Deloitte «2024 Global Human Capital Trends» выявлено, что 48% организаций сталкиваются с трудностями в прогнозировании поведения сотрудников и результатов работы из-за эмерджентных свойств внутри команд и подразделений. При этом более 70% руководителей признают необходимость перехода к более гибким и адаптивным моделям управления, учитывающим внутреннюю самоорганизацию и неформальные взаимодействия. Аналогичные выводы содержатся в исследовании Gallup «State of the Global Workplace 2023»: согласно опросу, лишь 36% работников чувствуют себя мотивированными на работе, что напрямую связано с недостаточным вниманием к внутренним взаимоотношениям и властным структурам внутри организаций.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОЛЯ, ОБУЧЕНИЕ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Итак, социологическим взглядам Лумана, прежде всего, автопоэтическому подходу сопутствует альтернативная социологическая концепция Пьера Бурдьё. В рамках данной концепции акцент смещается на социального агента как носителя определенных диспозиций и ресурсов. Он действует внутри структурированных социальных пространств. Хотя сам Бурдьё не формулировал отдельной теории организации или теории управления в классическом смысле, его концептуальный инструментарий – габитус, поле и различные формы капитала – служит надежным теоретическим фундаментом для критического осмысления управленческих практик и выявления подлинной динамики функционирования организаций [Бурдьё, 2021]. С этой точки зрения организации понимаются не просто как функциональные структуры или системы принятия решений, а как социальные поля – арены борьбы агентов, обладающих различными габитусами (внутренне усвоенными схемами мышления и действия) и разными формами капитала (экономического, культурного, социального и символического). Внутри таких полей агенты взаимодействуют, конкурируют и соперничают за позиции, ресурсы и право легитимно определять способы действия. Организация представляет собой одновременно самостоятельное поле борьбы и арену в более широких социальных контекстах. Управленческие воздействия реализуются в пространстве, структурированном властными отношениями и распределением капитала [Бурдьё, 2020].

Пьер Бурдьё разработал концепцию организации как социального поля, в котором постоянно разворачивается борьба за власть и распределение различных видов капитала – экономического, культурного и социального. По его мнению, организационные структуры возникают и поддерживаются благодаря властным отношениям, что неизбежно порождает конфликты и неравенство между социальными агентами и группами внутри организации. Таким образом, организация предстает как сложная система социальных позиций и практик, посредством которых закрепляются и воспроизводятся существующие производственные отношения. В условиях социальной неоднородности особенно возрастает потребность в механизмах самоанализа и трансформации, способных выявлять глубинные модели мышления и поведенческие паттерны, лежащие в основе организационных структур. Именно в этом

контексте теория организационного обучения П. Сенге приобретает особое значение.

Сенге предлагает рассматривать организацию как обучающуюся систему, способную к непрерывному развитию и адаптации посредством коллективного обучения. В своей теории он выделяет пять ключевых дисциплин:

- 1) личное мастерство;
- 2) ментальные модели;
- 3) общее видение;
- 4) обучение в команде;
- 5) системное мышление.

Особое внимание Сенге уделяет системному мышлению – способности воспринимать организацию как целостную систему взаимосвязанных элементов и процессов. Обучающаяся организация по Сенге – это организация, которая не просто реагирует на изменения внешней среды, но и обнаруживает способность трансформировать свои базовые предположения, ценности и организационные структуры посредством коллективного обучения. Это позволяет ей эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям и повышать результативность своей деятельности [Сенге, 2018].

Однако при всей значимости подхода Сенге к пониманию организационного обучения и трансформации исследования в области синергетики и теории сложности предлагают более широкий взгляд на механизмы радикальных изменений в организациях. Эти теории рассматривают организацию как сложную адаптивную систему – концепцию, впервые предложенную Д. Холландом [Holland, 1992] и далее развитую С. Кауфманом [Kauffman, 1993]. Такая система включает множество взаимодействующих агентов (индивидов, команд, подразделений), чьи локальные взаимодействия, происходящие без централизованного контроля, порождают непредсказуемые эмерджентные свойства и паттерны на макроуровне. Ключевая идея – самоорганизация: спонтанное возникновение порядка и структуры в результате локальных взаимодействий агентов. Этот процесс связан с основными характеристиками сложных адаптивных систем:

- нелинейностью (когда малые изменения вызывают значительные последствия);
- обратными связями (усилением или ослаблением изменений через циклические причинно-следственные механизмы);
- эмерджентностью (появлением новых свойств на макроуровне, не сводимых к сумме характеристик элементов);
- аттракторами (устойчивыми состояниями, к которым стремится система);

- адаптивностью (способностью изменяться под воздействием среды);
- распределенным управлением (отсутствием единого центра принятия решений);
- робастностью (сохранением функциональности при возмущениях) и коэволюцией (взаимным развитием системы и ее окружения) [Mitchell, 2009].

Таким образом, организации представляются как динамические системы, способные к самоорганизации через простые локальные взаимодействия агентов. Как известно, бюрократическая иерархия производства структурирована преимущественно сверху вниз. Аналогично устроена функционалистская модель производственной деятельности. В рамках означенной деятельности порядок определяется системными императивами. В противоположность им синергетический подход направлен на спонтанное возникновение порядка. Он мыслится и выстраивается снизу вверх. Это происходит благодаря локальному взаимодействию агентов, которые следуют простым правилам или реагируют на локальные сигналы.

Это принципиально меняет роль управления в современных социальных системах. Вместо попыток тотального контроля, характерного для классического менеджмента, или стремления поддерживать равновесие в духе структурного функционализма, управление в сложных адаптивных системах становится фасилитацией – созданием условий для продуктивного взаимодействия агентов, поддержанием разнообразия, регулировкой границ и адаптацией к непредсказуемым изменениям. Теория сложности предлагает эффективные инструменты для анализа кризисов, неопределенности и радикальных инноваций – явлений, которые чрезвычайно затруднительно объяснить с помощью более ранних моделей. Например, концепция эмерджентности позволяет интерпретировать появление новых организационных форм и практик, не запланированных заранее [Olson, Eoyang, 2008].

Особенно актуален синергетический подход в условиях цифровизации. Она порождает беспрецедентные уровни взаимосвязанности и непредсказуемых эффектов в социальных системах. Сложившаяся ситуация требует разработки новых методов понимания означенных когнитивных механизмов и управления ими [Mainzer, 2007].

Понимание организации как живой, обучающейся и сложной системы неизбежно ведет к новым взглядам на управление, реализованным в концепциях гибких и сетевых структур. Понимание жестких иерархических моделей, описанных М. Вебером на базе стабильного социума, в наши

дни крайне затруднено. Фактор социальной нестабильности сегодня становится препятствием для быстрой адаптации индивида к изменчивой реальности и свободного обмена знаниями. Он практически невозможен в условиях социальной неопределенности и турбулентности. Напротив, сетевые структуры позволяют гибко перераспределять ресурсы, быстро обмениваться информацией и оперативно реагировать на возникающие вызовы [Gharajedaghi, 2011].

Управление в таких системах основывается на самоорганизации и распределенном принятии решений. Руководство призвано создавать условия для эффективного взаимодействия и адаптивного поведения сотрудников. Роль «человеческого фактора» переосмысливается – управление перестает быть лишь инструментом контроля и становится средством раскрытия творческого потенциала, здоровой инициативности и способности к сотрудничеству. Именно эти качества движут процессами обучения, самоорганизации и инноваций. Главная задача руководителей – формировать культуру доверия, открытой коммуникации и вовлеченности [Schein E., Schein P., 2017]. Гуманизация управления перестает быть просто этическим императивом или способом повышения моральной удовлетворенности персонала (как у Э. Мэйо). Гуманизация производства поэтапно становится условием эффективного функционирования организации как обучающейся системы.

Особое значение для стратегического управления приобретает понимание роли «габитуса» и организационного поля. Это позволяет учитывать не только способность агентов воспроизводить существующие структуры, но и их активное участие в трансформации этих структур через обучение и взаимодействие в сложной системе. В этом контексте цифровизация становится катализатором изменений в управленческих практиках и способствует появлению новых инструментов управления социальными системами. Цифровые технологии открывают дополнительные каналы коммуникации и координации, облегчая сетевое взаимодействие и обмен информацией. Это предоставляет управленцам дополнительные возможности для точной координации действий сотрудников и эффективного обмена знаниями. Управление в цифровую эпоху требует рассмотрения возникающих вызовов через призму теорий власти и капитала П. Бурдьё, а также оценки их влияния на динамику системных процессов и потенциал самоорганизации. Ключевым аспектом является поиск баланса между технологическими возможностями и сохранением гуманистических принципов управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе всестороннего анализа развития теорий управления социальными системами выявилась острая необходимость комбинации классических и современных подходов к разработке адекватных моделей управления в условиях стремительно меняющейся социальной среды. В современных концепциях организация рассматривается как сложная многоуровневая система, наделенная способностью к самоконтролю. Означенные свойства организации располагают учитывать не только структурные, но также социальные и психологические аспекты ее функционирования. Синергетический подход, развивая идеи классиков управленческой мысли, предлагает методологическую основу для понимания процессов возникновения новых качеств и обеспечения устойчивого развития систем в условиях неопределенности и сложности внешней среды.

Особое значение приобретает роль информационных технологий и цифровизации в трансформации управленческих практик, способствующих повышению оперативности принятия решений и расширению возможностей анализа больших объемов данных. Внедрение интеллектуальных систем поддержки управления позволяет оптимизировать процессы взаимодействия внутри организаций и создает предпосылки для более глубокого понимания динамики социальных процессов как на микро-, так и на макроуровнях. Это открывает новые перспективы для развития адаптивных моделей управления, способных быстро реагировать на вызовы современности и обеспечивать устойчивость социальных систем в условиях постоянных изменений.

Эффективность применения адаптивных и гибких управленческих подходов зависит от организационного контекста и типа организации. В стабильных и предсказуемых условиях традиционные методы управления, включая бюрократические структуры, сохраняют свою актуальность для обеспечения устойчивости, порядка и стабильности, тогда как в условиях высокой изменчивости и сложности более эффективными оказываются гибкие, адаптивные модели, позволяющие быстрее реагировать на изменения посредством децентрализации решений и развития коммуникаций.

Исследования показывают, что формирование современных управленческих парадигм требует междисциплинарного синтеза знаний и гибкого выбора инструментов управления, ориентированных на развитие человеческого потенциала и обеспечение устойчивости социальных систем в современном мире. В наиболее динамичных

и сложных организациях, адаптивные модели становятся необходимыми для быстрого реагирования и развития потенциала сотрудников.

Таким образом, оптимальным является интегрированный подход, в рамках которого сочетаются традиционные и современные методы с учетом специфики каждой организации и уровней

взаимодействия внутри социальных систем. Означенная социальная практика становится предпосылкой для дальнейших исследований, направленных на разработку комплексных моделей управления, в построении которых учитывается многообразие факторов и условий современного организационного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давыдов А. А. Системная социология: новая социология, основанная на общих теориях систем, методах системного анализа и системного управления. М.: ЛКИ, 2019.
2. Садовая Е. С., Сауткина В. А., Зенков А. Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019.
3. Субъектность в современном обществе: социально-философский аспект: коллективная монография / Д. В. Аверьянова, В. Д. Береснев, Н. И. Береснева [и др.] ; под общ. ред. Ю. В. Лоскутова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2022.
4. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента: современное толкование и задачник. М.: LIVREZON, 2021.
5. Файоль А. Общее и промышленное управление. М.: Субъект, 2024.
6. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1: Социология. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2016.
7. Бурганова Л. А., Савкина Е. Г. Элтон Мэйо: теоретик и практик управления. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021.
8. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2018.
9. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
10. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2021.
11. Бурдые П. Государственное дворянство: Элитные школы и дух корпоративности. М.: Институт Гайдара, 2020.
12. Сенге П. М. Пятая дисциплина: искусство и практика обучающейся организации. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
13. Holland J. H. *Adaptation in Natural and Artificial Systems: An Introductory Analysis with Applications to Biology, Control, and Artificial Intelligence*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1992.
14. Kauffman S. A. *The Origins of Order: Self-Organization and Selection in Evolution*. New York: Oxford University Press, 1993.
15. Mitchell M. *Complexity: A Guided Tour*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
16. Olson E. E., Eoyang G. H. *Facilitating Organization Change: Lessons from Complexity Science*. Greensboro, NC: Center for Creative Leadership, 2008.
17. Mainzer K. *Thinking in Complexity: The Computational Dynamics of Matter, Mind, and Mankind*. 5th rev. and enlarged ed. Berlin: Springer, 2007.
18. Gharajedaghi J. *Systems Thinking: Managing Chaos and Complexity*. 3rd ed. Burlington, MA: Elsevier, 2011.
19. Schein E. H., Schein P. *Organizational Culture and Leadership*. 5th ed. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2017.

REFERENCES

1. Davydov, A. A. (2019). *Sistemnaia sotsiologiya: novaia sotsiologiya, osnovannaia na obshchikh teoriakh sistem, metodakh sistemnogo analiza i sistemnogo upravleniia* = Systemic sociology: a new sociology based on general systems theories, methods of systems analysis and systems management. Moscow: LKI. (In Russ.)
2. Sadovaia, E. S., Sautkina, V. A., & Zenkov, A. R. (2019). *Formirovanie novoi sotsial'noi real'nosti: tekhnologicheskie vyzovy* = Formation of a new social reality: technological challenges. Moscow: IMEMO RAN. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0564-2> (In Russ.)
3. Averbianova, D. V., Beresnev, V. D., Beresneva, N. I., et al. (2022). *Sub'ektnost' v sovremennom obshchestve: sotsial'no-filosofskii aspekt* = Subjectivity in modern society: socio-philosophical aspect. Perm: Perm. gos. nats. issled. un-t. (In Russ.)

4. Taylor, F. W. (2021). Printsipy nauchnogo menedzhmenta: sovremennoe tolkovanie i zadachnik = Principles of scientific management: modern interpretation and workbook (A. V. Agafonova, Trans.). Moscow: LIVREZON. (In Russ.)
5. Fayol, A. (2024). Obshchee i promyshlennoe upravlenie = General and industrial management. Moscow: Sub'ekt. (In Russ.)
6. Weber, M. (2016). Khoziaistvo i obshchestvo: ocherki ponimaushchei sotsiologii. T. 1: Sotsiologiya = Economy and society: essays on understanding sociology. Vol. 1: Sociology (L. G. Ionina, Ed.). Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)
7. Burganova, L. A., & Savkina, E. G. (2021). Elton Mejo: teoretik i praktik upravleniya = Elton Mayo: theorist and practitioner of management. Moscow: NITs INFRA-M. (In Russ.)
8. Parsons, T. (2018). O strukture sotsial'nogo deistviya = On the structure of social action (V. F. Chesnokova & S. A. Belanovskii, Eds.). Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russ.)
9. Luhmann, N. (2007). Sotsial'nye sistemy: ocherk obshchei teorii = Social systems: an outline of general theory (I. D. Gaziev, Trans.; N. A. Golovin, Ed.). St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
10. Bourdieu, P. (2021). Prakticheskii smysl = Practical sense. St. Petersburg: Aleteia. (In Russ.)
11. Bourdieu, P. (2020). Gosudarstvennoe dvorianstvo: elitnye shkoly i dukh korporativnosti = State nobility: elite schools and the spirit of corporatism. Moscow: Institut Gaidara. (In Russ.)
12. Senge, P. M. (2018). Piataia distsiplina: iskusstvo i praktika obuchaiushcheisya organizatsii = The fifth discipline: the art and practice of the learning organization (Yu. Konstantinova, Trans.; Yu. Potyomkina, Ed.). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)
13. Holland, J. H. (1992). Adaptation in natural and artificial systems: An introductory analysis with applications to biology, control, and artificial intelligence. Cambridge, MA: The MIT Press.
14. Kauffman, S. A. (1993). The origins of order: Self-organization and selection in evolution. New York: Oxford University Press.
15. Mitchell, M. (2009). Complexity: A guided tour. Oxford: Oxford University Press.
16. Olson, E. E., & Eoyang, G. H. (2008). Facilitating organization change: Lessons from complexity science. Greensboro, NC: Center for Creative Leadership.
17. Mainzer, K. (2007). Thinking in complexity: The computational dynamics of matter, mind, and mankind (5th rev. and enlarged ed.). Berlin: Springer.
18. Gharajedaghi, J. (2011). Systems thinking: Managing chaos and complexity (3rd ed.). Burlington, MA: Elsevier.
19. Schein E. H., Schein P. Organizational Culture and Leadership. 5th ed. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поплевкин Николай Петрович

кандидат социологических наук

докторант Военного университета имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

ABOUT THE AUTHORS

Poplevkin Nikolay Petrovich

PhD (Sociology)

doctoral Student of the Military University named after Prince Alexander Nevsky

Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	11.09.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	21.10.2025	
принята к публикации	27.11.2025	

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Общественные науки Выпуск 4 (861)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Social Sciences Issue 4 (861)
--	---

Ответственный редактор выпуска
кандидат политических наук М. В. Пупышева

Редакторы: *В. А. Геронимус*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 29.12.2025
Усл. печ. л. 16,75. Формат 60x90/8
Заказ № 120/25

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.